ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

А. ТУНЪ.

2б в

ИСТОРІЯ
РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Э. ШИШКО.

Выпускъ третій

...ія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1903 г.

Глава шестая.

ПЕРЕХОДЪ КЪ ТЕРРОРИЗМУ.
(1878 и 1879)

Въ 1878 г. въ русскомъ движеніи начинается глубокое измѣненіе, которое привело въ 1879 г. къ открытому раздвоенію революціонной партіи. Соціалистическія цѣли отодвигаются теперь на задній планъ политическими, мирныя средства замѣняются терроризмомъ, а слабая организація довольно независимыхъ другъ отъ друга кружковъ уступаетъ мѣсто централистической организаціи съ суровой дисциплиной и строгой тайной. Подобныя стремленія проявлялись уже и раньше: они существовали даже въ первоначальный періодъ мирной пропаганды, но тогда эти стремленія не оказали вліянія на ходъ событій. Только теперь они получили преобладаніе, хотя все таки не исключительное, такъ какъ прежнія направленія все еще продолжали поддерживать свое существованіе, хотя и очень блѣдное. Если отбросить въ сторону побочныя и второстепенныя явленія, то во всемъ русскомъ революціонномъ движеніи, съ начала 70-хъ годовъ, можно замѣтить три идущихъ параллельно теченія, изъ которыхъ сперва пользовалась преобладаніемъ соціалистическая, децентрализованная, мирная пропаганда, затѣмъ соціалистическая, децентрализованная революціонная агитація и наконецъ — централизованный политическій терроръ. Зародыши этого послѣдняго обнаружились еще въ самомъ началѣ и, вслѣдствіе разгара борьбы, созрѣли очень рано. Вообще русская революція съ какой то бѣшенной стремительностью промчалась по всѣмъ стадіямъ своего развитія. Этотъ ходъ развитія логически вылился изъ конкретныхъ обстоятельствъ, и ни въ какомъ случаѣ не былъ намѣченъ заранѣе преобладающимъ большинствомъ русскихъ соціалистовъ. Централизованный политическій терроръ явился скорѣе непосредственнымъ продуктомъ безпощадной борьбы между деспотическимъ правительствомъ и доведенной до отчаянія революціонной молодежью, причемъ обѣ стороны не останавливались ни передъ какими средствами.

Зимою 1877-1878 г. никого уже не могло удивить, что политическіе вопросы выступили на первый планъ. Безграничная продажность русской администраціи, обнаруженная турецкой кампаніей, отчаяніе, овладѣвшее обществомъ послѣ несчастій подъ Плевной, затѣмъ неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвелъ Берлинскій трактатъ, заключенный въ

іюлѣ 1878 г.,—все это привело самые широкіе общественные круги къ мысли о необходимости общественнаго контроля надъ правительствомъ. Параллельно съ чисто патріотическимъ теченіемъ шло либеральное, которое нашло свое выраженіе въ томъ, что какъ либералы, такъ и славянофилы открыто требовали дарованія конституціи. Но изъ революціонеровъ только немногіе были захвачены тогда этимъ теченіемъ. Они еще оставались во всѣхъ отношеніяхъ строгими соціалистами, для которыхъ политическая борьба имѣла лишь второстепенный интересъ. Они даже боялись, чтобы она не отвлекла ихъ отъ главной цѣли — соціальной и экономической революціи. Какъ уже было сказано выше, они все еще были заняты своими попытками демонстрацій и организаціей революціонныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ; нѣкоторые изъ нихъ сражались на болгарскихъ поляхъ или пытались освободить изъ тюремъ своихъ товарищей, все еще томившихся тамъ въ ожиданіи судебнаго приговора. Между тѣмъ преслѣдованія и аресты не только не прекращались, но продолжались, съ особымъ усердіемъ, причемъ система шпіонства была доведена до большого совершенства. Правда, послѣ секретнаго циркуляра министра юстиціи гр. Палена отъ марта 1876 г.*) шпіоны уже не выступали больше на судахъ, чтобы не обнаруживать себя и не компрометтировать(?!) безпристрастія судей; но они имѣлись повсюду и въ большомъ количествѣ. Шпіонъ, которому удавалось втереться въ довѣріе какого нибудь кружка, могъ привести къ тюремному заключенію десятки революціонеровъ; поэтому послѣдніе смотрѣли, какъ на актъ необходимой самозащиты, когда пытались отдѣлаться отъ шпіона убійствомъ. Такъ еще въ іюнѣ 1876 г., бывшій пропагандистъ, Гориновичъ, выдавшій въ 1874 г. многихъ товарищей, а затѣмъ, послѣ своего освобожденія, снова сумѣвшій пробраться въ одинъ изъ кіевскихъ кружковъ, былъ опасно раненъ въ Одессѣ Львомъ Дейчемъ и навѣки обезображенъ сѣрной кислотой. Записка, прикрѣпленная къ раненому гласила «такова участь всякаго шпіона.»**) Въ 1876 г. былъ убитъ шпіонъ Тавлѣевъ въ Одессѣ, а въ Петербургѣ, въ томъ же году, былъ убитъ шпіонъ Финогеновъ. Къ необходимой самозащитѣ вскорѣ присоединился второй сильный мотивъ политическаго убійства—месть.

24 января 1878 г., на другой день послѣ произнесенія судебнаго приговора по процессу 193-хъ раздался рѣшительный выстрѣлъ, который послужилъ какъ бы сигналомъ боевой аттаки: выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ петербургскаго полиціймейстра, генерала Трепова. Она явилась къ нему въ качествѣ

*) «Община», № 1.
**) «Община» № 8-9, письмо Дейча.

просительницы, подала ему бумагу и въ тотъ моментъ, когда онъ принималъ ее, выстрѣлила въ него изъ револьвера, причемъ опасно ранила его; затѣмъ она бросила оружіе на полъ и дала спокойно себя взять. Причиной своего поступка она объявила жестокое обращеніе въ тюрьмѣ съ лично ей неизвѣстнымъ студентомъ Боголюбовымъ.*) 13 іюля 1877 г. Треповъ, явившись въ петербургскую тюрьму, грубо набросился на политическаго заключеннаго Боголюбова и приказалъ отправить его въ карцеръ, а затѣмъ подвергнуть тѣлесному наказанію. Послѣ этого въ тюрьмѣ начались необычайныя волненія; многіе заключенные въ наказаніе за это были схвачены въ своихъ камерахъ, избиты и посажены въ карцеры; причемъ нѣкоторые попали въ такіе карцеры, изъ которыхъ не выносились экскременты, и гдѣ температура достигала до 30°. Извѣстіе объ этомъ проникло даже въ русскія газеты, хотя въ самой скромной формѣ; женевская же пресса открыто и громко взывала къ мести. Въ своемъ тайномъ докладѣ Треповъ сознается, что велѣлъ наказать Боголюбова тѣлесно, потому что онъ былъ систематически дерзокъ и не послушенъ; однако онъ утверждаетъ, что тѣлесное наказаніе было допущено имъ на законномъ основаніи, ибо приговоръ надъ Боголюбовымъ уже вошелъ въ законную силу, причемъ Боголюбовъ не былъ потомственнымъ дворяниномъ, а сыномъ причетника. Вмѣстѣ съ тѣмъ Треповъ вполнѣ оправдывалъ произволъ полиціи. Вѣдь правительство даже судебные приговоры признавало лишь въ той мѣрѣ, въ какой они соотвѣтствовали его желаніямъ и ожиданіямъ; въ остальномъ же оно оставляло за собой право исправлять дѣйствія правосудія. И дѣйствительно, объявленныя съ такой помпой самостоятельность и независимость суда были простымъ фарсомъ, и, наприм., требованіе возбудить уголовное преслѣдованіе противъ тюремнаго начальства послѣ случая съ Боголюбовымъ не было удовлетворено.

1 апрѣля 1878 г. произошло судебное разбирательство дѣла Засуличъ, и даже передъ судомъ присяжныхъ, потому что самъ гр. Паленъ лично поручился царю за соотвѣтствующій приговоръ. Но даже прокуроръ оказался настолько подъ вліяніемъ благопріятнаго для Засуличъ общественнаго мнѣнія, что прежде всего сталъ оправдываться, почему онъ не смотритъ на Трепова, какъ на обвиняемаго, хотя «вполнѣ вѣритъ» высказаннымъ молодой дѣвушкой мотивамъ. Защитникъ Александровъ назвалъ рѣчь прокурора «благородной и умѣренной» и самымъ эфектнымъ образомъ ходатайствовалъ лишь

---

*) *Баши-бузуки С. Петербурга.* Впередъ. т. V.—Russische Wandlungen: Denkschrift von Trepoff, pp. 250, 256 и слѣд.—Лавровъ въ Jahrbuch für Socialwissenschaft 1879 г. стр. 281.

о смягченіи наказанія для обвиняемой. Вѣра Засуличъ еще шестнадцатилѣтней дѣвушкой знала Нечаева, когда тотъ не былъ еще революціонеромъ, и разрѣшила ему пользоваться ея адресомъ для своей переписки. За это она подверглась 2-хъ лѣтнему предварительному тюремному заключенію; затѣмъ она была выпущена изъ тюрьмы, но выслана административнымъ порядкомъ въ Крестцы (Новгородск. губ.), оттуда переведена въ Тверь, потомъ въ Солигаличъ, потомъ въ Харьковъ, причемъ ее то сажали въ тюрьму, то выпускали, безъ всякаго суда. Наконецъ, она покинула Харьковъ, не обративъ на себя ни чьего вниманія, и явилась въ Петербургъ. Здѣсь она узнала о происшествіи съ Боголюбовымъ и хотя не была лично знакома ни съ Боголюбовымъ, ни съ Треповымъ, но рѣшилась отомстить за возмутительное обращеніе съ заключенными, которое она не разъ испытала на самой себѣ. Противъ этой біографіи Засуличъ, набросанной ея защитникомъ, Треповъ не могъ ничего возразить. Онъ утверждалъ только, что она еще 16-ти лѣтнимъ ребенкомъ уже была въ революціонныхъ сношеніяхъ съ Нечаевымъ, что она уже тогда была нигилисткой и лицемѣркой, остригла волосы, носила кожаный поясъ и служила секретаремъ въ Серпуховѣ, а сестра ея — такъ была даже женой сосланнаго на каторгу нигилиста. Все это очень важныя обстоятельства и факты, но они не могли, конечно, оправдать вышеописаннаго обращенія съ 16-ти лѣтней дѣвушкой. Когда затѣмъ присяжнымъ былъ поставленъ вопросъ, нанесла ли Вѣра Засуличъ огнестрѣльную рану генералу Трепову, случилось нѣчто совершенно неожиданное: они отвѣтили отрицательно на этотъ вопросъ; обвиняемая была такимъ образомъ оправдана. Раздались шумныя знаки одобренія; говорятъ даже, что апплодировали чиновники министерства юстиціи и другія высокопоставленныя лица. По приказанію предсѣдателя, Вѣра Засуличъ была освобождена; но на улицѣ, у выхода изъ суда, ее уже ожидали жандармы; здѣсь произошла схватка съ полиціей, такъ какъ собравшаяся толпа не хотѣла выдать только что оправданнаго человѣка полицейскому произволу; въ это время Засуличъ удалось сѣсть въ приготовленную карету и исчезнуть, а черезъ нѣкоторое время бѣжать въ Швейцарію.

Дворъ и высшее чиновничество были въ отчаяніи отъ исхода процесса. Гр. Паленъ сейчасъ же вышелъ въ отставку, а новый министръ Набоковъ въ теченіе всего 1878 г. «очищалъ» министерство юстиціи. Треповъ, въ своей докладной запискѣ, высказывалъ такія рѣзкія обвиненія противъ судей и прокуроровъ, страстнѣе которыхъ врядъ-ли могли исходить отъ оппозиціи, — что доказываетъ, до какой степени юстиція была тогда раздражена произвольнымъ вмѣшательствамъ полицейскихъ властей.

На общественное мнѣніе этотъ процессъ произвелъ совершенно обратное впечатлѣніе. Симпатіи къ молодой дѣвушкѣ были всеобщи*). На ея судьбѣ было ясно видно, до какой степени должны были раздражать молодежь произвольныя преслѣдованія. Послѣдующая дѣятельность нигилистовъ стала для всѣхъ понятной. Еще выше поднялось уваженіе къ Засуличъ, когда стало извѣстно, что ею не руководили ни личные интересы, ни личная месть, и что она дѣйствовала не по порученю какой-либо партіи, а выступила по своей личной иниціативѣ, какъ мстительница за актъ произвола, который иначе, при русскихъ условіяхъ, остался бы безнаказаннымъ. Этотъ выстрѣлъ, раздавшійся въ такое возбужденное время, когда всѣ и безъ того были до крайности озлоблены на правительства, нашелъ широкій отголосокъ въ обществѣ и произвелъ огромное впечатлѣніе, какъ протестъ, во имя человѣческаго достоинства, противъ жестокости и притѣсненій. Не Вѣра Засуличъ явилась обвиняемой передъ судомъ, говоритъ Треповъ въ своей докладной запискѣ, а онъ самъ, Треповъ; и—можно прибавить—не какъ частное лицо, а какъ воплощеніе принципа административнаго произвола, подъ которымъ стонала и страдала Россія. Выстрѣлъ былъ направленъ именно въ этотъ принципъ; таково было мнѣніе прессы и общества. Съ этой точки зрѣнія можно понять тотъ восторгъ, который обнаруживался по поводу оправдательнаго приговора, пока Главное Управленіе по дѣламъ печати не запретило публичнаго обсужденія этого процесса.**) На рево-

---

*) Лавровъ a. a. O.

**) Я позволю себѣ указать на аналогію между революціоннымъ движеніемъ русскаго и нѣкоторой частью нѣмецкаго студенчества. Оба движенія дошли до политическаго убійства (Коцебу и Ибель) послѣ крупной войны, когда бывшіе солдаты и офицеры снова вернулись въ университеты. Въ обоихъ случаяхъ взрослое поколѣніе держалось пассивно и не переходило отъ словъ къ дѣлу; радикальная литература Германіи того времени mutatis mutandi соотвѣтствовала литературѣ нигилистовъ въ Россіи. „Unbedingte“ въ „Schwarze Bande“ защищали то основное положеніе, что все признаваемое разумомъ за истину, должно быть проведено безусловно, хотя-бы это потребовало уничтоженія разномыслящихъ; о коллизіи обязанностей не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ осуществленіе требованій разума является нравственной необходимостью; при этомъ всѣ средства безразличны, только бы достигнуть цѣли. Тѣхъ, которые признавали и политическія убійства, называли „Haarscharfen“; они объявляли «безразличными» средствами также и ложную клятву, нарушеніе супружеской вѣрности, воровство, обольщеніе, лишь бы все это достигало

люціонеровъ этотъ процессъ долженъ былъ произвести опьяняющее дѣйствіе. Для нихъ Вѣра Засуличъ стала героиней, «современной Шарлотой Кордэ»; одобреніе, которое встрѣтилъ совершенный ею поступокъ, заставило исчезнуть много сомнѣній относительно даннаго средства борьбы, много старыхъ «предразсудковъ» относительно убійства и вызвало цѣлый рядъ ихъ.*) Но всѣ эти убійства еще не были проявленіемъ систематическаго террора; они были вызваны частью самозащитой, частью местью и служили лишь предтечею политическаго террора. Прежде всего надо было раздѣлаться со шпіонами, чтобы защитить себя отъ ихъ доносовъ; такимъ образомъ были убиты Никоновъ 1-го февраля 1878 года въ Ростовѣ на Дону, Фетисовъ въ Одессѣ, а въ Москвѣ Рейнштейнъ, благодаря которому погибли многіе; затѣмъ — Барановскій и Жарковъ; шпіонъ Забрамскій, выдававшій революціонеровъ въ Кіевѣ, носилъ панцырь, отъ котораго безрезультатно отскакивали пули, такъ что покушавшійся на

цѣли. Затѣмъ поступокъ Занда (какъ В. Засуличъ, Соловьева и др.) былъ совершенъ не по порученію всего студенчества, а по соглашенію не болѣе какъ съ однимъ-двумя лицами. Зандъ смотрѣлъ на всякаго представителя взглядовъ противниковъ, какъ на смертельнаго врага, и мысленно жилъ въ состояніи войны со всѣми власть имущими и ихъ помощниками; онъ считалъ себя въ правѣ убить Коцебу. Его поступокъ нашелъ одобреніе въ самыхъ широкихъ кругахъ; всеобщее недовольство за безсиліе Германіи вырвалось, наконецъ, въ чудовищномъ крикѣ. Коцебу считался русскимъ шпіономъ, а Россія — очагомъ реакціи. Зандъ явился защитникомъ нѣмецкой самостоятельности, а его поступокъ—торжественнымъ протестомъ націи противъ воображаемой власти чужеземцевъ. Онъ проявилъ то, что жило въ безчисленныхъ сердцахъ. Нѣкоторые не одобряли поступка, но одобряли мотивы. Все студенчество было охвачено возбужденіемъ; въ тотъ вечеръ, когда сдѣлался извѣстнымъ поступокъ Занда, въ Іенѣ можно было найти много людей, которые, казалось, были готовы на убійство. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало покушеніе на Ибеля. Чтобы спасти Занда, было предложено зажечь Майнгеймъ съ четырехъ концовъ. Мюнхъ разсказываетъ о начальницахъ институтовъ, которыя симпатизировали движенію. Реакція не заставила себя долго ждать; послѣдовало извѣстное преслѣдованіе демагоговъ. Наряду съ этими аналогіями нѣтъ недостатка и въ различіяхъ. Ср. H. Leo: Meine Jugendzeit, 1880. H. v. Treitschke: Deutsche Geschichte II Kap. 7 und 9.

*) О послѣднихъ сообщается въ «Общинѣ»; см. перечень ихъ также у Лаврова въ Jahrbuch p. 288.

него (Поликарповъ) застрѣлился самъ. Не менѣе дѣйствительнымъ былъ мотивъ мести, побудившій, напр., къ неудачному покушенію, 25 февраля 1878 г., на товарища прокурора Котляревскаго, котораго революціонеры обвиняли въ томъ, что стремясь составить карьеру, онъ раздувалъ всякую мелочь, арестовывалъ невинныхъ людей и не выпускалъ арестованныхъ даже на поруки. Они обвиняли его также въ томъ, что онъ приказалъ жандармамъ раздѣть двухъ дѣвушекъ и вынуждалъ — угрозою смертной казни — признанія у арестованныхъ. Послѣ него былъ заколотъ кинжаломъ на улицѣ въ Кіевѣ жандармскій полковникъ баронъ Гейкинъ, относительно вины котораго мнѣнія самихъ революціонеровъ расходились. Его убили въ сущности за то, что онъ былъ жандармомъ; особенной же жестокости онъ не проявилъ. По поводу покушенія на Котляревскаго, въ Кіевѣ былъ арестованъ студентъ, освобожденія котораго на поруки его товарищи требовали самымъ шумнымъ образомъ. За это до 150 студентовъ было исключено и 30 изъ нихъ высланы въ сѣверныя губерніи. При ихъ отъѣздѣ изъ Кіева и проѣздѣ черезъ Харьковъ и Москву имъ были устроены оваціи, причемъ въ послѣднемъ городѣ произошло побоище между студентами или, лучше сказать, между всѣми одѣтыми въ нѣмецкое платье и монархически настроенными мелкими торговцами; нѣкоторымъ изъ первыхъ это побоище стоило жизни. Вообще, въ началѣ 1878 г. не было недостатка въ демонстраціяхъ всякаго рода въ южной Россіи. Въ Одессѣ, напримѣръ, Ковальскій (выдающійся знатокъ сектанства), Виташевскій и товарищи ихъ оказали 30 января вооруженное сопротивленіе жандармамъ, ворвавшимся ночью въ ихъ квартиру; они отстрѣливались, пока не сожгли своихъ бумагъ, и выбросили за окно шрифтъ. Въ Харьковѣ были сдѣланы потытки вооруженнаго освобожденія арестованныхъ (Ѳомина и Войнаральскаго). При осужденіи Ковальскаго н смертную казнь, 24 іюня въ Одессѣ, произошли уличные безпорядки, причемъ изъ толпы стрѣляли.

Возбужденное настроеніе русскихъ революціонеровъ отразилось и въ ихъ литературѣ, гдѣ проявлялась теперь оживленная дѣятельность. Въ 1877 г. вышелъ послѣдній томъ журнала «Впередъ», не встрѣтившій, впрочемъ, никакого сочувствія. Въ этотъ періодъ величайшаго возбужденія и страстной жажды дѣятельности, тщетны были призывы къ тихой, детальной, незамѣтной работѣ и желаніе исключить изъ среды революціонеровъ всѣхъ тѣхъ, кто не былъ спеціально подготовленъ къ дѣлу соціалистической пропаганды! Вслѣдствіи этого женевская группа анархистовъ, которая въ 1875-76 г. издавала народную газету «Работникъ», подняла теперь падающее знамя періодической печати и съ января по декабрь 1878 г. издала 9 номеровъ «Общины», представляющихъ, бла-

родаря своимъ содержательнымъ статьямъ, неоцѣненный источникъ для знакомства съ революціоннымъ движеніемъ. Съ цѣлью привлечь большее число интересныхъ сотрудниковъ, программа изданія была нарочно расширена. Она требовала бунтовъ и демонстрацій, но допускала также пропаганду и агитацію, и считалась съ національными требованіями, напр., украинцевъ. Журналъ давалъ свободный доступъ всѣмъ тѣмъ, кто будучи вполнѣ преданъ дѣлу освобожденія рабочихъ, могли оказать ему какія-либо услуги.*) Въ журналѣ работали представители самыхъ разнообразыхъ вгзлядовъ: украинофилъ Драгомановъ, революціонный агитаторъ Стефановичъ, западноевропейскій соціалистъ Аксельродъ и мн. др. Но какъ ни хорошъ былъ этотъ журналъ, какъ литературное явленіе — а онъ былъ, быть можетъ, лучшимъ въ русской революціи — онъ былъ меньше всего партійнымъ органомъ; а такъ какъ въ послѣднемъ его номерѣ разгорѣлась ожесточенная полемика между Драгомановымъ и Стефановичемъ, при чемъ первый подчеркивалъ необходимость политической, а второй — соціальной революціи, то это литературное предпріятіе къ сожалѣнію погибло въ первый же годъ своего существованія. Еще ранѣе «Общины», а именно съ 9 мая 1877 г., стало выходить въ Женевѣ «Общее Дѣло» и появлялось правильно, каждый мѣсяцъ, вплоть до 1891 г. Эта газета хотѣла быть органомъ политическихъ и конституціонныхъ стремленій въ Россіи; редакторомъ ея былъ А. Х. Христофоровъ, а въ числѣ его сотрудниковъ находились Алисовъ и умершій въ 1882 г. Зайцевъ, бывшій раньше сотрудникомъ Писарева въ «Русскомъ Словѣ» и однимъ изъ талантливѣйшихъ писателей. Тѣмъ не менѣе эта газета не оказала никакого вліянія на революціонное движеніе.

Вообще съ 1876 г. прекращается значительное вліяніе эмигрантской литературы, и по очень понятной причинѣ. Пока движеніе носило болѣе теоретическій характеръ и было чисто соціалистическимъ, пока оно не требовало быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, заграничная пресса могла служить его отраженіемъ, развивая при этомъ теоретически его цѣли. Но теперь, когда началась открытая война между правительствомъ и революціонерами, когда каждый день приносилъ новыя сраженія и новыя убійства, теперь вновь нарождающіяся идеи и смѣняющіяся настроенія должны были искать для себя болѣе быстраго и непосредственнаго выраженія. И вотъ, съ 1878 г. въ Россіи возникаетъ собственная пресса, по сравненію съ которой продолжавшіе выходить въ Женевѣ «Общее Дѣло» и «Набатъ» уже потеряли всякое значеніе. Прежде всего, въ Петербургѣ вышелъ цѣлый рядъ летучихъ

*) П. Лавровъ. Jahrbuch a. a. O. p. 274.

листковъ. Такъ напр., распространенный въ апрѣлѣ 1878 г. летучій листокъ требовалъ конституціи и народнаго представительства: общественныя дѣла должны быть отданы подъ контроль общества; если это не будетъ сдѣлано законнымъ путемъ, то долженъ явиться тайный комитетъ общественной безопасности. Затѣмъ вышли прокламаціи отъ имени всей русской и московской учащейся молодежи съ протестами противъ обращенія съ арестованными и выраженіями симпатій соціалистамъ; кромѣ того появились листки, называвшіе себя органами русской соціалистической партіи. Въ этихъ прокламаціяхъ ясно отражалась дезорганизованность тогдашнихъ революціонеровъ, при чемъ каждый революціонный кружокъ выдавалъ себя за представителя «партіи». Наконецъ, съ марта по май 1878 г. появились три номера настоящей газеты, которая носила названіе «Начало». Это юное и не долговѣчное предпріятіе имѣло свою исторію. Еще въ 1876 г. нѣсколько либеральныхъ писателей предложили основать газету съ политически-конституціонными цѣлями, но это предложеніе было тогда отклонено соціалистами, потому что предложенная программа была программой не народной, а буржуазной газеты. Тѣ же самые либералы стали издавать весною 1878 г. вышеупомянутое «Начало», не завоевавъ своими конституціонными требованіями большого сочувствія, но и не будучи открыты полиціей.

Большая часть народниковъ, а именно такъ называемые троглодиты въ Петербургскомъ кружкѣ, еще стояли вполнѣ на прежней точкѣ зрѣнія. Когда въ апрѣлѣ и маѣ 1878 г. происходилъ ежегодный пересмотръ программъ, то цѣли ея остались почти неизмѣненными.*) Но относительно организаціи Александръ Михайловъ потребовалъ радикальной перемѣны въ смыслѣ болѣе строгой централизаціи и подчиненія мѣстныхъ группъ центру. Самыя сильныя возраженія встрѣтилъ тотъ параграфъ набросанной имъ программы, по которому каждый членъ центральнаго кружка обязывался исполнять рѣшенія большинства, если они даже противорѣчили его личнымъ взглядамъ. Михайловъ аргументировалъ такъ: принадлежность къ кружку предполагаетъ уже согласіе съ основными требованіями; во второстепенныхъ же пунктахъ каждый долженъ уступать. Въ концѣ концовъ и этотъ параграфъ былъ принятъ, съ той однако поправкой, что организація по возможности будетъ считаться съ личными склонностями своихъ членовъ.

Въ то время какъ въ Петербургѣ подготовлялся переходъ къ централистической организаціи, въ южной Россіи (Кіевъ, Харьковъ и Одесса) вырабатывалась практика терроризма.

*) «На родинѣ» № 3, стр. 25 и 44.

Послѣдній гораздо больше является твореніемъ юга, чѣмъ сѣвера. Въ этомъ направленіи особенно сильно, какъ кажется, повліялъ Валеріанъ Осинскій*) (Аполлонъ революціи, какъ называетъ его Степнякъ). Сынъ генерала и помѣщика, онъ родился въ 1850 г. въ Ростовѣ на Дону, кончилъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія и получилъ вполнѣ свѣтское воспитаніе. Закончивъ свое образованіе, онъ занялъ мѣсто секретаря городской управы въ Ростовѣ, ѣздилъ оттуда въ Петербургъ и былъ однажды арестованъ, потому что присутствовалъ безъ разрѣшенія на одномъ политическомъ процессѣ. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ вступилъ въ кружокъ троглодитовъ (1877), отъ котораго получилъ спеціальное порученіе освободить Стефановича. Явившись зимою 1877-78 г. въ Кіевъ, онъ оживилъ тамъ революціонныхъ духъ, который былъ совершенно подорванъ многочисленными арестами. Благодаря его симпатичной личности, молодежь быстро группировалась вокругъ него; онъ скоро пріобрѣлъ приверженцевъ и въ другихъ городахъ, причемъ не было ни одного сколько-нибудь серьезнаго движенія или покушенія, въ которыхъ онъ не игралъ бы какой нибудь роли. Его можно считать эмпирическимъ творцомъ терроризма. Именно въ его кружкѣ выработалось прежде всего направленіе, которое смотрѣло на терроръ не только какъ на средство мести, но и какъ на средство борьбы. Отчаянныя головы, подобныя Ивичевичу, не могли понять, почему бы нельзя было терроризировать правительство и принудить его дать политическую свободу и политическія права. Большинство же тогдашнихъ соціалистовъ еще не хотѣли ничего и слышать не только о систематическомъ террорѣ, но и о чисто политическихъ стремленіяхъ, называя сторонниковъ ихъ конституціоналистами и политиками. Мы видимъ такимъ образомъ, что террористическое направленіе въ русскомъ революціонномъ движеніи развилось сначала на югѣ и ужъ потомъ распространилось по всей Россіи.

Этотъ способъ борьбы явился естественнымъ продуктомъ обстоятельствъ.**) Въ большинствѣ другихъ странъ соціалисты берутся за тѣ же средства борьбы, какъ и другія партіи; они организуютъ союзы, созываютъ собранія, создаютъ свою прессу и стремятся вліять этими законными путями на общественное мнѣніе. Въ Россіи же имъ не было предоставлено ни одного легальнаго пути; всякія союзы, собранія и печатныя произведенія становились тамъ противозаконными; поэтому чѣмъ строже дѣлались преслѣдованія и наказанія правительства, чѣмъ чаще за распространеніе какой нибудь

*) Поцессъ соціалистовъ 5 мая 1879 г. — Біографія Желябова, стр. 16.

**) Лавровъ. Jahrduch a. a. O.

одной брошюры люди приговаривались къ нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ, а за вооруженное сопротивленіе при арестѣ — къ смертной казни, тѣмъ болѣе ожесточались преслѣдуемые. Частью изъ самообороны, частью изъ мести, они убивали шпіоновъ и особенно жестокихъ чиновниковъ, оказывали сопротивленіе при арестахъ, освобождали арестованныхъ. Естественнымъ образомъ, преслѣдованія правительства и насильственныя дѣйствія революціонеровъ вызывали одно другое, страсти разгорались съ обѣихъ сторонъ, раздраженные люди соединялись въ комитеты мести или на личный страхъ судили судомъ линча за тѣ преступленія, которыя при безграничномъ произволѣ правительства остались бы безнаказанными. Мало по малу почти исчезли рѣчи о соціализмѣ, нравственности и справедливости; между двумя смертельными врагами загорѣлась дикая война, которая, какъ и всякая война, руководилась только принципомъ цѣлесообразности; эта война велась вначалѣ анархически настроенными и трудно дисциплинируемыми южно-русскими революціонерами, въ видѣ еще не организованныхъ партизанскихъ отрядовъ, а потому безрезультатно.

Между тѣмъ произошло новое очень важное событіе. Подслѣдственные политическіе заключенные въ петербургской Петропавловской крѣпости и уже осужденные политическіе въ харьковской центральной тюрьмѣ подняли такъ называемый «голодный бунтъ», чтобы, систематически отказываясь отъ всякой пищи, добиться лучшаго обращенія, причемъ въ Харьковѣ они добивались хотя бы только уравненія ихъ съ уголовными преступниками. Нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ побудили обѣщаніями принимать снова пищу, другихъ — харьковскій губернаторъ, кн. Крапоткинъ, заставилъ подвергнуть искусственному питанію; третьи имѣли еще достаточно силъ, чтобы воспротивиться этому и умерли. Слухи обо всемъ этомъ распространились между революціонерами. Легко воспламеняющейся фантазіи молодежи представились лица страдающихъ товарищей. Первою ихъ мыслью была — месть! Въ Петербургѣ виновникомъ мучительства явился генералъ Мезенцевъ, начальникъ 3-го отдѣленія, и вотъ 4 августа 1878 г., среди бѣлаго дня, онъ былъ убитъ на улицѣ, причемъ виновныхъ не удалось задержать на мѣстѣ*).

*) Морозовъ. Террористическая борьба. — «Вольное Слово», № 38. Бонди. — П. Лавровъ, Jahrbuch a. a. O. Впослѣдствіи оказалось, что лошадью, на которой ускакалъ убійца, правилъ Адріанъ Михайловъ. Убійство было совершено С. Кравчинскимъ, умершимъ заграницей въ 1895 г. Мезенцевъ обвинялся также въ томъ, что по его настоянію не было утверждено ходатайство суда о смягченіи приговора по процессу 193-хъ.

Появившаяся для разъясненія этого дѣла брошюра «Смерть за смерть»*), объявляетъ, какъ это дѣлалъ уже и Осинскій, политическое убійство правомѣрнымъ и цѣлесообразнымъ средствомъ борьбы противъ правительства, — средствомъ, которое будетъ примѣняться до тѣхъ поръ, пока правительство упрямо будетъ держаться практикуемой имъ системы. Съ другой стороны авторъ еще вполнѣ стоитъ на почвѣ соціализма. Трудъ и капиталъ, пролетаріатъ и буржуазія являются по его мнѣнію борющимися партіями въ Россіи, и онъ наивно предлагаетъ правительству отойти въ сторону и не мѣшать этой борьбѣ. Какъ ближайшихъ уступокъ прокламація требуетъ: прекращенія политическихъ преслѣдованій, устраненія административнаго произвола, передачи политическихъ дѣлъ суду присяжныхъ и полную амнистію за всѣ политическія преступленія.

Но правительство и не думало дѣйствовать кротостью; наоборотъ, оно усилило свои репрессивныя мѣры**). Еще 9 іюня 1878 г. во всей Россіи былъ введенъ новый родъ сельской полиціи (институтъ урядниковъ) съ неограниченнкми полномочіями. 9 мая всѣ преступленія противъ должностныхъ лицъ были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы судебнымъ палатамъ, особому присутствію сената и Верховному уголовному суду, чтобы обезпечить въ будущемъ правительству желанные приговоры. Послѣ убійства Мезенцева, по указу 9 авг., всѣ политическія убійства и насильственныя дѣйствія передавались военному суду. Кромѣ того, 20 августа, царь обратился къ обществу съ призывомъ помочь ему въ борьбѣ съ крамолой. Правительство обѣщало дѣйствовать противъ государственныхъ преступниковъ со всей твердостью и строгостью; но ему необходимо было найти опору и въ народѣ, а поэтому оно сочло необходимымъ призвать на помощь всѣ слои населенія Россіи. Въ томъ же смыслѣ царь произнесъ рѣчь въ Москвѣ (20 ноября) передъ собраніемъ всѣхъ сословій. И это обѣщаніе твердости и строгости было выполнено: 15 сентября были арестованы находившіеся въ Петербургѣ члены самой крупной революціонной организаціи «Земли и Воли». Эта организація состояла тогда изъ 50-60 лицъ, изъ которыхъ приблизительно около 10 вели дѣла въ Петербургѣ, доставали паспорта, деньги, убѣжища и подкрѣпляли ряды партіи изъ студенческихъ и рабочихъ круговъ. И вотъ наиболѣе дѣятельные изъ нихъ въ Петербургѣ, какъ Ольга Натансонъ, Сабуровъ (Оболешевъ), Малиновская, Колѣнкинъ, Адріанъ Михайловъ, Троіцанскій и другіе были арестованы; пропали паспорта, печати и многочисленныя связи; бѣжав-

*) Написанная самимъ Кравчинскимъ.

**) Лавровъ. Jahrbuch a. a. O.

щіе не имѣли ни денегъ ни паспортовъ. Тогда уцѣлѣвшіе 5 или 6 человѣкъ съ величайшей энергіей возстановили организацію; тотъ же Александръ Михайловъ поспѣвалъ повсюду, собиралъ деньги, фабриковалъ паспорта, завязывалъ связи, такъ что общество «Земля и Воля» въ концѣ концовъ не только не распалось, но, воспользовавшись уцѣлѣвшей отъ погрома типографіей, стало съ 1 ноября правильно выпускать свою газету того же названія.*) Въ первомъ своемъ номерѣ газета формулировала задачу партіи, какъ устройство «Народной революціи»; ставила на первый планъ аграрный вопросъ, требовала, чтобы главная масса революціонеровъ работала въ народѣ. Въ провинціи терроръ былъ настолько мало популяренъ, что многіе дѣйствовавшіе тамъ товарищи отказывали ему въ своей помощи, такъ какъ событія въ Петербургѣ не имѣли, по ихъ мнѣнію, большого значенія, а «эфектные фейерверки» террористовъ казались имъ даже опасными. Тѣмъ не менѣе та же газета усиленно подчеркивала необходимость террористической организаціи, какъ «защиты партіи въ безпощадной борьбѣ» противъ вредныхъ личностей.

Русское «общество» охотно послѣдовало приглашенію циркуляра и царской рѣчи оказать помощь.**) Многія земскія собранія начали зимою 1878-1879 года обсуждать ближайшія задачи этого дѣла, причемъ нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно выставили тѣ либеральныя требованія, которыя были удовлетворены даже по отношенію къ болгарамъ. Депутаціямъ отъ московскаго и харьковскаго земствъ удалось представить эти требованія министру. Члены черниговскаго земства нашли, что противоправительственныя идеи развиваются въ Россіи благодаря неправильной организаціи среднихъ и высшихъ школъ, отсутствію свободы слова и печати, а также недостатку чувства законности въ народѣ, и заявили, что они съ величайшимъ сожалѣніемъ должны констатировать свое полное безсиліе въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Въ залѣ засѣданія этого земства присутствовали жандармы. Въ Полтавѣ была избрана комиссія, которая должна была ходатайствовать передъ правительствомъ о расширеніи политическихъ правъ; губернаторъ конфисковалъ у депутатовъ текстъ этого ходатайства. Въ Твери предсѣдатель земскаго собранія — предводитель дворянства не допустилъ даже этого вопроса до обсужденія; здѣсь земцы нашли причину распространенія ложныхъ ученій въ ненормальной организаціи школъ. Въ мартѣ 1879 г. либералы, у ко-

---

*) «На родинѣ» № 3, стр. 25 и 49. — Я. Стефановичъ. Злоба дня, стр. 7. — Біографія Перовской стр. 13. — Лавровъ. ***Взглядъ на прошлое и настоящее русскаго соціализма.***

) Лавровъ. Jahrbuch a. a. O. — «Вольное Слово» № 56 и *Ближайшія задачи земства.***

торыхъ прибавилось теперь мужества, воспользовались новымъ предлогомъ для устройства въ обѣихъ столицахъ демонстрацій — въ чемъ имъ помогали болѣе умѣренные изъ среды соціалистовъ. Извѣстнѣйшій изъ тогдашнихъ русскихъ писателей, Иванъ Тургеневъ, обыкновенно жившій въ Парижѣ, пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію. Хотя онъ относился къ нигилизму и соціализму очень критически и даже отрицательно, но все таки, какъ истино либеральный человѣкъ, въ значительной мѣрѣ способствовалъ уничтоженію крѣпостного права, постоянно выставляя къ позорному столбу ничтожество и эксплуататорскія стремленія высшихъ классовъ, а въ своемъ романѣ «Новь» выставилъ, какъ героя будущаго, нѣкоего Соломина, русскаго Шульце Делича. При встрѣчѣ сѣдовласаго писателя, профессора, ученые, студенты устраивали ему оваціи съ рѣчами и адресами, при чемъ произносили сами и вызывали его на самыя смѣлыя слова. «Все указываетъ на то», сказалъ онъ между прочимъ: «что мы находимся наканунѣ хотя ближайшаго и законнаго, но тѣмъ не менѣе значительнаго преобразованія нашей общественной жизни.» Царь былъ очень недоволенъ этимъ либеральнымъ движеніемъ. «C'est ma bête noire,» выразился онъ относительно любимаго русскаго писателя. Его окружили шпіонами — и подъ рукой совѣтовали ему уѣхать, но не осмѣлились однако его арестовать, такъ что онъ могъ безпрепятственно покинуть Россію еще до покушенія на царя.

Зимою 1878-79 года это либеральное стремленіе къ конституціи, постоянно усиливавшееся послѣ турецкой кампаніи, достигло своей высшей точки и — какъ и слѣдовало ожидать — захватило также и соціалистовъ. Въ теченіе 1878 года, благодаря непрерывнымъ арестамъ и крупнымъ погромамъ, они поняли, что ихъ опаснѣйшій врагъ не помѣщики и фабриканты, а правительство и чиновники, которые при помощи безпримѣрнаго произвола и всемогущества не позволяли развиваться никакому освободительному движенію. Личная безопасность отсутствовала вполнѣ, потому что даже оправданные по суду ссылались административнымъ порядкомъ и отдавались подъ строгій полицейскій надзоръ. Не было никакихъ политическихъ правъ, ни свободы слова, ни свободы собраній и союзовъ, которыя являются правовой основой всякой агитаціи. Поэтому ближайшей задачей являлось пріобрѣтеніе этихъ именно правъ, чтобы обезпечить себѣ возможность пропаганды въ народѣ. Тогда началось повсюду обсужденіе вопроса о конституціи.*)

Слѣдуетъ-ли желать конституціи для успѣха соціализма? Нѣтъ, говорили одни, потому что она вовлечетъ общество и

---

*) «Вольное Слово» № 38. Бонди.

часть революціонной молодежи въ парламентарную борьбу, которая, какъ учитъ западноевропейскій опытъ, безполезна для народа. Народъ на нѣкоторое время возложитъ свои надежды на парламентаризмъ и будетъ глухъ къ проповѣди соціализма. Однако постепенно образовалось большинство въ пользу конституціи. Исторія — такъ аргументировало оно — не терпитъ скачковъ, русскій абсолютизмъ не можетъ быть поглощенъ сразу соціализмомъ. Необходимы переходныя ступени. Западная Европа показываетъ, что началомъ всякаго улучшенія является конституція; тогда возникаетъ свобода слова и печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ является и возможность теоретическаго развитія соціализма. Кромѣ того въ Россіи буржуазія еще не готова къ борьбѣ; она невѣжественна и безъ яснаго сознаніи своихъ классовыхъ интересовъ; поэтому, при парламентарномъ режимѣ, въ Россіи съ нею легче будетъ справиться, чѣмъ въ Западной Европѣ. Эти приверженцы конституціи были подкрѣплены въ своихъ взглядахъ исходомъ процессовъ 50 и 193, и втеченіе зимы 1878-79 года привлекли на свою сторону большинство. Правда, идея возможности чисто соціалистическаго движенія поддерживалась до 1879 г., но это былъ уже результатъ слѣпой вѣры. Многіе революціонеры не хотѣли, да и не могли по легко понятнымъ психологическимъ основаніямъ, порвать сразу со своими соціалистическими традиціями и выдвинуть на первый планъ политическую борьбу. Для этого они слишкомъ настаивали раньше на соціалистической агитаціи и слишкомъ рѣзко высказывались противъ чисто политическаго движенія. Внутренній разрывъ съ прошлымъ могли совершить только самые энергичные и страстные революціонеры; рѣшающимъ моментомъ являлся здѣсь темпераментъ. Не обращая вниманія на упреки въ непостоянствѣ и узости, они поставили на первый планъ политическія цѣли.

Этимъ самымъ была установлена точка соприкосновенія соціалистовъ съ либералами. Вѣдь теперь цѣли ихъ совпадали! Завязались переговоры съ радикальными политиками земствъ, либеральными журналистами и адвокатами, съ цѣлью побудить ихъ перейти отъ либеральнаго шушуканья къ энергичнымъ дѣйствіямъ; имъ даже не было надобности дѣйствовать самимъ—слѣдовало только энергично поддерживать революціонеровъ. Въ этихъ переговорахъ принимали участіе наиболѣе серьезные представители революціонной молодежи, погибшіе впослѣдствіи какъ террористы. Однимъ изъ эфемерныхъ продуктовъ этого сближеніе была, между прочимъ, появившаяся весною 1878 года газета «Начало»*). Зимою 1878-79 г. газета «Земля и Воля», органъ революціонной агитаціи, объявила

*) Вышло всего 4 номера, съ марта по май.

заслуживающими вниманія требованія либеральныхъ земскихъ политиковъ, къ которымъ вообще она относилась критически, и напечатала свой отвѣтъ на знаменитое правительственное воззваніе, въ которомъ общество призывалось къ борьбѣ съ «крамолой». Въ тайной типографіи Земли и Воли, въ Петербургѣ, печатались воззванія умѣренныхъ либераловъ съ конституціонными требованіями, которыя впрочемъ частью были написаны самими революціонерами. Нѣкоторые либеральные земскіе политики хотѣли даже выпустить свое коллективное заявленіе и послали своихъ депутатовъ въ Петербургъ для демонстраціи, которая, впрочемъ, не состоялась.*) Эти сношенія либераловъ съ революціонерами прекратились послѣ покушенія на царя, когда революціонеры были снова предоставлены своимъ собственнымъ силамъ.

Поддержка, которую они нашли тогда среди 2-хъ другихъ оппозиціонныхъ общественныхъ элементовъ, — среди студенчества и рабочаго класса—не имѣла большого значенія**). Въ концѣ 1878 года въ нѣсколькихъ университетахъ произошли безпорядки. Воспитанники Ветеринарнаго института въ Харьковѣ прогнали одного изъ своихъ профессоровъ; студенты тамошняго университета приняли сторону товарищей, а въ Петербургѣ и Кіевѣ по этому поводу произошли шумныя сходки, въ декабрѣ 1878, которыя были разогнаны солдатами и казаками ударами сабель и нагаекъ, при чемъ многіе студенты были ранены, а нѣкоторые убиты. Профессора вполнѣ справедливо возстали противъ такого поведенія начальства и говорили въ своемъ воззваніи: «Примѣненіе такихъ возмутительныхъ средствъ не было нисколько обусловлено обстоятельствами. При подобныхъ условіяхъ представителямъ науки трудно поднять среди молодежи не только умственный, но и нравственный уровень. То обстоятельство, что будущихъ врачей, учителей и судей хлестали на улицѣ нагайками, безъ обращенія къ суду, должно внушить имъ много мыслей, опасныхъ для государства и общества». Въ то же время докладъ особой коммиссіи называлъ причинами безпорядковъ среди студентовъ кромѣ «общихъ, коренящихся въ условіяхъ всей русской общественной системы» еще слѣдующія специальныя: недовѣрчивое отношеніе къ студенчеству, какъ политически неблагонадежному элементу; серьезныя полицейскія оскорбленія, наносимыя студенчеству въ его частной жизни, что отнимаетъ у молодежи сознаніе личной безопасности; зависимое положеніе университетскаго начальства, которое не можетъ со спокойной совѣстью пользоваться дисциплинарными мѣрами взысканія, такъ какъ за ними слѣдуютъ обычно «ад-

---

*) «Вольное Слово».

**) Лавровъ а. а. О. 293—298.

министративныя» мѣры, которыя губятъ дальнѣйшую карьеру молодого человѣка; наконецъ, крайняя легкость, съ которой подвергаютъ молодежь арестамъ и полицейскимъ мѣрамъ, что гибельно дѣйствуетъ на ея будущность. Устраненіе этихъ причинъ безпорядковъ докладъ считалъ необходимымъ для развитія «уваженія къ закону и его требованіямъ» среди юношества.

Съ своей стороны рабочіе устроили рядъ стачекъ въ различныхъ промышленныхъ центрахъ; наибольшее значеніе имѣли волненія на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Петербурга. Въ началѣ 1879 г появилось воззваніе петербугскихъ рабочихъ, бывшее въ то же время программой «Русскаго сѣвернаго рабочаго союза», къ которому должны были примыкать городскіе и сельскіе рабочіе. Требованія были выставлены общесоціалистическія; какъ на ближайшія цѣли указывалось на обычныя политическія вольности и на благопріятные для рабочихъ законы. Дѣятельность Сѣвернаго Союза должна была носить характеръ пропаганды и мирной агитаціи, имѣя въ виду привлекать рабочихъ и крестьянъ, но она не исключала также и открытой борьбы. Число членовъ доходило до ста человѣкъ, изъ которыхъ тою же весною 1879 г., по доносу шпіона Рейнштейна, было арестовано 60 чел., при чемъ была открыта и ихъ только-что основанная типографія. Этимъ движеніемъ руководила группа интеллигентныхъ рабочихъ (Халтуринъ, Обнорскій); она получала деньги и паспорта черезъ Александра Михайлова и другихъ членовъ центральной организаціи.*)

Между тѣмъ борьба между правительствомъ и революціонерами продолжалась; на мѣсто Мезенцева главой тайной полиціи былъ назначенъ генералъ Дрентельнъ. Имъ были предприняты массовые аресты; говорятъ, что въ одномъ только Петербургѣ этой зимой было заключено въ тюрьму до 2000 челов. Понятно, что при этомъ дѣло доходило до кровавыхъ столкновеній, потому что революціонеры оказывали вооруженное сопротивленіе, противъ чего жандармы пытались защитить себя, надѣвая панцыри. Не было недостатка и въ актахъ мести со стороны соціалистовъ. 9 февраля 1879 г. харьковскій губернаторъ, князь Кропоткинъ, былъ застрѣленъ Гольденбергомъ при возвращеніи въ открытомъ экипажѣ съ бала; убійца не былъ схваченъ. Кропоткина обвиняли въ безчеловѣчномъ обращеніи съ заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ. 12 марта Мирскій выстрѣлилъ на улицѣ въ генерала Дрентельна. Нападенія направлялись все на болѣе и болѣе высокопоставленныхъ лицъ, и для революціонеровъ становилось при этомъ все яснѣе, что они не попадаютъ въ

---

*) Лавровъ «Jahrbuch» 297. «На родинѣ» № 3 стр. 48.

главную цѣль. Главою государственнаго управленія и причиною тѣхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались, являлся въ ихъ глазахъ царь. Такимъ образомъ, логическимъ выводомъ изъ убійства шпіоновъ и чиновниковъ, которое разсматривалось сначала, какъ средство самозащиты и мести, явилась мысль о цареубійствѣ. Эта мысль созрѣла одновременно у различныхъ лицъ и въ различныхъ мѣстахъ. Если я хорошо освѣдомленъ, то уже осенью 1878 года южнорусскіе бунтари (Виттенбергъ и Логовенко) готовились въ Николаевѣ взорвать пароходъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать Александръ II, при чемъ это покушеніе было единственнымъ, открытымъ полиціей до его выполненія. Одновременно съ тѣмъ въ Петербургъ пріѣхалъ Соловьевъ, фанатикъ лѣтъ 30, который вышелъ изъ университета со второго курса и сдѣлался народнымъ учителемъ въ Торопцѣ Псковской губ.; здѣсь подъ вліяніемъ одного помѣщика онъ сталъ соціалистомъ, послѣ чего изучилъ ремесло въ устроенной имъ кузницѣ и въ 1875 году отправился въ крупное промышленное село Павлово на Окѣ. Потомъ онъ поступилъ въ волостные писаря въ Саратовской губерніи и здѣсь пришелъ къ рѣшенію убить царя*). Прибывъ въ Петербургъ, онъ, за недостаткомъ другихъ знакомствъ, довѣрилъ свой планъ Александру Михайлову, объ отношеніяхъ котораго къ обществу Земля и Воля онъ зналъ. Но онъ не остался одинокимъ. Въ срединѣ марта въ Петербургъ пріѣхалъ Гольденбергъ, сильно возбужденный своимъ успѣшнымъ покушеніемъ на Кропоткина, и признался Ал. Михайлову также въ своемъ намѣреніи убить царя. Михайловъ, Зунделевичъ и Квятковскій взяли на себя посредничество между Соловьевымъ и Гольденбергомъ. Состоялось нѣсколько собраній въ трактирахъ; бесѣды велись самыя оживленныя, теоретически вопросъ обсуждался ими всѣми; но посредники избѣгали оказывать какое-либо давленіе на тѣхъ, о жизни и смерти которыхъ шло дѣло; сами они еще не были тогда готовы къ самопожертвованію и чувствовали это. Но они указывали на то, что польскій еврей меньше подходилъ для такого акта, потому что, вслѣдствіе національной вражды, репрессіи могли упасть на головы милліоновъ невинныхъ соплеменниковъ. Соловьевъ обратилъ особенное вниманіе на это замѣчаніе и закончилъ переговоры словами: «Я долженъ это совершить, это мое дѣло; Александръ II мой, и я его никому не уступлю!» Ни Гольденбергъ, ни посредники не произнесли больше ни слова. Мѣсто и время, выбранное для покушенія, дѣлали не нужными дальнѣйшее содѣйствіе, и только одинъ Михайловъ наблюдалъ издали за

---

*) «На родинѣ» № 2. Біографія Соловьева и показанія Ал. Михайлова на процессѣ 20, стр. 49.

происшедшимъ. 2 апр. 1879 г. Соловьевъ 5 разъ выстрѣлилъ въ гулявшаго царя, но даже не ранилъ его. Мы видимъ такимъ образомъ, что уже образовавшійся тогда Исполнительный Комитетъ террористовъ былъ правъ только чисто формально, когда онъ отказался отъ всякой отвѣтственности за это дѣяніе, утверждая, что оно явилось результатомъ инииціативы отдѣльной личности и было извѣстно только узкому кругу лицъ. Къ этому узкому кругу принадлежали однако руководящія лица тогдашняго движенія, на которыхъ должна падать вся отвѣтственность за это покушеніе.

Политическіе террористы увидѣли такимъ образомъ, что сдѣланъ послѣдній шагъ. Кровь кипѣла; пульсъ бился сильнѣе! Для того чтобы идти дальше по пути политической революціи и примѣнять терроръ, какъ правильное средство борьбы, необходима была болѣе крѣпкая организація съ болѣе суровой дисциплиной и лучше охраняемой тайной. Покушеніе Соловьева поставило этотъ вопросъ на очередь. Необходимо было столковаться съ народниками и болѣе мирными соціалистами относительно цѣлей, средствъ и организаціи.

Послѣ покушенія 2-го апрѣля, Россія была подраздѣлена на 6 генералъ-губернаторствъ съ предоставленіемъ чрезвычайныхъ полномочій генералъ-губернаторамъ. Гурко, Тотлебенъ и Чертковъ начали свое террористическое управленіе въ Петербургѣ, Одессѣ и Кіевѣ; бѣлый терроръ ни въ чемъ не уступалъ красному. Все населеніе въ Петербургѣ было отдано подъ надзоръ дежурившихъ днемъ и ночью дворниковъ, что падало на дома владѣльцевъ тяжелымъ налогомъ. Паспортная система была усилена, торговля оружіемъ и ядами поставлена подъ контроль, за учениками и извозчиками учрежденъ надзоръ, многіе чиновники были арестованы и высланы. Въ то же время многіе революціонеры были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, при чемъ нѣкоторые за то, что оказывали вооруженное сопротивленіе при арестѣ или только дѣлали видъ, что хотѣли оказать, какъ, наприм., Осинскій въ Кіевѣ, не успѣвшій даже вытащить револьверъ изъ кармана. Другіе, арестованные еще въ 1876 г., какъ, напримѣръ, Дробязгинъ, были повѣшены въ Одессѣ только потому, что они, какъ уже арестованные, были подъ рукой для мести. Теперь для революціонеровъ борьба противъ буржуазіи и помѣщиковъ отступила на задній планъ передъ борьбою противъ правительства. Мирныя средства казались имъ не дѣйствительными; они обратились къ террору. Тѣмъ сильнѣе ощущался ими теперь недостатокъ въ крѣпкой организаціи, которая позволила-бы дѣйствовать систематически. Въ организаціонномъ отношеніи, какъ мы уже видѣли, сѣверъ съ давнихъ поръ стоялъ выше юга. Хотя южане прибѣгали къ такимъ мѣрамъ, какъ самозванство и убійство, но

они не умѣли организовать силъ, которыя были для этого необходимы. Личная свобода считалась тамъ неприкосновеннымъ догматомъ, допускавшимъ лишь чисто товарищеское объединеніе, которое было, конечно, достаточно для смѣлыхъ попытокъ, но не могло привести къ побѣдѣ надъ правительствомъ. До сихъ поръ всѣ покушенія исходили изъ подобныхъ маленькихъ группъ или отъ отдѣльныхъ лицъ. Теперь нужно было систематизировать терроръ, какъ это рекомендовалъ Осинскій въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ товарищамъ, а для этой цѣли они должны были постараться захватить въ свои руки самую крупную изъ существовавшихъ тогда организацій.

Весною 1879 г. такою организаціей было общество Земля и Воля, которое хотя имѣло слабое развѣтвленіе и на югѣ, но было создано сѣверомъ. Общество уже оправилось отъ погромовъ прошлой осени, имѣло теперь свою тайную типографію, издавало газету, получало денежную поддержку въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и устроило нѣсколько солидныхъ поселеній въ Поволжьѣ, а именно въ Саратовской губ. Нѣкоторые изъ его членовъ занимали должности волостныхъ писарей и т. п., а отношенія съ вліятельными лицами въ земствѣ были у него такъ хороши, что добываніе мѣстъ, по мѣрѣ наличности агитаторовъ, было вполнѣ обезпечено. Одинъ волостной писарь, наприм., былъ въ сношеніяхъ съ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ земской управы, хотя они и знали, что онъ нелегальный. Ему удавалось всѣ споры рѣшать въ пользу крестьянъ, и послѣдніе его боготворили. Только лѣтомъ 1879 года правительство, идя по слѣдамъ Соловьева, который также былъ волостнымъ писаремъ въ Саратовской губ., наткнулось на существованіе этого поселенія и разрушило его. Затѣмъ общество Земля и Воля насчитывало въ своихъ рядахъ сравнительно большое число опытныхъ и энергичныхъ людей и кромѣ того пользовалось большою извѣстностью — что при заговорѣ, быть можетъ, самое главное. Члены этого общества, поселившіеся въ деревнѣ, такъ называемая «деревенщина», придерживались главнымъ образомъ соціалистической агитаціи; они хотѣли создать народную партію и назывались поэтому народниками. Они относились отрицательно къ террористическимъ мѣрамъ, потому что послѣднія вели на путь политической борьбы и тѣмъ самымъ отклоняли движеніе отъ соціальной революціи. Городская же партія была того мнѣнія, что вопросъ ставился тогда такъ: или отказъ отъ пропаганды и агитаціи, или достиженіе политической свободы, потому что при существующихъ обстоятельствахъ невозможно было революціонизировать народъ. Представители этого мнѣнія были очень непопулярны; ихъ называли новаторами и конституціонали-

стами. Поэтому даже по отношенію къ своимъ товарищамъ они должны были дѣйствовать очень осторожно и стремились прежде всего къ увеличенію числа своихъ сторонниковъ, каковымъ весною 1879 г. оказался и Желябовъ.

Около этого времени, согласно уставу, должно было состояться ежегодное собраніе членовъ общества Земля и Воля» для рѣшительнаго обсужденія задачъ организаціи; въ то же время большинство общества думало совершенно уничтожить террористическія стремленія. Мѣстомъ собранія былъ выбранъ Воронежъ, потому что этотъ городъ являлся для большинства поселенцевъ, дѣйствовавшихъ въ народѣ, центральнымъ пунктомъ. Террористы со своей стороны хотѣли также воспользоваться этимъ съѣздомъ для своихъ цѣлей и безъ вѣдома своихъ противниковъ созвали на 17 — 21 іюня предварительный съѣздъ въ Липецкѣ, Тамбовской губ., чтобы явиться въ Воронежъ уже съ выработаннымъ планомъ. На это собраніе были приглашены не только террористы изъ общества Земли и Воли, но и вліятельные революціонеры изъ другихъ кружковъ и мѣстъ, связанные между собой только сознаніемъ необходимости выдвинуть на первый планъ политическій моментъ, централизовать организацію и вести активную борьбу съ правительствомъ.

Въ біографіи Желябова, составленной Тихомировымъ,—этомъ важномъ историческомъ источникѣ,—подробно сообщаются тѣ взгляды, которые раздѣлялъ тогда этотъ выдающійся участникъ Липецкаго съѣзда. Соціально-революціонная партія, говорилъ онъ, должна преслѣдовать соціально-экономическія, а не политическія цѣли. Послѣднія должны всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что, при ихъ отсутствіи, никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность свалить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ «идейная борьба». Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ-нибудь такомъ, достиженіе чего давало-бы прочное основаніе политической свободѣ и стремленіе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности. Такою ближайшею цѣлью и было черезъ нѣкоторое время «Учредительное Собраніе» на основахъ «народной воли».

Порѣшивъ утвердительно — хотя въ довольно неопредѣленной формѣ—этотъ первый вопросъ, съѣздъ перешелъ къ обсужденію того, какъ соціально-революціонная партія должна

отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ мести за 2 апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще опредѣленнѣе. Онъ доказывалъ, что если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченіе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣритъ, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденія, то тогда для партіи просто немыслимо безучастно относится къ такимъ крайнимъ проявленіямъ тираніи, какъ тотлебеновскія и чертковскія расправы, иниціатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія реформы сдѣлаетъ все, что можетъ: если у нея есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватаетъ силы только наказать его лично, она должна это сдѣлать; если у нея не хватаетъ силы и на это, она обязана хоть громко протестовать. Но силъ хватитъ безъ сомнѣнія, и силы будутъ расти тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать*).

Этотъ вопросъ тоже не вызвалъ особыхъ противорѣчій, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе и болѣе накипали тогда въ душѣ присутствовавшихъ.

Третьимъ предметомъ обсужденія была форма организаціи. Желябовъ въ то время не былъ особенно горячимъ централистомъ, но подъ вліяніемъ доказательствъ другихъ лицъ — и болѣе всего Александра Михайлова — съѣздъ порѣшилъ организаціонный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны**).

Между тѣмъ въ Воронежъ собрались многочисленные члены общества Земля и Воля изъ деревенской или народной партіи. Но такъ какъ ихъ товарищи, собравшіеся въ Липецкѣ, заставили себя ждать въ теченіе 4-хъ дней, то нѣкоторые изъ землевольцевъ вернулись въ свои деревни, такъ какъ они боялись потерять занимаемыя тамъ мѣста. Когда за тѣмъ явились террористы, то они прежде всего внесли предложеніе о пріемѣ новыхъ членовъ, чтобы ввести въ составъ общества болѣе разносторонніе элементы. Съѣздъ согласился на это и принялъ нѣсколько новыхъ членовъ, между ними Желябова и Ширяева. Совѣщанія на этомъ съѣздѣ были довольно безсодержательны, такъ какъ раздѣленіе между обоими направленіями зашло слишкомъ далеко, чтобы было возможно полное соглашеніе. Большинство состояло еще изъ старыхъ пропагандистовъ и революціонныхъ агитаторовъ,

---

*) Біографія Желябова, стр. 36-37.

**) На съѣздѣ въ Липецкѣ присутствовали: Алекс. Михайловъ, Фроленко, Тихомировъ, Колоткевичъ, Желябовъ, Ширяевъ, Квятковскій, Морозовъ, Гольденбергъ, Оловянникова, Баранниковъ и еще четыре лица.

которые сохранили свое отрицательное отношеніе къ политикѣ, террору и централизаціи. «И эти люди воображаютъ себя революціонерами!» — съ горечью говорилъ Желябовъ. Онъ считалъ необходимымъ разрывъ и на съѣздѣ развивалъ свои взгляды въ самой рѣзкой формѣ, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе со стороны правовѣрныхъ соціалистовъ: «Да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ», говорили они. Друзья Желябова, однако, — какъ, напр., Михайловъ—хотѣли во что бы то ни стало избѣжать рѣшительнаго разрыва, для того чтобы не разрушить единственную сильную организацію; они просили Желябова не выступать такъ рѣзко, въ отвѣтъ на что онъ совсѣмъ пересталъ говорить публично и принималъ участіе лишь въ частныхъ спорахъ, особенно съ Софьей Перовской. Съѣздъ кончился компромиссомъ. Программа Земли и Воли осталась неизмѣнной; но активная борьба съ правительствомъ должна была быть усилена, а въ случаѣ казней общество должно было принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Направленіе газеты, которую нѣкоторые обвиняли въ слишкомъ большихъ уступкахъ терроризму, потому что, напр., въ № 4 «Листка Земли и Воли», вышедшемъ послѣ покушенія Соловьева, было отведено слишкомъ много мѣста политикѣ, такъ что соціализмъ казался оттѣсненнымъ на второй планъ, — это направленіе было признано согласнымъ со взглядами партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить; но въ пунктѣ, трактующемъ объ агитаціи въ деревнѣ, сдѣлано было весьма важное дополненіе: было признано необходимымъ и своевременнымъ организовать въ деревнѣ систему аграрнаго террора, на подобіе ирландскаго риббонменства. Во главѣ газеты «Земля и Воля» остались 2 прежнихъ редактора, оба террориста, но къ нимъ присоединили еще 1 — изъ партіи «народниковъ»; составъ петербургской административной коммиссіи (тянувшей въ сторону террора) также былъ усиленъ народническимъ элементомъ. Изъ имѣвшихся денежныхъ суммъ рѣшено было тратить не болѣе одной трети на террористическую дѣятельность*).

Террористы не могли удовлетвориться вполнѣ этими результатами, хотя они получили матеріальныя средства и на-

---

*) Послѣ утвердительнаго вотума съѣзда по вопросу объ оказаніи содѣйствія деньгами и людьми предполагавшемуся цареубійству, одинъ изъ редакторовъ «Земли и Воли, Г. Плехановъ, покинулъ съѣздъ, заявивъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, измѣняющими народному дѣлу ***(Воспоминанія землевольца)***.

Перечисленіе рѣшеній, принятыхъ воронежскимъ съѣздомъ, дополнено редакціей на основаніе тѣхъ-же воспоминаній землевольца. Л. Ш.

дѣялись привлечь на свою сторону еще нѣкоторыхъ землевольцевъ. Съ этою цѣлью, сейчасъ же послѣ конгресса, они разъѣхались по большимъ городамъ. Желябовъ поѣхалъ въ Харьковъ, Кіевъ и Одессу; Ал. Михайловъ — въ Петербургъ, чтобы вербовать новыхъ сторонниковъ. Въ этотъ періодъ въ Петербургѣ произошло нѣсколько общихъ собраній, на которыхъ обсуждалась новая постановка вопроса; но фактически каждая фракція дѣйствовала уже вполнѣ самостоятельно и вербовала себѣ новыхъ членовъ, пока, наконецъ, на съѣздѣ представителей обѣихъ группъ общества Земли и Воли, въ Петербургѣ, 15 авг. 1879 г., разрывъ не былъ объявленъ открыто. Тогда возникла террористическая, централистическая организація, названная впослѣдствіи, по ея органу, «Народная Воля» (первый номеръ вышелъ въ октябрѣ 1879), народовольческой, и выпускавшая также зимой 1880-81 г. «Рабочую Газету», — и децентралистическая народническая группа, члены которой, по имени газеты «Черный Передѣлъ» (первый номеръ вышелъ 15 января 1880), назывались чернопередѣльцами, а также народниками; они въ іюнѣ 1881 г. издали народный листокъ «Зерно». Обѣ партіи разстались мирнымъ и дружескимъ образомъ. Онѣ обѣщали содѣйствовать другъ другу типографіями, поддерживать деньгами и помогать при убійствѣ шпіоновъ и освобожденіи арестованныхъ товарищей. Такъ и было впослѣдствіи; когда, наприм., шпіонъ Жарковъ предалъ типографію народниковъ, то террористы убили его; у нихъ же первые временно печатали свою газету. 26 августа царь былъ «приговоренъ» къ смерти Исполнительнымъ Комитетомъ, и противъ него, поѣхавшаго тогда въ Ливадію, въ Крымъ, задуманъ былъ цѣлый походъ.

Глава седьмая.

ТЕРРОРИЗМЪ.
(съ 1879 г.)

Весь громадный переворотъ въ революціонномъ движеніи совершился не разомъ и охватилъ не въ равной мѣрѣ различные кружки и личности въ городѣ и въ деревнѣ. Не легко было отказаться отъ осуществленія соціалистическихъ идеаловъ ради ближайшихъ политическихъ цѣлей, не касавшихся даже непосредственно экономическихъ вопросовъ; не лег-

ко было оставить путь сравнительно мирной пропаганды и агитаціи, чтобы идти на убійства и другія преступленія; не легко было склонить гордую голову и самостоятельную мысль, проявлявшуюся съ неограниченной свободой въ мелкихъ кружкахъ, предъ высшимъ авторитетомъ Исполнительнаго Комитета, въ виды котораго не всѣ даже были посвящены. Этотъ психологическій и этическій процессъ потребовалъ двухъ, а въ большинствѣ случаевъ даже еще большаго числа лѣтъ, чтобы созрѣть вполнѣ. Новыя идеи прежде всего овладѣли сангвиническими и нетерпѣливыми, энергичными и отчаянными характерами, въ то время какъ большинство еще нерѣшительно стояло между двухъ крайностей: соглашаясь, подобно Софьѣ Перовской, съ народной партіей, что не слѣдовало оставлять дѣятельности въ народѣ, оно требовало въ то-же время, вмѣстѣ съ террористами, смерти Александра II; дѣятельность одной партіи должна была дополнять другую. Эти нерѣшительные элементы задерживали открытый разрывъ и затушевывали въ теченіе извѣстнаго времени разногласіе, чтобы не обнаружить того поворота въ политической борьбѣ, который сближалъ ихъ со столь долго осмѣивавшимися якобинцами и либеральными буржуа. Впослѣдствіи впрочемъ эти элементы подчинились успѣху и усилившейся дѣятельности террористовъ.

Это революціонизированіе умовъ естественно должно было повести къ продолжительнымъ спорамъ, при чемъ скоро обнаружилось, что для выясненія дѣла недоставало одного изъ существенныхъ орудій—хорошо организованной прессы. Правда, между товарищами происходили обсужденія, не было также недостатка и въ рукописной литературѣ, но всего этого было мало, и прежде всего для поселенцевъ въ деревнѣ. Не было, конечно, ничего удивительнаго, что литература была поставлена неудовлетворительно и что русскій революціонеръ не успѣвалъ пополнить пробѣловъ своего теоретическаго образованія. Попадая съ юныхъ лѣтъ подъ огонь полицейскихъ преслѣдованій, онъ часто не имѣлъ даже комнаты, которую могъ бы назвать своею. Цѣлыми мѣсяцами и годами онъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣстожительства. Вставая утромъ, онъ не зналъ, гдѣ найдетъ пріютъ на ночь. Нельзя было при такихъ условіяхъ требовать отъ него умственныхъ занятій. Кромѣ того, откуда онъ могъ получать книги?! Тѣмъ не менѣе сами соціалисты сознавали, что результаты пропаганды во многомъ зависятъ отъ познаній агитаторовъ; поэтому литература была необходима для нихъ, какъ и для народа.

Между тѣмъ среди различныхъ отраслей революціонной дѣятельности пресса занимала пока низшую ступень. Но, какъ справедливо указывало на это объявленіе объ изданіи

соціально-революціонной библіотеки, ни одна партія не можетъ безнаказанно игнорировать теорію. А такъ какъ приходилось сознаться, что въ то время господствовала та же неясность въ идейной области, какъ и въ началѣ движенія, и что литература не могла удовлетворить растущихъ требованій интеллигентныхъ читателей, то было рѣшено издавать подъ редакціей Лаврова, Гартмана и Морозова соціально-революціонную библіотеку. Изданія этой библіотеки вышли однако довольно скудными; за 3 года появилось всего 3 книжки: 2 перевода — Шеффле «Сущность соціализма» (съ критическими замѣчаніями Лаврова и Тарновскаго) и Коммунистическій манифестъ — и небольшая книжка Лаврова о Парижской коммунѣ. Теоретической разработкой насущныхъ вопросовъ дня занимались Морозовъ и Тарновскій съ террористической, а Стефановичъ и Борисовъ съ народнической точекъ зрѣнія, въ своихъ брошюрахъ, появившихся въ 80 и 81 гг. «Набатъ», все еще издававшійся въ Женевѣ, увидѣлъ себя, наконецъ, въ согласіи съ руководящей партіей въ русскомъ революціонномъ движеніи. Оффиціальными же органами обѣихъ партій были уже вышеупомянутые «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ», на ряду съ которыми въ 1880-81 гг. появилось значительное число программъ и прокламацій*). О многихъ изъ нихъ трудно даже сказать, отъ кого именно онѣ исходили, потому что большею частью онѣ появлялись анонимно. Даже когда онѣ выходили отъ имени одной изъ двухъ дѣйствовавшихъ партій или отъ имени соціально-революціонной партіи, какъ единаго цѣлаго, онѣ все-таки противорѣчили другъ другу. Часто отдѣльные революціонеры дѣйствовали и писали за свой собственный страхъ, а когда объ нихъ спрашивали, то получался отвѣтъ: «Этому не надо придавать серьезнаго значенія». Даже прокламаціи Исполнительнаго Комитета Народной Воли не всегда встрѣчали одобреніе всѣхъ партійныхъ товарищей: случалось даже — какъ, напр., съ воззваніемъ по поводу южно-русскихъ еврейскихъ погромовъ — что ихъ приходилось отмѣнять. Не безъ основанія поэтому Яковъ Стефановичъ говорилъ о хаотическомъ характерѣ русскаго революціоннаго движенія, въ ходѣ котораго невозможно подмѣтить никакой закономѣрности. Тѣмъ труднѣе для малопосвященнаго въ дѣло вѣрно характеризовать взгляды различныхъ партій, которые были такъ неопредѣленно формулированы и заключали въ себѣ столько оттѣнковъ. Только съ такой оговоркой я и попытаюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи намѣтить болѣе подробно цѣли, средства и организаціонныя формы сначала террористовъ-народовольцевъ, а потомъ агитаторовъ-чернопередѣльцевъ.

---

*) «Вольное Слово», № 18. Драгомановъ.

Террористы, какъ уже было сказано, рѣшительно отрицали возможность мирной пропаганды и агитаціи соціализма; для этого не было достаточныхъ политическихъ гарантій въ Россіи. Вотъ почему, въ ихъ глазахъ, необходимо было прежде всего добиться политическихъ правъ, при чемъ соціалисты сходились здѣсь съ либералами на однихъ и тѣхъ же требованіяхъ. Затѣмъ — такъ аргументировали они — неправильно было говорить въ Россіи о борьбѣ между различными классами, въ смыслѣ западно-европейскаго соціализма*). Несмотря на всѣ старанія правительства, дворянство не сложилось у насъ въ самостоятельный классъ; буржуазія слабо развита; обѣ эти соціальныя группы имѣютъ второстепенное значеніе, и о борьбѣ между трудомъ и капиталомъ въ той формѣ, въ какой это происходитъ на Западѣ, у насъ не можетъ быть и рѣчи. Наибольшей силой въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи является въ Россіи правительство, какъ благодаря своимъ земельнымъ владѣніямъ и предпріятіямъ, своимъ чиновникамъ и служащимъ, такъ и благодаря законодательной защитѣ, которую оно оказываетъ привилегированнымъ классамъ таможенными пошлинами, субсидіями, внутренними займами и т. п. По отношенію къ крестьянамъ эта власть правительства и чиновниковъ еще выросла теперь благодаря тому, что подати и поземельныя пошлины, которыя раньше платились помѣщику, съ 1861 г. перешли въ государственную казну; вслѣдствіе этого, то экономическое противорѣчіе, въ какомъ стоялъ прежде крестьянинъ къ помѣщику, перенеслось теперь также на правительство. Если желательно облегчить подати, увеличить надѣлы, расширить общинное самоуправленіе, то въ Россіи приходится имѣть дѣло прежде всего съ правительствомъ и его чиновниками. Такимъ образомъ и политическое, и экономическое освобожденіе народа ведетъ у насъ къ борьбѣ противъ правительства; экономическая и политическая борьба сливаются въ Россіи, и побѣда надъ правительствомъ предохранитъ насъ отъ усиленія буржуазіи. Съ точки зрѣнія народовольцевъ, единственными живыми силами въ странѣ являлись интеллигенція, городскіе рабочіе и крестьяне; они и должны были имѣть своихъ представителей въ учредительномъ собраніи. Чтобы сдѣлать это возможнымъ, правительство должно было дать, на время выборовъ, полную свободу слова, собраній и союзовъ, а учредительное собраніе должно было затѣмъ издать законы, которые гарантировали бы политическія права гражданъ.

Такая аргументація и такія требованія имѣютъ много подкупающаго для западноевропейскаго читателя, и до извѣст-

---

*) «Народная Воля» № 2. «Вольное Слово» № 13. — Возраженія Энгельса „**Socialisten aus Russland**“ 1874.

ной степени они справедливы и основательны. Но не слѣдуетъ однако думать, чтобы для террористовъ политическая свобода являлась конечною цѣлью. Изъ нѣкоторыхъ статей Степняка и Кропоткина, появившихся въ заграничной печати, а также изъ прокламацій, выпущенныхъ послѣ убійства Александра II, можно составить себѣ такое понятіе, какъ будто бы дѣло шло тогда только о дарованіи учредительнаго собранія и политической свободы, уменьшеніи податей, увеличеніи земельнаго надѣла и расширеніи крестьянскаго самоуправленія, послѣ чего террористы обѣщали пріостановить свои «казни» и подчиниться рѣшеніямъ народнаго собранія. Но не слѣдуетъ обманываться этимъ*). Достиженіе политической свободы являлось лишь ближайшею цѣлью; если-бы она была достигнута и такимъ образомъ было-бы создано предварительное условіе для идейной мирной агитаціи, то тогда наступила-бы очередь соціализма. Отложить не значитъ отказаться. Вслѣдъ за политической революціей должна была наступить настоящая соціальная, которая повела-бы къ установленію новаго общественнаго строя, основаннаго на свободѣ и справедливости.

Но какими же средствами могли быть пріобрѣтены политическія права? Организовать мирнымъ путемъ народную партію, по мнѣнію террористовъ было невозможно; при этой работѣ только расточались силы революціонеровъ, которыя бились о препятствія, создаваемыя бдительной полиціей, «какъ рыба объ ледъ». Необходимо было отказаться отъ западноевропейскихъ формъ революціи и обратиться къ террору, направленному противъ царя и его виднѣйшихъ помощниковъ, чтобы добиться уступокъ. При настоящихъ обстоятельствахъ въ Россіи, гдѣ всѣ другія средства остаются безрезультатными, терроръ, создаваемый убійствами, является необходимостью, и его примѣненіе можетъ быть оправдываемо. Таковы

---

*) Точно также не слѣдуетъ придавать значенія газетнымъ извѣстіямъ, согласно которымъ Богдановичъ заявилъ будто-бы на судѣ (въ апр. 1883), что террористы борятся не противъ принципа монархіи, но противъ способа, которымъ она защищаетъ себя. Онъ, вѣроятно, сказалъ: Террористы не борятся противъ принципа государства, т. е. они не анархисты и перестанутъ практиковать терроръ, когда измѣнится государственное устройство. Если же Богдановичъ, дѣйствительно, сдѣлалъ такое заявленіе, то это его личный взглядъ. Златопольскій заявлялъ также: Партія хочетъ не конституціи, которая приведетъ только къ раздѣлу власти между царемъ и имущими классами, а настоящаго народнаго представительства (Отчетъ о процессѣ въ „Indépendance Belge“).

были взгляды руководящихъ и мыслящихъ головъ партіи. Мечтатели, въ родѣ Морозова и Тарновскаго, шли еще дальше и возводили террористическую практику въ цѣлую систему, придавая ей значеніе новаго революціоннаго средства, которое должно было быть примѣняемо вездѣ. Во всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ массовыхъ движеніяхъ, народъ—такъ говорили они — являлся лишь жертвой, и его экономическое положеніе не улучшалось, между тѣмъ какъ, дѣйствительно виновные тираны оставались безнаказанными. Поэтому борьбу за свободу должна была вести молодежь путемъ цѣлаго ряда цѣлесообразныхъ убійствъ. Такого рода тайныя убійства должны были войти въ традицію и уничтожать заблаговременно всѣхъ честолюбцевъ, въ родѣ Наполеона III и Бисмарка, въ самомъ началѣ ихъ карьеры, независимо отъ того, достигаютъ-ли они своего господства при помощи арміи или путемъ плебисцита. Каждый разъ когда оживаетъ деспотизмъ, долженъ появляться и терроръ, и воспоминаніе о немъ должно было жить въ массахъ. «Каждый человѣкъ имѣетъ право убить тирана, и народъ не можетъ отнять этого права ни у одного изъ согражданъ!» Эти слова Сенъ-Жюста должны были сдѣлаться лозунгомъ террористовъ. Появленіе этой теоріи Морозова понятно, такъ какъ всякое новое движеніе, въ началѣ своемъ, обыкновенно развивается, по крайней мѣрѣ въ теоріи, до своихъ крайнихъ выводовъ, пока на вершинахъ логическаго построенія не возникаютъ сомнѣнія, которыя вызываютъ пересмотръ всей аргументаціи. Такъ было и съ этимъ вопросомъ. Теорія Морозова не встрѣтила сочувствія въ Исполнительномъ Комитетѣ, который отказался напечатать его брошюру; тогда авторъ вышелъ изъ комитета и отправился въ Женеву, гдѣ напечаталъ ее самъ.

Въ Женевѣ Морозовъ и Тарновскій сблизились со старымъ теоретикомъ политическихъ убійствъ, Ткачевымъ. Онъ былъ очень доволенъ новымъ поворотомъ вещей въ Россіи; вѣдь онъ уже давно самъ называлъ себя бланкистомъ и якобинцемъ. Теперь, казалось, настала его пора. Но это только казалось. Такъ какъ онъ раздѣлялъ мнѣніе Морозова объ убійствѣ, какъ объ универсальномъ средствѣ борьбы, то онъ опять разошелся съ оффиціальнымъ взглядомъ Исполнительнаго Комитета, который признавалъ это средство политической борьбы примѣнимымъ лишь при спеціально русскихъ условіяхъ. Но Ткачевъ все-таки попробовалъ придать своему «Набату» болѣе жизни, для чего его состоятельный другъ Турскій охотно предложилъ свои деньги. Ткачевъ перенесъ осенью 1880 года свою типографію въ Петербургъ, гдѣ она, впрочемъ, немедленно по прибытіи была конфискована. Говорятъ, что у Ткачева насчитывалось всего на всего не больше дюжины приверженцевъ въ Россіи; самъ онъ вскорѣ

былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ въ 1885 г.

Такимъ образомъ самыя авторитетныя заявленія партіи народовольцевъ высказывались противъ морозовской теоріи*). Морозовъ былъ лишь однимъ изъ второстепенныхъ членовъ организаціи (онъ былъ приговоренъ къ смертной казни по процессу 20-ти, въ 1882 г., и затѣмъ «помилованъ» къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ). По офиціальному заявленію террористовъ, убійство царя вызывалось лишь специфически-русскими условіями; оно совершенно не входило въ первоначальныя намѣренія движенія, но его пришлось принять, какъ единственное дѣйствительное средство въ борьбѣ противъ неумолимо жестокаго правительства. По поводу убійства Гарфильда, газета «Народная Воля» (№ 6) высказала свое сочувствіе американскому народу, такъ какъ насиліе могло быть обращено только противъ насилія, въ свободной же странѣ должны были примѣняться другія средства.

Рядомъ съ политическими убійствами, практиковались и другія боевыя средства, имѣвшія второстепенное значеніе. Я имѣю въ виду добываніе денежныхъ средствъ при помощи воровства и подлоговъ. Но это были дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, за которыя Исполнительный Комитетъ не принималъ на себя отвѣтственности. Въ кишиневскомъ казначействѣ предпріятіе, въ декабрѣ 1880 г., не пошло дальше попытки**); послѣ удавшагося покушенія въ Херсонѣ, въ іюнѣ 1879 г., деньги, больше милліона рубл., были черезъ нѣсколько дней найдены нетронутыми; какой-то украинскій другъ народа проявилъ свою «ушкуйническую» дѣятельность въ почтовомъ вѣдомствѣ. Исполнительный Комитетъ заявилъ, что онъ считаетъ допустимой «конфискацію» государственныхъ капиталовъ, но не воровство у частныхъ лицъ или въ благотворительныхъ учрежденіяхъ; онъ отрицалъ, чтобы въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ были похищены 300.000 рублей его агентами. Плохо однако то, что публика никогда не можетъ знать, когда ей слѣдуетъ разсматривать кражу, какъ конфискацію Исполнительнаго Комитета, а когда—какъ акты отдѣльныхъ революціонеровъ или даже постороннихъ лицъ, принимающихъ революціонный обликъ. Тайная власть не можетъ сложить съ себя отвѣтственности за свои дѣй-

---

*) Сухановъ и Исаевъ въ своихъ рѣчахъ на процессѣ Суханова и Тригони. — Прокламаціи Исполнительнаго Комитета. —Желябовъ.

**) Фроленко съ Лебедевой и Лисовской, въ качествѣ кухарки, поселились въ гостинницѣ «Швейцарія» и оттуда повели подкопъ къ казначейству; но въ январѣ 1881 г. эта попытка «конфискаціи государственныхъ бумагъ» была открыта.

ствія ни передъ общественнымъ мнѣніемъ, ни передъ исторіей, и было бы, конечно, вполнѣ цѣлесообразно, если бы отъ времени до времени Исполнительный Комитетъ доводилъ до общаго свѣдѣнія, какія «казни и конфискаціи» были совершены его агентами*).

Съ тѣхъ поръ какъ цѣлью движенія было поставлено достиженіе политической свободы, а средствомъ выбранъ терроръ, то отсюда необходимо вытекали централистическая организація, болѣе суровая партійная дисциплина и болѣе строгое храненіе тайнъ. Первыя убійства исходили еще отъ небольшихъ кружковъ; но при желаніи перейти къ уничтоженію царя и высшихъ государственныхъ чиновниковъ, необходима была систематическая дѣятельность съ широкими средствами. Поэтому партія отказалась отъ федералистическаго принципа анархической интернаціональной программы и вернулась къ централизаціи якобинства 1792 и 1793 г. Какъ ни преклонялись раньше передъ принципами федерализма, какъ ни обрушивались на «пережитыя формы» якобинской революціи, называя якобинцевъ ихтіозаврами и плезіозаврами революціи, не рѣшавшимися даже открыто высказывать своего мнѣнія, — но вотъ черезъ очень короткое время тѣ же самые революціонеры стали подчиняться приказаніямъ Исполнительнаго Комитета, не осмѣливаясь ни обсуждать ихъ, ни отказываться отъ нихъ! А какъ нападала сначала на этотъ самый комитетъ, какъ высмѣивала его противная партія! Яковъ Стефановичъ**) еще въ 1880 году называлъ его богъ вѣсть откуда взявшимся и вздумавшимъ претендовать на неограниченную власть; подобный способъ дѣйствія со стороны способныхъ и честолюбивыхъ людей могъ, по его мнѣнію, временно достигнуть значительнаго вліянія, но на болѣе продолжительное время его дѣйствіе не могло быть благодѣтельно; а въ случаѣ побѣдоносной революціи онъ могъ, какъ это было во Франціи, принять какія-нибудь недоброкачественныя мѣры. Но тѣмъ не менѣе этотъ комитетъ оказался реальной силой съ широкимъ вліяніемъ и стремился поднять свои убійства на уровень «казней».

Исполнительный Комитетъ изъ террористически и конституціонно настроенныхъ революціонеровъ возникъ еще весной 1879 году; онъ состоялъ тогда изъ террористовъ различныхъ группъ, а не только изъ членовъ Земли и Воли. Когда террористическая партія конституировалась въ Липецкѣ, то руководителями ея были выбраны Тихомировъ, Фроленко и Ал. Михайловъ. Этотъ комитетъ имѣлъ своихъ агентовъ и под-

*) «Народная Воля», № 7. — «Вольное Слово», № 21. Драгомановъ.

**) Злоба дня, 1880.

чиненныхъ, раздѣлявшихся на 3 разряда, по степени довѣрія*); агенты высшей, 3-ей степени, какъ, напр., Желябовъ, были, повидимому, въ то же время и членами Исполнительнаго Комитета; эти агенты выбирали себѣ, за своей собственной отвѣтственностью, помощниковъ, которыми они пользовались для своихъ цѣлей. Подобная организація обезпечивала безопасность съ двухъ сторонъ: съ одной стороны она гарантировала тайну всѣхъ предпріятій, такъ что ни одно покушеніе на Александра II, напр., не было выдано, а съ другой — сю обусловливалась строгая дисциплина, которой со временемъ подчинились всѣ члены. Комитетъ, благодаря своимъ успѣхамъ, пріобрѣлъ большую извѣстность, привлекъ многочисленныхъ членовъ и значительныя денежныя средства. При этомъ было достигнуто значительное раздѣленіе труда, такъ что, по сравненію съ прежними мелкими кружками, Исполнительный Комитетъ работалъ со всѣми преимуществами крупнаго предпріятія.

Но на этой централизаціи революціонныхъ силъ въ Исполнительномъ Комитетѣ движеніе не остановилось; была достигнута также и локализація ихъ, а именно, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ велъ ближе къ цѣли, т. е. въ правительственныхъ центрахъ, причемъ организаторская работа была направлена на ту часть населенія, которая могла принять непосредственное участіе въ революціи. Это считалось необходимымъ, потому что движеніе въ деревнѣ или на окраинахъ, безъ возстанія въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ было-бы немедленно подавлено и прошло-бы безслѣдно для народнаго освобожденія. Эта невыгода возрастала по мѣрѣ того, какъ усовершенствовались техническія вспомогательныя средства, какъ, напр., желѣзныя дороги и телеграфы, которые находились въ распоряженіи правительства. Кромѣ того организація крестьянскихъ силъ не входила непосредственно въ программу партіи, и ея дѣятельность лишь постольку должна была направляться въ эту сторону, поскольку это было необходимо для выясненія народу истиннаго смысла ея требованій и охраненія его отъ реакціонныхъ попытокъ въ моментъ возстанія.

Принципъ централизаціи долженъ былъ быть сохраненъ и послѣ революціи**), хотя это временное правительство партіи

*) ***Показанія Гольденберга***, на которыя, однако, возражали на судѣ Ал. Михайловъ и Квятковскій.

**) «Народная Воля» №№ 5, 8 и 9. — «Програма рабочихъ членовъ партіи Народной Воли», прокламація Исполнительнаго Комитета Народной Воли къ русскому рабочему народу, 24 авг. 1881, въ «Черномъ Передѣлѣ» № 4. — «Вольное Слово» №№ 39, 40.

могло имѣть, по словамъ Желябова, только формальное значеніе; оно было бы лишь ликвидаціонной комиссіей. Народъ долженъ былъ самъ произвести революцію въ экономическомъ отношеніи, а правительство должно было только санкціонировать экономическое равенство. Таково должно было быть нормальное положеніе дѣла. Но если-бы народъ самъ не уничтожилъ существующихъ экономическихъ порядковъ, то это сдѣлало-бы временное правительство: оно уничтожило бы частную собственность на землю и орудія производства въ крупной промышленности и одновременно съ тѣмъ ввело-бы новыя политическія учрежденія. Тогда должны были состояться выборы, причемъ въ собраніи выступили-бы истинные представители народа, освобожденнаго и политически, и экономически, и народная жизнь стала-бы регулироваться народной волей.

Что касается отношенія партіи Народной Воли къ другимъ національностямъ, входящимъ въ составъ русскаго государства, то по этому вопросу органъ партіи высказывался слѣдующимъ образомъ*).

«Нерѣдко говорятъ, будто партіи Народной Воли присуще пренебреженіе мѣстными особенностями русскихъ окраинъ, стремленіе подчинить остальныя народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольчество, какъ соціалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ безъ различія происхожденій; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее — вовсе не входитъ въ наши планы; что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода партіи. Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически обособившихся народностей. Само собою разумѣется, мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную политическую независимость, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ національностямъ. Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства: разъединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціи и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна

*) «Народная Воля», № 8, стр. 6-7. Мы замѣняемъ здѣсь изложеніе Туна, сопровождаемое его собственнымъ мнѣніемъ о централистическихъ тенденціяхъ Народной Воли, подлинной выпиской излагаемаго имъ мѣста. Л. Ш.

дезорганизаціонная разрушительная работа, но и созидательная, т. е. если учредительная дѣятельность обще-русскаго Земскаго Собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ основъ новаго строя, отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы навѣрное найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи».

Террористическое движеніе не ограничилось, подобно народническому, главнымъ образомъ одпѣми теоріями. Послѣдующее время очень богато террористическими актами. Уже лѣтомъ 1879 г., немедленно же послѣ конституированія партіи, былъ задуманъ походъ противъ жизни царя, а именно рѣшено было взорвать поѣздъ, который везъ Александра II изъ Ливадіи въ Петербургъ. Не менѣе 3-хъ минъ было заложено съ сентября въ Одессѣ, Александровскѣ и Москвѣ, и около 50 чел. были заняты этимъ*). Особенныя надежды возлагались на мину во второмъ изъ названныхъ городовъ, потому что, въ случаѣ удачи, поѣздъ здѣсь долженъ былъ свалиться въ оврагъ. Въ октябрѣ Желябовъ купилъ около полотна желѣзной дороги участокъ земли, какъ будто бы для устройства кожевеннаго завода. Отсюда были заложены подъ полотно двѣ мины и проведенъ къ нимъ электрическій приводъ, причемъ аппаратъ былъ установленъ на телѣгу. Но тѣмъ не менѣе, по какой-то технической причинѣ, взрыва не произошло. Бо́льшимъ успѣхомъ увѣнчалась работа подъ Москвой**). Здѣсь также у полотна желѣзной дороги поселились въ отдѣльномъ нанятомъ домикѣ, среди мѣстнаго раскольничьяго населенія, Гартманъ***) и Перовская, въ качест-

---

*) Въ Одессѣ работали Фроленко, Кибальчичъ, Колодкевичъ, Златопольскій, Лебедева; въ Александровскѣ — Желябовъ, Прѣсняковъ, Окладскій, Тихоновъ, Якимова, а въ Москвѣ—Алекс. Михайловъ, Гольденбергъ, Гартманъ, Перовская, Ширяевъ, Баранниковъ и нѣкоторые друг., частью оставшіеся неизвѣстными. Закладка мины въ Одессѣ (въ 14 в. отъ города) оказалась неудачной, потому что царь не проѣхалъ черезъ этотъ городъ. Фроленко поступилъ тогда желѣзно-дорожнымъ сторожемъ.

**) «La Russia sotterranea стр. 143.

***) Левъ Гартманъ — сынъ нѣмецкаго колониста изъ Архангельска, хотя плохо понималъ по-нѣмецки. Онъ былъ членомъ мѣстнаго кружка въ Саратовской губ. и занималъ тамъ мѣсто волостного писаря. Онъ былъ вызванъ, благодаря

вѣ ремесленниковъ, будто бы поджидая своихъ стариковъ-родителей. Но они были не одни. Провизію, которую они закупали, они ни въ какомъ случаѣ не могли съѣдать сами. Въ домѣ жилъ цѣлый кружокъ, никогда не показывавшійся на божій свѣтъ; эти отшельники были революціонеры, копавшіе мину; извозчики, подъѣзжавшіе сюда по ночамъ, привозили съ вокзала рабочихъ, динамитъ и орудія, которыя были необходимы для взрыва. Эти орудія были пріобрѣтены только въ послѣднее время; сначала работали съ самыми простыми инструментами, а такъ какъ ходъ былъ постоянно полонъ водой, то революціонеры должны были работать въ ледяной водѣ. Направленіе имъ указывалъ маленькій дорожный компасъ, который употребляется военными. Въ случаѣ посѣщенія полиціи рабочіе тотчасъ же предупреждались, и она находила только законныхъ хозяевъ; на самый крайній случай, на столѣ стояла бутылка съ нитро-глицериномъ, въ которую Перовская должна была выстрѣлить. Наконецъ, настало 19 ноября; Перовская дала сигналъ; Ширяевъ замкнулъ цѣпь; немедленно послѣдовалъ взрывъ; но это былъ не царскій поѣздъ, и царь благополучно добрался до Петербурга. Виновные успѣли во время скрыться.

Но и эта неудача не могла разрушить крѣпкую организа-

своимъ химическимъ познаніямъ, для помощи Кибальчичу, а затѣмъ посланъ въ Москву, чтобы устроить электрическую баттарею. Онъ никогда не игралъ выдающейся роли въ партіи. Въ Парижѣ, куда онъ бѣжалъ послѣ покушенія, его жизнь, какъ извѣстно, висѣла на волоскѣ (февраль 1880 г.); онъ былъ освобожденъ незадолго до пріѣзда русскаго прокурора, благодаря вліянію радикальной французской партіи. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ работалъ на фабрикахъ, послѣ чего отправился въ С. Америку и читалъ тамъ рефераты; но къ нему относились въ высшей степени подозрительно, какъ къ уголовному преступнику, такъ что онъ предпочелъ снова вернуться въ Англію, чтобы опять работать по электричеству. Говорятъ, что это очень предпріимчивый человѣкъ. — За нѣсколько дней до московскаго покушенія, полиція арестовала на елизаветградскомъ вокзалѣ Гольденберга, который обратилъ на себя вниманіе жандармовъ тѣмъ, что сдалъ въ багажъ маленькій, но необычайно тяжелый ящикъ; въ немъ было 2 пуда динамита. Благодаря ловко веденному слѣдствію Гольденбергъ сдѣлалъ большія признанія и оговорилъ массу лицъ; это былъ ограниченный и честолюбивый человѣкъ, желавшій выдать себя за главное лицо въ движеніи, вслѣдствіе чего онъ отчасти сочинялъ свои показанія. Когда онъ понялъ, что попалъ въ ловушку, онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

цію Исполнительнаго Комитета. Скорѣе теперь-то именно и сложилась вполнѣ эта партія, принявъ зимой названіе Народной Воли. Даже арестъ 2-хъ типографій, народовольческой и чернопередѣльческой, 18-го и 28-го января 1880 года повелъ лишь къ временнымъ затрудненіямъ. Типографія Народной Воли въ Саперномъ переулкѣ*) была открыта случайно; захваченные защищались нѣсколько часовъ и произвели болѣе ста выстрѣловъ, пока не успѣли уничтожить всѣ бумаги и рукописи. Типографія находилась въ верхнемъ этажѣ, подъ крышей, и занимала 4 комнаты. Первая держалась въ чистотѣ и была хорошо меблирована; въ другихъ комнатахъ работали, но только днемъ, чтобы не возбудить подозрѣнія, и даже въ крайнихъ случаяхъ не позже 10 час. вечера. Квартира была извѣстна только 3 или 4 лицамъ редакціи «Народной Воли», но и они ходили туда лишь въ случаѣ крайней необходимости. Арестованные товарищи были скоро замѣнены другими; такъ напр., Алекс. Михайловъ былъ вызванъ въ Петербургъ, послѣ того какъ онъ организовалъ террористическую группу въ Москвѣ. Между тѣмъ Исполнительный Комитетъ подготовлялъ покушеніе болѣе крупное и болѣе смѣлое, чѣмъ когда-либо прежде.

Осуществленіе этого покушенія было поручено вятскому крестьянскому сыну, Халтурину**). Ранѣе онъ дѣйствовалъ, какъ энергичный агитаторъ среди рабочихъ въ Петербургѣ, и былъ очень извѣстенъ подъ именемъ Степана. Въ 1878 г. онъ организовалъ Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ, въ которомъ было нѣсколько сотъ членовъ и который былъ самымъ крупнымъ изъ рабочихъ союзовъ, возникавшихъ до того времени. Онъ началъ даже издавать газету, которая печаталась самими рабочими, и устроилъ типографію, которая была, однако, арестована при наборѣ перваго номера. Когда Халтуринъ увидѣлъ, что всѣ его планы разрушены полиціей, онъ пришелъ къ мысли о цареубійствѣ и осенью 1879 г. предложилъ свои услуги Исполнительному Комитету. Было рѣшено, что въ случаѣ неудачи тройного желѣзнодорожнаго покушенія, Халтуринъ произведетъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Какъ необыкновенно искусный лакировщикъ онъ легко нашелъ себѣ работу во дворцѣ. Съ октября, во время отсутствія царя, онъ изучалъ положеніе дворцовыхъ комнатъ и увидѣлъ, что столовая расположена какъ разъ надъ подваломъ, въ которомъ жили столяры, и что она отдѣлялась отъ него только однимъ этажемъ, въ которомъ помѣщалась дворцовая стража***). Послѣ неудачи желѣзнодорожныхъ поку-

*) «Общее Дѣло» № 31 и 32.

**) Календарь Н. В. 1883, стр. 40—48.

***) Халтуринъ разсказывалъ объ ужасномъ безпорядкѣ двор-

шеній, взрывъ Зимняго дворца оставался единственною надеждою Исполнительнаго Комитета. Членъ его, Квятковскій, велъ сношенія съ Халтуринымъ, но вскорѣ былъ арестованъ, причемъ у него былъ найденъ планъ Зимняго дворца, въ которомъ на мѣстѣ столовой былъ поставленъ крестъ. Этотъ крестъ возбудилъ серьезныя подозрѣнія дворцовой полиціи; надзоръ сдѣлался очень строгимъ; начались внезапные обыски. Когда жандармы въ первый разъ явились ночью въ помѣщеніе столяровъ, то Халтуринъ былъ въ высшей степени смущенъ; онъ думалъ, что все потеряно, ибо у него подъ подушкой лежалъ свертокъ съ динамитомъ. Однако обыскъ въ комнатѣ былъ очень поверхностный. Гораздо затруднительнѣе стало проносить динамитъ, вслѣдствіе обыска, которому подвергались всѣ возвращавшіеся во дворецъ, а также вслѣдствіе того, что въ подвалѣ столяровъ былъ поселенъ теперь жандармъ. Съ этого времени приготовленія подвигались очень медленно, такъ какъ динамитъ можно было проносить только небольшими количествами; къ тому же Халтуринъ страдалъ страшными головными болями, вслѣдствіе ядовитыхъ испареній нитроглицерина, который онъ держалъ подъ подушкой. Опасность, которой онъ постоянно подвергался и его быстро развивавшаяся чахотка дѣлали его очень нервнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ спокойно работать, не возбуждая никакого подозрѣнія; сторожевой жандармъ попробовалъ даже залучить въ зятья искуснаго столяра, который къ Рождеству получилъ награду въ 100 рублей. Наконецъ, въ сундукѣ Халтурина собралось около 3 пудовъ динамита, и техники признали такое количество достаточнымъ. Къ тому же Желябовъ, который послѣ ареста Квятковскаго руководилъ покушеніемъ, лихорадочно торопилъ съ исполненіемъ предпріятія. Халтуринъ же думалъ, что такъ какъ все равно нельзя было обойтись безъ большого количества жертвъ, то лучше ужъ было накопить еще большее количество динамита, чтобы вся работа не пропала даромъ. Но мнѣніе Желябова одержало верхъ; да и дѣйствительно страшный рискъ при переноскѣ динамита и постоянно усиливающаяся стро-

---

цоваго управленія и о кражахъ прислуги. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которыя приглашали десятки своихъ знакомыхъ, которые свободно приходили и уходили, а иногда даже и ночевали, въ то время какъ парадныя лѣстницы были недоступны даже для самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Кражи были такъ всеобщи, что Халтуринъ, чтобы не возбудить подозрѣній своей честностью, также воровалъ съѣстные припасы. Да и трудно было не воровать, такъ какъ дворцовые камердинеры, напр., получали всего лишь по 15 рубл. жалованья.

гость надзора во дворцѣ заставили торопиться*). 5 февраля 1880 г. представился удобный случай. Халтуринъ поставилъ сундукъ съ динамитомъ въ уголъ капитальной стѣны, приладилъ, какъ слѣдуетъ, трубку съ спеціально приготовленнымъ фитилемъ, и у него еще осталось время выбраться на Дворцовую площадь. Вскорѣ затѣмъ раздался безпримѣрный взрывъ; освѣщеніе во дворцѣ погасло, черная Адмиралтейская площадь стала какъ будто еще темнѣе; 10 человѣкъ изъ стражи были убиты и 53 ранено; царь же вслѣдствіе счастливой случайности (запозданіе ожидавшагося высокаго гостя) вышелъ къ столу позже обыкновеннаго и избѣжалъ смерти. Халтуринъ скрылся съ помощью Желябова, но никогда не могъ ему простить того, что онъ называлъ его «ошибкой», т. е., что онъ помѣшалъ ему собрать большее количество динамита въ своемъ сундукѣ. Халтуринъ продолжалъ принимать участіе въ террористическихъ актахъ. Въ время убійства Стрѣльникова онъ ожидалъ убійцу съ запряженой лошадью и поспѣшилъ ему на помощь, когда тотъ былъ схваченъ толпой. Только послѣ того, какъ онъ былъ повѣшенъ, 22-го марта 1882 г., въ немъ узнали столяра изъ Зимняго дворца. Исполнительный Комитетъ, въ своей прокламаціи, высказалъ сожалѣніе по поводу гибели несчастныхъ солдатъ, но заявилъ, что будетъ продолжать борьбу, пока дѣло общественныхъ реформъ не будетъ передано въ руки свободно избраннаго и снабженнаго наказами отъ избирателей учредительнаго собранія. Свою цѣль — убійство царя — неумолимый комитетъ попрежнему оставлялъ за собой. Царь, сознавая слабость своей системы управленія, вручилъ графу Лорисъ-Меликову диктаторскую власть; но либеральныя перспективы, возвѣщенныя послѣднимъ, не привлекли террористовъ; они называли его управленіе лицемѣрнымъ либерализмомъ снаружи и скрытой жестокостью внутри; его назначеніе подало даже скоро поводъ къ покушенію Млодецкаго, 20 февр., которое однако послѣдовало не по распоряженію Исполнительнаго Комитета и даже рѣзко осуждалось имъ.

Между тѣмъ организація террористической партіи сильно подвигалась впередъ**). Въ началѣ 1880 г. Исполнительный Комитетъ разослалъ отдѣльнымъ группамъ, примкнувшимъ къ Народной Волѣ, замѣтку о «Подготовительной работѣ партіи». Она объясняла названіе, принятое партіей: народная воля должна быть источникомъ законодательства; а такъ какъ правительство едва-ли согласится на это мирнымъ пу-

---

*) Календарь Народной Воли, стр. 47.

**) Объ этомъ: Календарь Народной Воли, 1883, стр. 130—134 и стр. 112. Наиболѣе важныя данныя редакція календаря помѣстила въ своихъ примѣчаніяхъ.

темъ, то надо его къ этому принудить возстаніемъ и для этого сорганизовать всѣ силы. Когда были получены отвѣты на эту записку отъ мѣстныхъ группъ, то она была окончательно средактирована и разослана группамъ, въ архивахъ которыхъ сохранялась, чтобы служить руководствомъ. Ея опредѣленія не были обязательными, такъ какъ обязательныя формы могли предписываться только партійнымъ конгрессомъ, котораго Исполнительный Комитетъ никогда не могъ собрать. Но отдѣльныя группы на основаніи этой записки составляли свои уставы.

Во главѣ всей организаціи стоялъ Исполнительный Комитетъ. Онъ пополнялся по собственному выбору изъ среды своихъ агентовъ или членовъ мѣстныхъ группъ. Это впрочемъ было общее правило. «Всякая группа высшаго порядка пополняется по собственному выбору на счетъ группъ низшаго порядка», — чтобы такимъ образомъ лучше сохранить тайну. Члены Исполнительнаго Комитета были агентами высшей степени и въ то же время главными руководителями всѣхъ предпріятій. Эта форма организаціи, согласно замѣткамъ, которыя были найдены лѣтомъ 1882 г. у Грачевскаго*), вела за собой то неудобство, что въ случаѣ ареста членовъ Исполнительнаго Комитета вся его дѣятельность прерывалась, какъ это и случалось неоднократно. Проходило обыкновенно нѣкоторое время, прежде чѣмъ разсѣянные остатки комитета собирались вновь. Грачевскій требовалъ поэтому обособленія руководителей партіи отъ активныхъ членовъ, которыхъ не было даже надобности посвящать во всѣ тайны. Во главѣ долженъ былъ стоять надежный человѣкъ не моложе 30 лѣтъ, такъ какъ болѣе молодой возрастъ не обезпечиваетъ необходимой энергіи и самообладанія.

Дѣятельность въ отдѣльныхъ областяхъ Исполнительный Комитетъ предоставлялъ мѣстнымъ группамъ; уже изъ статутовъ 1880 года видно, что этотъ комитетъ бралъ на себя только то, что служило для поддержки единства организаціи и что относилось къ вооруженной борьбѣ съ правительствомъ. Въ террористической дѣятельности отдѣльныя группы были безусловно подчинены комитету, который кромѣ того слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ программы, заботился о партійной литературѣ, регулировалъ отношенія группъ другъ къ другу и т. д. Въ остальномъ отдѣльныя группы дѣйствовали самостоятельно въ своей сферѣ. Комитетъ и мѣстныя группы должны были помогать другъ другу денежными средствами и людьми. Исполнительному Комитету приходилось по большей части помогать группамъ при ихъ возникновеніи и въ случаѣ

---

*) Сообщено адвокатомъ Спасовичемъ въ его защитительной рѣчи въ процессѣ 17, въ апрѣлѣ 1883.

массовыхъ арестовъ въ нихъ. За это онъ имѣлъ право требовать поддержки, при чемъ по уставамъ размѣры этой поддержки опредѣлялись извѣстнымъ процентомъ активнаго личнаго состава и доходовъ.

Группы были либо мѣстныя, либо спеціальныя. Первыя ограничивались въ своей дѣятельности географическою или этнографической областью и имѣли собственные, утвержденные Исполнительнымъ Комитетомъ, уставы. Ихъ дѣятельность, въ общихъ чертахъ, была у всѣхъ одинакова и отличалась лишь подробностями, зависѣвшими отъ мѣстныхъ условій. Эти мѣстныя группы должны были подготовлять возстаніе, вліять на общественное мнѣніе и на выборы въ учредительное собраніе, формулировать желанія крестьянства и т. п. Ихъ члены должны были стараться занять извѣстное положеніе въ администраціи и въ войскѣ, привлекать къ себѣ наиболѣе способныхъ изъ крестьянъ, не пытаясь, однако, организовывать крестьянскую массу, потому что надежда на успѣхъ этой задачи была уже утеряна; затѣмъ они должны были завязывать сношенія съ либералами и конституціоналистами, запасаться денежными средствами и основательно знакомиться со всѣмъ положеніемъ своей области, чтобы въ день революціи сдѣлать все возможное для привлеченія ея на сторону партіи Народной Воли. Въ 1880 г., подъ руководствомъ Исполнительнаго Комитета дѣйствовало не менѣе 12 мѣстныхъ группъ*).

Кромѣ того существовали еще спеціальныя группы для агитаціи въ войскѣ, среди студентовъ и рабочихъ, для устройства типографій и завѣдыванія литературой, для фабрикаціи минъ и бомбъ и т. под. Сношенія съ этими спеціальными группами поддерживались особыми агентами Исполнительнаго Комитета, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Квятковскій и Желябовъ, должны были руководить предпріятіями. Въ виду огромнаго значенія войска во время возстанія, военной пропагандѣ придавалось большое значеніе; но такъ какъ вести пропаганду среди солдатъ было очень трудно, то главное вниманіе обращалось на офицерство, которое своимъ авторитетомъ могло увлечь за собой солдатъ или же, какъ это было съ морскими офицерами, могло помочь движенію доставкой взрывчатыхъ веществъ и своими спеціальными знаніями. Подобнымъ же образомъ образовались группы среди учащейся молодежи. При каждой мѣстной группѣ возникали студенческія подгруппы; въ Петербургѣ существовалъ даже (въ 1880) Центральный Студенческій Союзъ, который принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ и выпускалъ прокламаціи. Услуги, которыя молодежь могла оказать революціонному дѣлу, были подробно перечислены

*) Календарь Н. В., стр. 113.

въ одной гектографированной инструкціи. Больше всего труда было положено на организацію городскихъ рабочихъ, потому что поведеніемъ ихъ и солдатъ былъ обусловленъ исходъ возстанія. Первая рабочая группа Народной Воли была основана въ Петербургѣ еще въ концѣ 1879 года; въ теченіе слѣдующаго года она разрослась вчетверо и уже насчитывала нѣсколько сотъ членовъ. Впослѣдствіи значеніе рабочихъ для революціоннаго движенія было развито въ «Программѣ рабочихъ партіи Народной Воли», которая была выработана центральнымъ рабочимъ кружкомъ по соглашенію съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Центральный рабочій кружокъ въ Петербургѣ былъ непосредственно связанъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ и имѣлъ нѣсколько подгруппъ, которыя развѣтвлялись въ массѣ рабочихъ. Душой рабочаго движенія въ Петербургѣ былъ Желябовъ, который вмѣстѣ съ Перовской привлекъ къ этому дѣлу бывшихъ студентовъ, какъ Гриневицкій, Рысаковъ и многіе другіе, и съ ихъ помощью организовалъ рабочихъ. Онъ образовалъ среди нихъ особыя группы для агитаціи среди рабочихъ, для убійства шпіоновъ и царя, для наблюденія за выѣздомъ послѣдняго и т. п. Онъ основалъ также «Рабочую газеру», первый № которой вышелъ 15 дек. 1880, а второй 27 янв. 1881. Популярно написанная передовая статья перваго номера объясняетъ, что у царя слишкомъ много власти и что онъ держитъ сторону только богатыхъ людей; въ другой статьѣ изображается рабочая жизнь со всей ея нуждой и страданіями. Подобные же рабочіе кружки возникали, какъ отдѣленія мѣстныхъ группъ, и въ другихъ городахъ, а именно въ южныхъ; два такихъ кружка нашли даже возможнымъ вести энергичную агитацію среди крестьянъ.

Наконецъ были и спеціальныя боевыя дружины, которыя во многомъ отличались отъ другихъ группъ. Каждая дружина, по уставу, должна была составлять небольшой кружокъ, приблизительно изъ 10 челов., подчиненный непосредственно и безусловно Исполнительному Комитету въ общемъ направленіи своей дѣятельности, но вполнѣ самостоятельный въ исполненіи даннаго порученія. Эти кружки должны были состоять изъ товарищей, которые могли-бы вполнѣ положиться одинъ на другого; поэтому они возникали и пополнялись самостоятельно; но Исполнительный Комитетъ могъ запретить извѣстнымъ личностямъ вступленіе въ эти группы. Свои внутреннія дѣла эти дружины рѣшали большинствомъ голосовъ; на боевое время они избирали изъ своей среды атамана, который облекался диктаторской властью. Членами могли быть только лица, которыя вполнѣ были готовы пожертвовать жизнью.

Такова была организація, которая выработалась въ теченіе 1880 г. Число членовъ всѣхъ группъ простиралось въ 1881 г.

свыше 500 челов.; кромѣ того, нѣсколько тысячъ человѣкъ принадлежали къ партіи или находились подъ сильнымъ ея вліяніемъ, не вступая въ нее формально*). Наступила зима 1880-81 г. Движеніе было, повидимому, оживленнѣе чѣмъ когда-либо. Покушеніе 1 марта 1881 г. исходило отъ Исполнительнаго Комитета и было предложено рабочему союзу; за $1^1/_2$ недѣли до назначеннаго срока Желябовъ вызвалъ добровольцевъ изъ различныхъ боевыхъ дружинъ; вызвалось 17 челов., изъ которыхъ онъ выбралъ нѣсколько лицъ. На конспиративной квартирѣ, которую держали Саблинъ и Гесся Гельфманъ, Кибальчичъ обучалъ употребленію снарядовъ, а за городомъ устроилъ пробное метаніе. Въ то же время Богдановичъ (Кобозевъ), бывшій студентъ, а за тѣмъ волостной писарь, подготовлялъ изъ сырной лавки взрывъ подъ Малой Садовой; Желябовымъ и его товарищемъ былъ минированъ Каменный мостъ. Такъ же, какъ и въ ноябрѣ 1879 г., была подготовлена тройная попытка. Съ утра 1-го марта 1881 года были уже на готовѣ 6 метальщиковъ бомбъ; Софья Перовская распоряжалась ими, подавая сигналъ платкомъ. Царь избѣжалъ перваго взрыва бомбы Рысакова, но онъ неосторожно вернулся на мѣсто взрыва; въ этотъ разъ Гриневицкій нацѣлился вѣрно, и царь скоро былъ мертвъ, такъ же какъ и самъ Гриневицкій.

За тѣмъ, съ одной стороны послѣдовали многочисленныя прокламаціи, которыя требовали невозможнаго отъ новаго царя, какъ, напр., полной и общей амнистіи политическихъ преступниковъ, созыва учредительнаго собранія при полной свободѣ прессы, слова, собраній и избирательныхъ программъ; съ другой стороны — рѣзкій отказъ на всякія требованія реформъ въ извѣстномъ манифестѣ Игнатьева**).

Этотъ первый министръ преслѣдовалъ съ безпощадной жестокостью революціонеровъ и пытался разрядить возбужденное общественное настроеніе травлею евреевъ и нѣмцевъ. Но террористы неизмѣнно преслѣдовали свою прежнюю цѣль — убійство царя. Сдѣлалось извѣстнымъ, что они дѣлали обширныя приготовленія къ ожидавшейся въ Москвѣ, въ маѣ 1882 и 1883 годовъ, коронаціи; а найденныя около царскихъ дворцовъ смертоносныя орудія показывали, что террористы не оставляли безъ вниманія и эти дворцы. Въ декабрѣ 1881 г. на товарища министра Черевина было произведено покушеніе, правда, безъ распоряженія Исполнительнаго Комитета, а 18 марта 1882 г. въ Одессѣ былъ застрѣленъ Желваковымъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ, который своими неумолимы-

---

*) Календарь, Н. В. стр. 113.—Процессъ 26 м. 1881 г.

**) Хроника происшествій до лѣта 1882 года находится въ „Russische Wandlungen" стр. 376 и слѣд.

ми и жестокими преслѣдованіями возбудилъ ненависть революціонеровъ*). Но съ января 1883 г. тайная полиція, повидимому, уже не считала положеніе очень опаснымъ, такъ какъ царь снова вернулся тогда въ Петербургъ и часто выѣзжалъ. Въ то же время коронація была окончательно назначена на май этого года.

Нѣкоторые очень важные революціонеры, арестованные весною 1882 г., судились въ Петербургѣ, въ особомъ присутствіи сената съ 28 марта по 3 апрѣля 1883 г.**)

Въ февралѣ 1883 г. также произошло много арестовъ. Они начались на Кавказѣ между офицерами мингрельскаго полка. 5 февраля въ одной изъ петербургскихъ бань нѣкій студентъ покушался на самоубійство; какъ на причину его онъ указалъ, что хотѣлъ избѣжать наказанія Исполнительнаго Комитета, такъ какъ у него не хватило смѣлости, согласно уговору, убить царя при посѣщеніи имъ учебнаго заведенія. Въ тотъ же день застрѣлился управляющій бань, бывшій раньше управляющимъ того дома на Малой Садовой, откуда Богдановичъ велъ свою мину. Этотъ случай повелъ къ открытію конспиративной квартиры и къ аресту нѣсколькихъ лицъ. Въ тотъ же богатый событіями день случился загадочный пожаръ въ подвалѣ, подъ актовой залой въ университетѣ. Вскорѣ тайная полиція донесла на двухъ террористовъ, которые были арестованы въ Вирбалленѣ. У нихъ нашли компрометирующія вещи и шифрованныя письма, ключъ къ которымъ былъ найденъ у арестованной въ Харьковѣ Филипповой и въ которыхъ шла рѣчь о покушеніи на царя во время коронаціи. Это повело къ многочисленнымъ арестамъ. Затѣмъ въ Петербургѣ была открыта мастерская, въ которой фабриковались шляпы съ вложенными въ нихъ бомбами. Наконецъ полиція выслѣдила конспиративную квартиру, восемь обитателей которой оказали вооруженное сопротивленіе и въ которой было до 4 пудовъ динамита. Въ апрѣлѣ прошелъ слухъ объ открытіи военнаго заговора и арестѣ нѣкоторыхъ офицеровъ въ Смоленскѣ, гдѣ ими было оказано вооруженное сопротивленіе. («Ощбсе Дѣло» № 53).

Всего отъ 1878 по 1882 г. г. произошло 6 покушеній на высокопоставленныхъ чиновниковъ — Трепова, Котляревскаго, Гейкина, Крапоткина, Стрѣльникова и сибирскаго губернатора Ильяшевича (сентябрь 1882 г.), четыре покушенія на начальниковъ государственной полиціи: Мезенцева, Дрентельна, Лорисъ-Меликова и Черевина и четыре покушенія на царя

*) Подробный отчетъ см. въ сборникѣ «На Родинѣ» № 3 стр. 51.

**) Правительственное сообщеніе объ этомъ процессѣ напечатано въ Правительствен. Вѣстникѣ отъ 8 октября 1883 г.

Александра II. Кромѣ того было убито 9 шпіоновъ и предателей и 2 ранено. Затѣмъ 24 раза оказано вооруженное сопротивленіе, именно: въ 1875 — 2, въ 1878 — 7, въ 1879 — 9, въ 1880-82 по 2 раза. Казнено въ 1878 — 1, 1879 — 16, 1880 — 5, въ 1881 — 5, 1882 — 4, всего съ 1878 по 1882 г. — 31 революціонеръ.

Въ эти же годы при различныхъ событіяхъ (демонстраціяхъ, попыткахъ побѣговъ, вооруженныхъ сопротивленіяхъ) было убито 8 революціонеровъ, а 3 сами лишили себя жизни, чтобы не попасть въ руки полиціи.*)

Глава восьмая.

ПАРТІЯ ЧЕРНАГО ПЕРЕДѢЛА.

Противъ новаго направленія, этихъ «новаторовъ» — конституціоналистовъ и террористовъ, противъ давно покинутыхъ взглядовъ «якобинцевъ», въ органѣ противоположной партіи, въ органѣ «сонныхъ деревеньщиковъ», въ «Черномъ Передѣлѣ» велась оживленная полемика. Вообще нужно признать, что первый номеръ этой газеты написанъ прекрасно, такъ какъ въ лицѣ Стефановича, Плеханова (редактора), Аксельрода и еще нѣсколькихъ выдающихся лицъ, эта партія обладала умными людьми и талантливыми писателями. Особенно характерно въ этомъ номерѣ «Письмо къ бывшимъ товарищамъ», помѣченное 8 декабря 1879 года. Поскольку одна партія выдвигала тогда на первый планъ политику, терроръ и централизацію, постольку противоположная, изъ понятной реакціи, подчеркивала соціалистическія цѣли и федералистическій принципъ; но съ теченіемъ времени оба эти противника, значительно сблизились между собой не столько вслѣдствіе теоретическихъ соображеній, сколько подъ вліяніемъ жизненныхъ фактовъ.

Чисто политическіе революціонеры—такъ упрекали чернопередѣльцы своихъ противниковъ,—всегда думали, что достаточно политической свободы, чтобы построить идеальное государство. Они исходили изъ идеальныхъ принциповъ вродѣ правъ народа и человѣка, игнорируя при этомъ экономическія отношенія; они хотѣли сдѣлать все для народа, но не черезъ народъ. Якобинцы во имя правъ человѣка и обществен-

---

*) Календарь Народной Воли за 1883 г. стр. 176 и сл.

ной безопасности примѣняли терроръ и насиліе; но въ сущности системы Людовика XIV, Робеспьера и Наполеона I одинаковы: централизація, авторитетъ и инипіатива съ одной стороны, подчиненіе и молчаніе массъ съ другой. Если партія Народной Воли возведетъ это въ принципъ, то она сдѣлается партіей застоя и потеряетъ поддержку массъ. Въ Западной Европѣ эта истина признана съ 1848 года; тамошніе вожаки рабочихъ оставляютъ въ сторонѣ политическіе вопросы и требуютъ реорганизаціи экономическихъ и соціальныхъ отношеній съ помощью самого народа.

Чернопередѣльцы вовсе не относились враждебно къ политической свободѣ и конституціи; напротивъ того, они считали стремленіе къ ней результатомъ прогрессивнаго развитія; но они выдвигали на первый планъ соціально-экономическіе вопросы; безъ экономической революціи всякая политическая дѣятельность является сизифовой работой; экономическія отношенія въ послѣдней инстанціи опредѣляютъ политическое, правовое и нравственное состояніе. Цѣлями партіи они по прежнему признавали цѣли анархическаго соціализма. Аграрная революція являлась въ ихъ глазахъ лишь минимумомъ въ сравненіе со всѣмъ переворотомъ; но она могла служить подготовительнымъ шагомъ. Но даже и здѣсь необходимо было прежде всего считаться съ предубѣжденіями массы. Необходимо было исходить изъ требованій самого народа, каковы: увеличеніе земельныхъ надѣловъ, уменьшеніе податного бремени, организація земельнаго кредита, расширеніе крестьянскаго самоуправленія, защита отъ административнаго произвола—и затѣмъ постепенно расширять ихъ. Но эти требованія ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало разсматривать какъ цѣли; они могли служить лишь какъ предлогъ для агитаціи. Ибо, если бы такія палліативныя мѣры были осуществлены, то они послужили бы только для укрѣпленія существующей ненавистной системы. Вообще, чернопередѣльцы отличались отъ старыхъ народниковъ тѣмъ, что они не считали народныхъ идеаловъ святыми и неприкосновенными an und für sich, но признавали ихъ лишь постольку, поскольку они способны были сдѣлаться переходными ступенями для соціализма. «Бунтари» были «широкія русскія натуры», которые при соприкосновеніи съ народомъ bona fide сдѣлали его надежды и желанія своими, не отнесшись къ нимъ достаточно критически, съ точки зрѣнія соціалистической теоріи. Задачей образованныхъ людей сдѣлалось теперь внесеніе въ среду бунтарей соціалистическаго сознанія. Общинное владѣніе желательно не само по себѣ, а лишь постольку, поскольку оно ведетъ къ общинному производству. За крестьянами не слѣдовало забывать и фабричныхъ рабочихъ, для дѣятельности среди которыхъ исходными точками могли служить

стачки и столкновенія по поводу заработной платы. Лозунгомъ должно было быть: крестьянинъ, бери землю; рабочій, бери фабрику. Соотвѣтственно этому было выбрано и заглавіе газеты «Черный Передѣлъ». Этотъ слухъ упорно держится среди народа, и вѣру въ него не могъ поколебать даже циркуляръ министра Макова въ 1879 г. Уничтоженію крѣпостного права,—говорили крестьяне,— задолго предшествовали слухи; тогда, какъ и теперь, помѣщики и чиновники хотѣли ихъ подавить; слухи о черномъ передѣлѣ означаютъ, что въ концѣ концовъ вся земля, въ томъ числѣ и помѣщичья, будетъ подѣлена между крестьянами.

Но чтобы добиться одновременно экономической и соціальной революціи и обезпечить такимъ образомъ народу результаты борьбы, необходимо организовать народъ. Ибо на кого хотятъ оперѣться народовольцы въ случаѣ революціи? На военныхъ, эту единственно организованную силу? Но ихъ невозможно привлечь на нашу сторону! На буржуазію и интеллигенцію? У нихъ нѣтъ собственной силы, и они слишкомъ тѣсно связаны съ правительствомъ; они слишкомъ неопытны и боязливы, они не слились еще въ одинъ классъ съ яснымъ сознаніемъ своихъ интересовъ и своей силы! Такимъ образомъ, единственною опорою остается революціонная молодежь и отдѣльныя личности различныхъ сословій и положеній; они составляютъ теперь главный контингентъ революціонной партіи. Но не значитъ ли переоцѣнивать самихъ себя, полагая что этихъ силъ достаточно? Но, возражаютъ террористы, эта кучка страшна, благодаря тѣмъ средствамъ, которыя она примѣняетъ! Ну хорошо, отвѣчаютъ чернопередѣльцы: предположимъ даже, что испуганное правительство дастъ конституцію—что же тогда случится? Буржуазія получитъ свое представительство, и ея развитіе будетъ ускорено таможенной политикой, внутренными займами, субсидіями желѣзнодорожнымъ и промышленнымъ обществамъ. Ея политика будетъ направлена въ то же время противъ общиннаго землевладѣнія, которое мѣшаетъ скупкѣ земли. Характерно въ этомъ смыслѣ, заявленіе московской биржи министру финансовъ Грейгу о томъ, чтобы всѣ финансовыя мѣры правительства предпринимались съ ея вѣдома и сообразно съ ея интересами. Современная буржуазія найдетъ своихъ писателей, которые съумѣютъ облечь ея требованія въ законную форму. «Труды» различныхъ коммиссій и обществъ показываютъ, что тенденціи буржуазіи уже вполнѣ сложились, и она готова выступить на политическую арену. Конституція будетъ дана капиталистамъ, ростовщикамъ, ученымъ, адвокатамъ и литераторамъ. Нельзя разсчитывать на выборную агитацію; правда, не будетъ недостатка въ возбужденныхъ толкахъ среди народа и, даже, можетъ быть, въ безпорядкахъ, но

ничего положительнаго изъ этого не выйдетъ. Выборы будутъ носить такой же характеръ, какъ и теперь въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ. Въ городахъ будетъ выбранъ вліятельный купецъ, въ деревнѣ богатый, уважаемый крестьянинъ или даже помѣщикъ, потому что народъ зависитъ отъ него экономически. Будутъ пущены въ ходъ подкупъ, интриги, и систематическое запугиваніе; будутъ, конечно, выбраны и честные люди, и даже рядовые крестьяне, но вслѣдствіе многократнаго фильтрированія при двойныхъ и тройныхъ выборахъ, лишь въ очень ограниченномъ числѣ. Къ такому народному представительству и къ такой конституціи народъ не будетъ особенно стремиться.

Между тѣмъ въ теченіе 1880-81 г. чернопередѣльцамъ дѣлалось все яснѣе, что вести систематическую агитацію было невозможно, потому что для этого недоставало необходимой предпосылки—политической свободы. Озлобленіе росло вслѣдствіе продолжавшихся арестовъ и казней. Затѣмъ послѣдовало удачное покушеніе 1 марта 1881 г., и руководство перешло, вслѣдствіе арестовъ или бѣгства главарей, въ другія руки. Словомъ, цѣлый рядъ обстоятельствъ повліяли тогда на выработку того признанія, которое мы находимъ въ четвертомъ номерѣ «Чернаго Передѣла», отъ 19 сентября 1881 г., а именно—что политическая свобода и правовая обезпеченность вліяютъ благотворно и въ экономическомъ отношеніи. Преслѣдованія соціалистовъ не были бы такъ жестоки; сдѣлалась бы возможной партійная организація и выставленіе собственныхъ кандидатовъ. Отношеніе парламента къ соціалистическимъ требованіямъ послужило бы тогда иллюстраціей къ тому утвержденію, что народу нечего было-бы ждать отъ мирныхъ реформъ, а пришлось бы возложить всю свою надежду на революцію. Въ агитаціонномъ смыслѣ, тогда легко было-бы воспользоваться неизбѣжно происходящимъ броженіемъ, вслѣдствіе партійныхъ собраній и выборной агитаціи. Правда, авторъ статьи прибавляетъ: «Быть можетъ нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ друзей обзовутъ насъ постепеновцами, но это будетъ вполнѣ невѣрно. Признать нѣкоторую долю пользы за конституціоннымъ порядкомъ, и выставлять его, какъ ближайшую цѣль партіи,—двѣ вещи совершенно различныя».

Для того, чтобы обезпечить народу тѣ экономическія выгоды, которыя онъ извлечетъ изъ политическаго переворота, необходимо было, по мнѣнію этой партіи (въ № 1 газеты),—не ограничиваться только интеллигентною молодежью, но обратиться къ самому народу. Его необходимо организовать въ мирное время, и имъ нужно руководить во время революціи. Если и не весь народъ будетъ захваченъ агитаціей, то необходимо по крайней мѣрѣ образовать замкнутое, хорошо организованное меньшинство, боевую народную партію, кото-

рая въ рѣшительный моментъ пошла бы впереди и поддержала бы движеніе городовъ. Организаторскіе таланты вырабатываются на практикѣ, сами собой, и всегда найдутся въ народѣ, среди котораго народные агитаторы могутъ дѣйствовать съ большей ловкостью и незамѣтно для полиціи. Эти хорошія стороны русскаго народа обыкновенно игнорируются скептиками. При подобной тайной агитаціи нечего бояться и полиціи,—вѣдь терроризмъ развивался же успѣшно не смотря на это. Революція уже близка и должна быть надлежаще подготовлена. Въ ея приближеніи можно различать три ступени. Сначала паталогическія явленія слабо развиты; въ народѣ царствуетъ мирное настроеніе и преобладаетъ желаніе прекратить недоразумѣнія мирнымъ путемъ. Это — періодъ пассивныхъ протестовъ и посылки петицій. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ активныхъ протестовъ; онъ начинается тогда, когда потеряна вѣра въ легальный путь, и обнаруживается увеличеніемъ преступленій противъ собственности, различными аграрными преступленіями и спорадическими возстаніями. Этотъ періодъ обычно богатъ различными слухами, которые распространяются въ народѣ. Наконецъ, когда всѣ экономическія, соціальныя и политическія противоположности развиваются до крайней интенсивности, мелкія изолированныя теченія, подъ вліяніемъ одного случайнаго тяжелаго событія, почти внезапно сливаются въ одинъ все уничтожающій революціонный потокъ,—и тогда начинается переворотъ. Россія переживаетъ вторую стадію; положеніе ея крестьянъ сходно съ положеніемъ крестьянства во Франціи въ концѣ 18-го столѣтія; необходимо организовать народъ, иначе политическая революція пронесется надъ страною, какъ гроза, не принеся народу экономической пользы.

Пользу террора чернопередѣльцы и не думаютъ отрицать вполнѣ. Какъ искры для революціоннаго движенія, крупные террористическіе акты могутъ быть очень цѣлесообразны. Неожиданный смѣлый ударъ сверху, рядъ систематическихъ нападеній снизу разрушаютъ старый политическій и экономическій строй, и на его развалинахъ возникаетъ новый порядокъ. Впослѣдствіи (въ №1) въ число заслугъ террора ставилось и то, что благодаря ему, въ народѣ пробуждалась вѣра въ собственныя силы. Открытая борьба съ самодержавіемъ дастъ народу поводъ начать и съ своей стороны активную борьбу. Уничтожается идея царскаго авторитета и въ народѣ возвышается довѣріе къ самому себѣ. Но такъ какъ прежде всего необходимо организовать народную боевую партію, то главныя силы революціонеровъ не должны концентрироваться на борьбѣ съ правительствомъ. *)

---

*) № 3 стр. 10 По поводу покушенія 1 марта 1881 г.

Такимъ образомъ крупные успѣхи терроризма не остались безъ вліянія на противную партію. Она убѣдилась въ пользѣ террористическихъ фактовъ и въ концѣ концовъ связала терроръ органически со своими цѣлями. Втеченіе 1881 г. партія чернопередѣльцевъ пришла къ тому, что рекомендовала систематическій аграрный и фабричный терроръ.*) Охранительные пикеты должны быть выставлены самимъ народомъ, и партизанская война противъ народнаго врага должна быть организована при помощи энергичныхъ и рѣшительныхъ представителей народа. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы надо было убивать каждаго фабриканта и помѣщика, ибо народъ, въ своемъ цѣломъ, въ высшей степени нравственenъ: для того, чтобъ онъ отнесся сочувственно къ убійству, необходимо, чтобы оно имѣло за собой весьма основательныя причины. Конечно, невозможно установить въ точности, какова именно должна быть степень виновности, но только не слѣдуетъ при этомъ довѣрять своему личному сужденію, потому что оно иногда можетъ быть пристрастнымъ; необходимо передъ совершеніемъ факта прислушаться къ народному голосу. Онъ лучшій указатель того, нужно ли въ данномъ случаѣ убійство или же болѣе мягкая форма террора. Если данная форма террора находитъ сочувствіе въ народѣ, и онъ видитъ, что его врагъ падаетъ отъ руки таинственнаго исполнителя народнаго приговора, то пульсъ его забьется скорѣе, и въ немъ пробудятся самосознаніе и чувство собственнаго достоинства. Въ то же время, при такой формѣ борьбы, открывается широкій просторъ для личной инициативы. Въ видѣ примѣра, въ газетѣ указывается на многочисленныя аграрныя боевыя дружины въ Ирландіи. Сравнительно съ терроромъ, другія формы борьбы, какъ напр. стачка, бунты и проч., признаются «какъ-бы выжидательными»; они не зависятъ отъ одного желанія партіи и могутъ произойти лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Если они и не лишены значенія, то въ настоящее время доминирующую роль въ ряду другихъ пріемовъ боевой дѣятельности долженъ играть аграрный и фабричный терроръ. Народъ уже практикуетъ ихъ самостоятельно; но дѣло въ томъ, что, при отсутствіи организаціи, они теряютъ значительную часть своей пользы.

Такимъ образомъ, послѣ удачнаго цареубійства 1-го марта 1881 г. совершилось довольно значительное сближеніе между обѣими фракціями, какъ въ отношеніи цѣли, такъ и въ отношеніи средствъ. Прямыхъ противоположностей въ сущности уже нѣтъ; одни подчеркиваютъ болѣе одинъ моментъ, другіе — другой. Чернопередѣльцы уже не относятся съ презрѣні-

*) «Черный Передѣлъ» № 4. — Борисовъ. — Аксельродъ въ «Вольномъ Словѣ» № 19.

емъ къ политической свободѣ и конституціи; для обезпеченія экономическихъ выгодъ революціи они подчеркиваютъ только необходимость организаціи народа, и главнымъ образомъ крестьянъ; для этой цѣли, въ теченіи 1881 г., они издавали рабочій листокъ «Зерно» (6 №№). Народовольцы, съ своей стороны, отказались отъ прежнихъ надеждъ на либераловъ и уже не разсчитываютъ на нихъ болѣе; вслѣдствіе этого они снова обращаются къ народу и, какъ партія большихъ городовъ, преимущественно къ городскому пролетаріату; я уже указалъ, что Желябовъ и другіе террористы организовали рабочіе союзы и издавали «Рабочую Газету» (6 №№). Теперь обѣ партіи рѣшили практиковать терроръ: одна главнымъ образомъ для того, чтобы пріобрѣсти политическія права; другая — чтобы привлечь къ себѣ народъ, поднять его вѣру въ себя, а затѣмъ создать боевыя организаціи въ народѣ. Третій пунктъ разногласія касался формы организацій. Большинству прежнихъ федералистовъ не нравилось подчиненіе всемогущему исполнительному комитету, намѣренія котораго были скрыты отъ нихъ; они еще не забыли мистификацій Нечаева. Децентрализація ужъ потому была возможнѣе у чернопередѣльцевъ, что они большею частью работали изолированно по деревнямъ и посвящали себя организаціонной дѣятельности, всегда во многомъ зависящей отъ личныхъ свойствъ агитатора. Съ принципомъ организаціи были тѣсно связаны и федералистическія тенденціи этой партіи. Ихъ газета называетъ себя органомъ соціалистическихъ федералистовъ и объясняетъ, что только полное устраненіе принужденія можетъ гарантировать нормальное развитіе; каждая мѣстность имѣетъ свои этнографическія особенности и требуетъ автономнаго развитія, хотя трудно было сказать заранѣе, въ какой мѣрѣ можно было-бы осуществить федералистическій принципъ.

Тѣмъ не менѣе, одинъ изъ лучшихъ организаторовъ этой партіи, Яковъ Стефановичъ, уже въ 1880 г. *) приходитъ къ требованію болѣе централизованной агитаціи; размѣры этой централизаціи должны быть измѣняемы сообразно съ временемъ и мѣстомъ: онъ не хочетъ таинственнаго комитета, а также тактики, которую практиковалъ Нечаевъ; но онъ считаетъ необходимымъ созданіе центральнаго пункта, который долженъ быть установленъ по соглашенію всѣхъ активныхъ силъ. Онъ жалуется на непривычку и антипатію къ дисциплинированной работѣ; онъ самымъ строгимъ образомъ осуждаетъ крайній разбродъ мысли. Каждый отдѣльный кружокъ не ограничивается опредѣленными практическими задачами, какъ террористическая партія, которая сосредоточила всѣ свои силы на одной цѣли — убійствѣ царя; наоборотъ каждый

*) «Злоба дня» стр. 8.

кружокъ строитъ разные сложные планы. Такъ, напримѣръ, южная народная партія ставила себѣ слѣдующія задачи: 1) экономическій и политическій терроръ, 2) агитацію, 3) пропаганду среди выдающихся личностей всѣхъ общественныхъ слоевъ, 4) связь съ родственными группами, 5) завязываніе связей въ войскѣ и администраціи. Также пестры были цѣли и средства народной партіи, программу которой обнародовало 3 ноября 1881 г. «Вольное Слово».*) Естественнымъ результатомъ этой дезорганизованности партіи было то, что въ программахъ заключались въ сущности одни благія пожеланія, а не цѣли, къ которымъ тѣмъ или инымъ способомъ настойчиво стремятся. Поэтому, говоритъ Стефановичъ, революціонное движеніе въ Россіи, при всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, отстаетъ отъ дѣятельности всѣхъ остальныхъ соціально-революціонныхъ партій Европы въ отношеніи прочности, глубины корней и связи съ народомъ. Въ Россіи эта связь только платоническая. Если пропаганда и агитація еще сдѣлали что-нибудь въ городахъ, то среди крестьянъ не сдѣлано ровно ничего.

Если даже признать, что Як. Стефановичъ, лучшій организаторъ этого направленія, высказывался слишкомъ пессимистически, то все-таки надо думать, что въ существенномъ онъ былъ правъ. На практикѣ народовольцы ближе подошли къ своей цѣли, чѣмъ противоположная имъ партія. О дѣятельности чернопередѣльцевъ въ сущности не имѣется никакихъ свѣдѣній. 28 января 1880 г. была арестована ихъ тайная типографія. Нѣкій Жарковъ, работавшій раньше въ этой типографіи, былъ схваченъ въ Москвѣ, при чемъ ему угрожали смертью. Тогда онъ выдалъ своихъ товарищей и былъ выпущенъ, но вскорѣ убитъ на Невкѣ. Вслѣдствіе его выдачи было арестовано много опытныхъ вожаковъ и, чтобы замѣнить ихъ, дожны были выступить на сцену менѣе видныя лица, имѣвшія даже мало отношенія къ революціи. Этимъ объясняется между прочимъ и то, что въ послѣдующихъ №№ газеты, а именно въ № 4, отъ 19 сентября 1881 г., проявилось еще болѣе тяготѣнія къ принципамъ народовольцевъ, чѣмъ это было раньше. Вообще, партія народовольцевъ, благодаря сво-

*) Какъ незначительны были эти децентрализованные кружки видно изъ сообщенія «Чернаго Передѣла» (№ 1) отъ 15 декабря 1879 г. Въ Кіевѣ было тогда 3 кружка этого направленія, тѣсно между собой связанныхъ, въ 36 человѣкъ, при чемъ часть ихъ они разослали въ сосѣднія фабричныя мѣстечки для пропаганды и организаціи. Въ другомъ мѣстѣ сорганизовались 5 человѣкъ съ собственнымъ уставомъ. Они жалуются только на недостатокъ денежныхъ средствъ — въ кассѣ было всего около 30 руб.

ему главному успѣху 1 марта 1881 г., стянула къ себѣ всѣ энергичныя силы революціи. Люди, подобные Перовской, желавшіе достигнуть чего нибудь положительнаго, находили здѣсь приложеніе своимъ силамъ, тогда какъ работа чернопередѣльцевъ оставалась безплодной. Затѣмъ, благодаря преслѣдованіямъ правительства, оба направленія сближаются между собой; болѣе крѣпкая организація народовольцевъ поглощаетъ различныя группы Чернаго Передѣла; чернопередѣльцы чувствуютъ себя одинокими и слабыми и находятся въ періодѣ разложенія. Въ 1881-82 г. наиболѣе вліятельные члены Чернаго Передѣла, какъ напр. Стефановичъ, вернувшійся въ Россію въ сентябрѣ 1881 г., а въ февралѣ 1882 г. вновь арестованный, присоединяются къ партіи Народной Воли, такъ же какъ и нѣкоторые изъ пропагандистовъ, стоявшихъ до сихъ поръ отдѣльно, но относившихся съ отвращеніемъ къ системѣ выжиданія. Только послѣдовательные приверженцы анархизма не подчинялись еще авторитету Исполнительнаго Комитета.*)

Когда чернопередѣльцы характеризовали вторую подготовительную стадію революціи спорадическими безпорядками и слухами, то недостатка въ нихъ дѣйствительно не было, особенно въ смутные 1880-81 годы. Но что касается безпорядковъ, то они носили мѣстный характеръ, имѣли очень конкретныя причины и не допускали утилизированія ихъ въ соціалистическомъ смыслѣ. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, крестьяне были возмущены тѣмъ, что помѣщикъ отнималъ у нихъ бывшія до тѣхъ поръ въ ихъ пользованіи пастбища, въ другомъ мѣстѣ были недовольны новымъ размежеваніемъ. Народный бунтъ въ Ростовѣ на Дону, 2 апрѣля 1880 г., былъ вызванъ тѣмъ, что полицейскій потащилъ въ часть пьянаго за волосы. Толпа кинулась на него и избила; затѣмъ разрушила часть, квартиру полиціймейстера и двинулась къ тюрьмѣ. По дорогѣ какой то нѣкоторговецъ-еврей, озабоченный судьбой своей винокурни, выкатилъ имъ боченокъ водки и они такъ перепились, что уже не были способны къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Напрасно нѣкоторые соціалисты выбивались изъ силъ, провозглашая призывы къ свободѣ: бунтъ былъ чисто стихійный и не принялъ политическаго характера. Но нельзя впрочемъ отрицать, что оппозиціонный духъ народа укрѣпляется повтореніемъ такихъ возстаній.

---

*) Въ статьѣ Аксельрода «Развитіе соц.-рев. движенія», онъ, говоря о возникшемъ вслѣдъ за арестомъ типографіи Чернаго Передѣла «Сѣверно-русскомъ обществѣ Земля и Воля», нѣсколько преувеличиваетъ значеніе своей партіи. «Земля и Воля» называется тамъ партіей, а «Черный Передѣлъ» — ея организаціей. — Срв. Лавровъ въ Календарѣ стр. 115 и слѣд.

Напротивъ того, ходившіе въ то время въ народѣ слухи отчасти были прямо занесены агитаціей, отчасти же находили въ ней выраженіе присущихъ ему надеждъ и желаній. Всякій, кто понимаетъ духовную жизнь народа, охотно и пространно философствующаго, въ долгіе зимніе вечера или у кабака въ праздничные дни, о своемъ настоящемъ и будущемъ и съ наивностью вѣрящаго тѣмъ слухамъ, которые соотвѣтствуютъ его интересамъ и желаніямъ, особенно если они напечатаны, навѣрное не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь двѣ относящіяся сюда корреспонденціи изъ революціонныхъ газетъ.

Слухи о «Черномъ Передѣлѣ» (въ Великороссіи) и о «слушномъ часѣ» (въ Малороссіи), согласно которымъ вся земля, даже и помѣщичья, будетъ подѣлена между крестьянами, а количество податей будетъ уменьшено, были очень распространены почти по всей Россіи и съ удивительнымъ постоянствомъ поддерживались съ 1878 г. Это — безсознательно соціалистическія пожеланія земледѣльческаго народа. Эти слухи часто носятъ характеръ легендъ.*) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ видѣли, будто разъѣзжалъ царь и приказывалъ раздѣлить землю. Въ одной мѣстности Сибири разсказываютъ слѣдующую исторію. Царь надѣваетъ на себя мундиръ и всѣ ордена императора Павла и является въ сенатъ. «Господа сенаторы! имѣю-ли я право носить эти ордена?» «Нѣтъ, Ваше Величество, не имѣете, потому что Вы ихъ не заслужили!» Подобные же отвѣты онъ получилъ, явившись украшенный орденами Николая I, Александра I и II. Наконецъ, онъ надѣлъ свои собственные ордена; ихъ было очень мало. «Имѣю я право носить эти ордена?» — «Да, Ваше Величество, на это вы имѣете право; эти вы заслужили!» «Отъ кого же у васъ г.г. сенаторы, ваши земли?» спросилъ ихъ тогда царь. Изъ отвѣтовъ стало видно, что одинъ получилъ ихъ отъ своего дѣдушки, другой — въ приданное за своей женой и т. п. «Имѣете ли вы право владѣть этими землями?» — спросилъ царь. Тогда «сенаторы и синодоры» смутились и подписали бумагу, по которой всю землю надо было раздѣлить, по семи десятинъ на душу, между царемъ, помѣщиками и крестьянами. — Въ каждомъ размежеваніи земли, въ каждой статистической работѣ крестьяне видѣли предвѣстника Чернаго Передѣла и исполненія своихъ пожеланій. Въ Воронежской губ. говорили, что земля будетъ подѣлена равными участками, приблизительно по 8 десятинъ на голову, между помѣщиками и крестьянами; только еще не знали того, будетъ ли земля отдана въ общинное владѣніе или сдана въ аренду отдѣльнымъ лицамъ, и не будутъ ли выкупные платежи слишкомъ высоки. Наибо-

*) «Вольное Слово» № 51.

лѣе умѣреннымъ былъ тотъ слухъ, согласно которому крестьянамъ будетъ возвращена только та земля, которая уже принадлежала имъ до отмѣны крѣпостного права, но затѣмъ была отдана помѣщикамъ, т. е. такъ называемые отрѣзки. Большинство крестьянъ вѣрило въ доброе желаніе царя; меньшинство же думало, что ради крестьянъ онъ не будетъ ссориться съ генералами и господами. Малороссы полагали, что царя убили дворяне; великороссы оказались скептичнѣе; изъ городовъ же шли слухи: это сдѣлали соціалисты; «можетъ быть для насъ», добавляли крестьяне. Въ Бобровскомъ уѣздѣ крестьяне думали, что это сдѣлали студенты, ихъ друзья. Въ другихъ мѣстахъ держались слухи, что крестьяне не должны были больше работать на помѣщиковъ и брать за обработку десятины меньше 40 руб.*)

Слухи о передѣлѣ земли подтверждались и распространялись революціонерами, но не были придуманы ими. Они являются результатомъ экономическихъ воззрѣній крестьянъ. Согласно этимъ воззрѣніямъ, земля создана Богомъ и принадлежитъ народу; царь же, какъ естественный представитель его интересовъ, имѣетъ право и даже обязанъ заботиться, чтобы весь народъ могъ пользоваться «божьей землей». Такъ же какъ раньше, послѣ каждой ревизіи, земля равномѣрно дѣлилась между членами общины, такъ и теперь земля могла быть подѣлена мажду различными общинами и сословіями. Многіе помѣщики, какъ напр. генералы «заслужили» свои имѣнія, такъ же какъ свои ордена, отъ царя; но ихъ сыновья могутъ быть негодяями, и они несправедливо владѣютъ своей землей, такъ же какъ новый царь не имѣетъ права носить орденовъ императора Павла.**)

Прокламаціи Исполнительнаго Комитета, когда они попадаютъ въ какую нибудь мѣстность, оживленно обсуждаются.***)

Въ Поволжьѣ, гдѣ были распространены прокламаціи, смѣшивали исполнительный комитетъ съ комиссіей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, вслѣдствіе этого нерѣдко бывали случаи подачи офиціальныхъ прошеній на имя Исполнительнаго Комитета Народной Воли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, въ своихъ прошеніяхъ, находили требованія, поставленныя въ прокламаціи, недостаточными, а именно—«увеличеніе надѣловъ» замѣняли предоставленіемъ всей земли крестьянству. Выбранные народомъ ходоки отправлялись обыкновенно къ губернаторамъ. Ихъ разумѣется гнали, но иногда они приносили такой отвѣтъ, будто губернаторъ сказалъ, что

---

*) «Народная Воля» № 6, стр. 12.

**) «Вольное Слово» № 51.

***) «Народная Воля» № 6, стр. 11.

теперь подавать прошеній нельзя, а когда будетъ можно, онъ самъ извѣститъ крестьянъ. Иногда прокламація перехватывалась полиціей, а, когда крестьяне настаивали на ея прочтеніи, то она прочитывалась, но только съ импровизированнымъ содержаніемъ. Подобные же случаи бывали и въ казармахъ. Но каждый разъ нѣкоторые изъ крестьянъ или солдатъ узнавали о дѣйствительномъ содержаніи воззванія,—послѣ чего всѣ еще болѣе убѣждались, что нельзя полагаться на чиновниковъ. Въ Малороссіи какая то бѣдная вдова получила присланную изъ Петербурга «золотую грамоту». Она принесла ее на базаръ, гдѣ письменный человѣкъ разобралъ ее ей. Тамъ чернымъ по бѣлому было написано, чтобы «крестьяне ни отъ кого не ждали помощи, но сами бы брали землю, такъ же какъ господа самовольно отобрали у нихъ лучшіе участки». Содержаніе прокламаціи сдѣлалось извѣстнымъ въ трехъ волостяхъ. Одни полагали, что она идетъ отъ царя, другіе — что она идетъ отъ соціалистовъ (это слово стало входить въ употребленіе послѣ еврейскихъ погромовъ). Одни считали соціалистовъ за уполномоченныхъ царя, которымъ поручено ходить по избамъ, разспрашивать о количествѣ земли и скота и отмѣчать все это въ книжечкѣ, чтобы потомъ, сообразно съ этими свѣдѣніями, произвести надѣленіе землей. Другіе же относились къ соціалистамъ съ ненавистью, какъ цареубійцамъ, готовымъ убить и всѣхъ крестьянъ. Это былъ цѣлый хаосъ слуховъ; но корреспондентъ Чернаго Передѣла (№ 4) достаточно благоразумно предостерегаетъ противъ той мысли, будто вѣра въ царя замѣнилась въ народѣ вѣрою въ соціалистовъ. Крестьяне слышатъ объ нихъ, какъ о значительной силѣ; но относится ли эта сила къ нимъ дружески или непріязненно, они еще не знаютъ.

Но дѣло не ограничивалось мѣстными недоразумѣніями и фантастическими слухами; терроръ былъ перенесенъ въ народную жизнь. Опять въ южной Россіи зародилась мысль объ избіеніи евреевъ и приводилась въ исполненіе (1880-82), между тѣмъ какъ бѣлоруссы и литовцы, менѣе склонные къ насилію, практиковали терроръ лишь въ видѣ пожаровъ. Еврейскіе погромы были основаны на цѣломъ рядѣ обстоятельствъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться подробно. Народъ находился подъ вліяніемъ множества религіозныхъ, національныхъ и соціально-экономическихъ мотивовъ: послѣдніе впрочемъ преобладали. Это не значило, чтобы еврей былъ единственнымъ эксплуататоромъ рабочаго народа; но у послѣдняго установилась извѣстная градація въ ненависти къ своимъ притѣснителямъ. Больше всего онъ ненавидитъ ростовщика-еврея, отъ котораго его отдѣляютъ и вѣра и обычаи; затѣмъ идетъ православный эксплуататоръ, но принадлежащій къ другому общественному классу — помѣщикъ и

купецъ; наконецъ, ближе всего къ нему стоятъ разбогатѣвшіе сообщественники — кулаки *) Съ евреемъ у крестьянина нѣтъ ничего общаго, кромѣ тѣхъ дѣловыхъ отношеній, при которыхъ онъ почти всегда безъ исключенія остается въ убыткѣ. Но конечно проявленіе этихъ враждебныхъ чувствъ никогда не приняло бы такихъ размѣровъ, если бы правительство не смотрѣло на еврейскіе погромы сквозь пальцы, надѣясь этимъ предохранительнымъ клапаномъ ослабить возбужденіе народа. Правильность такого объясненія особенно подтверждается тѣмъ, что съ перемѣною министра внутреннихъ дѣлъ еврейскіе погромы прекратились. Къ этому присоединяется не маловажный, но не вполнѣ выясненный факторъ — участіе революціонеровъ въ еврейскихъ погромахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, народный голосъ указывалъ на соціалистовъ, какъ на ихъ зачинщиковъ, и въ самомъ дѣлѣ исполнительный комитетъ выпустилъ 30 августа 1881 г. очень рѣзкую прокламацію противъ евреевъ,**) но въ заключеніе придали ей такой оборотъ, что главнымъ виновникомъ всей эксплуатаціи является царь. Эта прокламація была написана немногими бывшими тогда въ Москвѣ членами Исполнительнаго Комитета, но не была одобрена ни другими членами, ни партіей, а потому была взята назадъ и по возможности уничтожена. Однако же корреспонденція въ Народной Волѣ отъ 23 октября 1881 г. подчеркиваетъ, что Исполнительный Ко-

*) «Черный Передѣлъ» № 4 стр. 7.

**) Эта, сдѣлавшаяся очень рѣдкой, прокламація имѣла приблизительно слѣдующее содержаніе. Народу живется тяжело и онъ ходитъ босикомъ, а у евреевъ хорошіе дома. Но не всегда было такъ. Украинцы были когда-то вольными казаками и слушались только своихъ гетмановъ. Но вотъ пришелъ русскій царь и роздалъ землю господамъ, причемъ крестьяне должны были еще платить ему подати. Если у крестьянина нѣтъ денегъ, онъ долженъ итти къ еврею и занимать у него, благодаря чему тотъ его разворяетъ, а еврея защищаютъ господа и чиновники. Но существуетъ исполнительный комитетъ, который рѣшилъ, что слѣдуетъ отнять землю и всѣ фабрики у господъ и передать ихъ крестьянамъ и рабочимъ, прогнать всѣхъ чиновниковъ и замѣнить ихъ свободно выбранными депутатами. Этого не хотѣлъ царь и за это былъ приговоренъ къ смерти и казненъ 1 марта. Отъ новаго царя теперь требуютъ, чтобы онъ не притѣснялъ рабочій народъ. Если же онъ не перестанетъ, то испытаетъ на себѣ силу исполнительнаго комитета. Тогда народъ долженъ пойти вмѣстѣ съ нимъ противъ евреевъ, господъ и царя. «Помогите же намъ! Возстаньте, рабочіе! Отомстите господамъ, грабьте евреевъ и убивайте чиновниковъ!»

митетъ и революціонеры не имѣютъ права относиться отрицательно или индифферентно къ этимъ чисто народнымъ движеніямъ. Робеспьеръ, Дантонъ, С. Жюстъ и Демуленъ не отказались отъ своей роли вождей въ виду крайностей разъяреннаго притѣсненіями народа. Что дѣлали якобинцы, долженъ дѣлать и Исполнительный Комитетъ.

Наряду съ еврейскимъ движеніемъ въ южной Россіи происходили въ это время еще два другихъ, — одно религіозное, такъ называемый штундизмъ, который изъ первоначальной протестантской секты, отчасти подъ вліяніемъ соціалистическихъ агитаторовъ (Ковальскаго, Дроблязгина и др.) развился въ раціоналистическую молодую штунду, — и аграрно-политическое, въ средѣ так. наз. чиншевиковъ (чиншъ значитъ процентъ). Это—первоначально свободные, наслѣдственные, мелкіе арендаторы чужой земли,*) нѣсколько сотенъ тысячъ которыхъ живутъ въ бывшихъ прежде польскихъ губерніяхъ. Эти чиншевики стремились къ тому, чтобы обратить арендныя отношенія — въ силу давности и наслѣдственности, — въ неограниченное право собственности, а помѣщики пытались ихъ выселить. Какъ общее правило, чиншевики проигрывали свои тяжбы, въ силу того закона, что договоры объ арендѣ земли не могутъ заключаться на болѣе долгій срокъ, чѣмъ 12 лѣтъ. Благодаря этому, создался цѣлый классъ безземельныхъ и озлобленныхъ пролетаріевъ, очень склонныхъ къ безпорядкамъ. По новому закону эти наслѣдственные арендаторы de facto принуждаются купить свою землю, для чего правительство даетъ имъ ссуду въ размѣрѣ 85 % покупной цѣны.

Глава девятая.

—

БІОГРАФІИ И ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Картина русскаго революціоннаго движенія не будетъ полной, если мы не попытаемся по возможности отвѣтить на слѣдующіе вопросы: какими личными силами и денежными средствами располагало движеніе и какова была его внутренняя организація? Эти вопросы относятся къ самымъ сокро-

*) «Вольное Слово» № 49.

венным тайникамъ всякаго революціоннаго движенія, и непосвященный можетъ отвѣтить на нихъ только по печатнымъ источникамъ. Но понятно, что они не дадутъ намъ многаго. Развѣ партія можетъ оглашать хоть какія-нибудь свѣдѣнія о своихъ дѣйствующихъ, еще не арестованныхъ вожакахъ? И развѣ она можетъ давать подробныя свѣдѣнія даже объ уже арестованныхъ и осужденныхъ товарищахъ? Этимъ она скомпрометировала бы всю ихъ будущность; даже относительно Чернышевскаго, который вслѣдствіе своего 20-ти лѣтняго заключенія могъ считаться уже сошедшимъ со сцены человѣкомъ, мы имѣли въ 80-хъ годахъ лишь неудовлетворительный біографическій набросокъ Элпидина.*)

Въ послѣднее время П. Лавровъ и В. Засуличъ издали біографіи казненныхъ цареубійцъ: Желябова, Перовской, Кибальчича, Гриневицкаго, Соловьева и Александра Михайлова, на основаніи рукописныхъ сообщеній членовъ партіи Народной Воли. Эти біографіи настолько поучительны, что мы приводимъ здѣсь изъ нихъ наиболѣе важное**).

Андрей Желябовъ превосходилъ большинство своихъ товарищей организаторскимъ талантомъ и энергіей. Онъ родился приблизительно въ 1850 г. въ Крыму, въ семьѣ крѣпостныхъ; его родители и родные были дворовыми; къ первымъ впечатлѣніямъ его юности относится тѣлесное наказаніе его дяди и обезчещеніе тетки. Его дѣдъ, раскольникъ, обучилъ его цер-

---

*) По просьбѣ своихъ друзей Чернышевскій, во время своей ссылки, написалъ начало романа, который напечатанъ во «Впередѣ» въ 1877 г. Въ этомъ «Прологѣ къ прологу» авторъ набрасываетъ изображеніе всѣхъ лицъ, принимавшихъ видное участіе при отмѣнѣ крѣпостного права: Ростовцева, Муравьева, Валуева, Сѣраковскаго, Кавелина, свое собственное, своей жены и многихъ другихъ. Какъ романъ, эти наброски не имѣютъ цѣны; но какъ мемуары они очень интересны. Въ этомъ изображеніи самому Чернышевскому не особенно посчастливилось: онъ является разсѣяннымъ, переутомленнымъ, довольно скучнымъ и работающимъ напролетъ цѣлыя ночи мужемъ своей жены. — Гораздо менѣе интересна уже упоминавшаяся мною автобіографія умершаго въ ссылкѣ въ 1876 г. Худякова (1882, Женева).—Въ настоящее время готовится также біографія Бакунина.

**) См. также процессъ вышеназванныхъ лицъ, а особенно рѣчь прокурора. 3 первыя біографіи появились отдѣльно, а 3 послѣднихъ въ сборникѣ «На Родинѣ» №№ 1—3. Многочисленныя біографическія замѣтки можно найти въ «Подпольной Россіи», стр. 77—140. Затѣмъ въ «Календарѣ Народной Воли», 1883 г., находятся біографіи Перовской и Гельфманъ и свѣдѣнія о Халтуринѣ и Грачевскомъ.

ковной грамотѣ и заставилъ его выучить наизусть весь псалтирь. Помѣщикъ Желябова скоро обратилъ на него вниманіе, обучалъ его самъ гражданской азбукѣ и помѣстилъ затѣмъ въ керченское уѣздное училище, которое было преобразовано потомъ въ гимназію. Онъ считался хорошимъ товарищемъ и прилежнымъ ученикомъ, но отличался шалостями и за свое поведеніе получилъ при выходѣ изъ гимназіи только серебряную медаль, хотя по прилежанію и способностямъ заслуживалъ золотую. Въ одесскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ въ 1868 г., онъ при первой же демонстраціи противъ профессора выдвинулся какъ вожакъ и былъ исключенъ. Таже участь постигла его и во второй разъ, когда онъ находился на 3-мъ курсѣ юридическаго факультета въ томъ же университетѣ. Жилъ Желябовъ сначала на стипендію, но затѣмъ, когда этотъ источникъ изсякъ, частными уроками и часто терпѣлъ нужду, хотя временами зарабатывалъ очень много, до 150 руб. въ мѣсяцъ. Первое время онъ много занимался студенческими дѣлами: кассами, столовыми, библіотеками, студенческими судами и т. под. Но эта дѣятельность не могла его удовлетворить. Когда затѣмъ въ Одессѣ, въ связи съ нечаевскимъ заговоромъ, образовались тайныя общества, Желябовъ примкнулъ къ нимъ всей душой; «крестьянскій сынъ» въ тогдашнихъ кружкахъ былъ окруженъ полумистическимъ ореоломъ и скоро завоевалъ симпатіи товарищей. Вскорѣ онъ познакомился съ болѣе опытными революціонерами, Волховскимъ и др., и попалъ въ ихъ политическую школу. Въ 1872-73 г.г. онъ принадлежалъ къ кружку, который находился въ тѣсной связи съ петербургскими чайковцами. Какъ и всѣ его товарищи, Желябовъ сдѣлался пропагандистомъ, жилъ въ сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, объясняя рабочимъ содержаніе брошюръ, организовывалъ маленькіе рабочіе союзы съ кассами и библіотеками. Онъ также пошелъ въ народъ и продавалъ огурцы на базарѣ; это хожденіе въ народъ осталось не безъ успѣха: онъ пріобрѣлъ нѣсколько соумышленниковъ. Но развѣ только этого искалъ Желябовъ? Это была стремительная страстная натура; всему, что онъ дѣлалъ, даже простому пѣнію и танцамъ, онъ отдавался всей душой. Крайне деликатный по отношенію къ другимъ, не знавшій мѣры своимъ услугамъ и одолженіямъ для тѣхъ, кто въ нихъ нуждался, каждую минуту готовый броситься въ огонь и воду за товарища и друга, неистощимо терпимый къ маленькимъ слабостямъ своихъ знакомыхъ, онъ мгновенно преображался и вспыхивалъ зловѣщимъ огнемъ, когда слышалъ обидную насмѣшку или грубость нахала. Откуда бралась тогда и желчь, и язвительный сарказмъ, и грозные жесты! Продолжительная, хотя бы и полезная работа не соотвѣтствовала его натурѣ; она надоѣдала ему и онъ терялъ

терпѣніе. Ему необходимы были сильныя движенія, кипучая борьба и опасность. Когда, напр., нужно было принять опасную кладь, уже выслѣженную полиціей или препроводить заграницу бѣглаго товарища, — онъ былъ всегда готовъ и вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Рядовымъ солдатомъ Желябовъ никогда не могъ быть; онъ былъ рожденъ вожакомъ. Хотя онъ не былъ лишенъ честолюбія — нѣкоторые находили даже, что онъ былъ надѣленъ имъ въ значительной степени, но не это создавало ему роль предводителя; она вытекала скорѣе изъ свойствъ его характера и всего его темперамента. Поэтому программа террористической партіи, въ рядахъ которой онъ умеръ, своей страстной и порывистой дѣятельностью гораздо болѣе соотвѣтствовала его натурѣ.

Послѣ второго своего исключенія изъ университета, Желябовъ жилъ то въ своемъ родномъ селѣ, то въ Одессѣ. Въ это же время онъ женился и скоро у него родился сынъ. Своихъ связей съ деревней онъ не прерывалъ до самого 1879 г., когда онъ уже окончательно себя скомпрометировалъ; разъ онъ прожилъ даже два года подрядъ у себя дома, велъ свое деревенское хозяйство и сложился при этомъ въ здороваго, крѣпкаго мужика, съ которымъ немногіе могли помѣряться силой; при этомъ онъ былъ отличнымъ работникомъ и хорошимъ хозяиномъ. Семейныя отношенія, по его собственнымъ разсказамъ, были у него хорошія; жена его, акушерка по профессіи, помогала ему своимъ заработкомъ; но онъ никогда не могъ отдаться всей душой своей женѣ. Чисто по-крестьянски, онъ видѣлъ въ ней не поэтическую возлюбленную, но мать семейства и товарища въ хозяйствѣ. Въ бракѣ для него на первомъ планѣ была не любовь, къ которой онъ относился довольно насмѣшливо, а семейныя обязанности. Къ этимъ обязанностямъ онъ относился очень добросовѣстно, и, рѣшившись отдаться всецѣло революціонному движенію, онъ сдѣлалъ это, только приведя сначала въ полный порядокъ свои домашнія дѣла. Въ 1877 г., въ качествѣ обвиняемаго по процессу 193-хъ, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ послѣ 7 мѣсячнаго заключенія, былъ оправданъ. Съ этихъ поръ онъ былъ еще сильнѣе захваченъ движеніемъ; онъ дѣлался все болѣе извѣстнымъ на югѣ и заводилъ также связи съ сѣверомъ.

Желябовъ никогда не раздѣлялъ односторонностей пропагандистовъ и не ограничивался агитаціей среди однихъ крестьянъ. Онъ обращался также и къ «обществу», и его дѣятельность носила всегда политическій характеръ. Этимъ онъ отличался съ самого-же начала отъ большинства тогдашнихъ революціонеровъ. Онъ признавалъ всегда, что освобожденіе было большимъ благодѣяніемъ для крестьянъ и несомнѣнно повысило ихъ нравственный уровень, хотя и не улучшило

ихъ экономическаго положенія. Тѣмъ не менѣе онъ ненавидѣлъ принципъ царизма, эту неограниченную, безконтрольную власть одного человѣка надъ цѣлымъ народомъ. Онъ не понималъ и не вѣрилъ въ патріархальнаго царя. Онъ не допускалъ, чтобы у него были добрыя намѣренія при отмѣнѣ крѣпостного права. «Правительству было выгодно увеличить свои доходы, самому эксплуатировать крестьянъ и при этомъ подорвать сравнительно сильный классъ дворянъ». Еще мальчикомъ 15-ти лѣтъ онъ радовался выстрѣлу Каракозова.

Поэтому понятно, что въ 1879 г., когда его пригласили къ участію въ террористической дѣятельности, Желябовъ вполнѣ отдался ей. Я уже упоминалъ объ его выдающейся роли на конгрессахъ въ Липецкѣ и Воронежѣ. Немедленно же вслѣдъ за этимъ онъ уѣхалъ вербовать сторонниковъ въ южно-русскіе университетскіе города и произносилъ здѣсь рѣчи, которыя производили, повидимому, на его слушателей могущественное впечатлѣніе. У Желябова была профессорская манера произносить рѣчи. Онъ говорилъ ясно и правильно. Въ частномъ разговорѣ эта манера производила невыгодное впечатлѣніе, но для большой аудиторіи была очень удобна. Когда онъ воодушевлялся, книжные обороты рѣчи совершенно исчезали. У него былъ ясный, звучный голосъ и неутомимая грудь. Мысли онъ развивалъ логично, въ отвѣтахъ былъ находчивъ и часто въ высшей степени ядовитъ. Нападенія возбуждали его мысль, и тогда его рѣчь дѣлалась блестящей. Говорятъ, что онъ особенно былъ хорошъ, когда впадалъ въ патетическій тонъ и говорилъ о долгѣ передъ родиной и о мести тиранамъ. Тогда онъ, дѣйствительно, воспламенялъ своихъ слушателей. При русскихъ условіяхъ ему не часто приходилось примѣнять свой ораторскій талантъ, но каждый разъ онъ имѣлъ большой успѣхъ. Между тѣмъ террористическая партія организовалась и уже осенью 1879 г. Желябовъ является оффиціальнымъ агентомъ Исполнительнаго Комитета, въ качествѣ каковаго и долженъ былъ заложить мину подъ Александровскомъ. Послѣ неудачи трехъ покушеній, онъ пріѣхалъ 19 ноября 1879 г. въ Петербургъ, гдѣ дѣла было достаточно. Многіе товарищи были уже арестованы; измѣна Гольденберга заставила переработать многіе планы и перемѣстить людей. Желябовъ сдѣлался завѣдующимъ динамитными мастерскими; но свою главную дѣятельность онъ развилъ на другомъ поприщѣ. Можетъ быть, многіе превосходили его, какъ террориста, но немногіе, какъ организатора. Онъ умѣлъ обращаться съ людьми и требовать отъ нихъ только того, что было имъ по силамъ. Правда, у него не было недостатка въ самолюбіи и онъ отлично зналъ себѣ цѣну; но это самолюбіе проявлялось въ такой благородной формѣ, что масса молодыхъ людей была безусловно ему предана. Свою органи-

заторскую дѣятельность онъ проявлялъ какъ въ «обществѣ», такъ и среди рабочихъ, для которыхъ основалъ газету. «Я рожденъ демагогомъ», говорилъ онъ, «мое настоящее мѣсто на улицѣ, среди толпы рабочихъ». Чрезмѣрная и возбуждающая дѣятельность такъ повліяла на его нервную и впечатлительную натуру, что этотъ сильный человѣкъ въ послѣднее время страдалъ безсонницей и не разъ падалъ въ обморокъ.

Желябовъ былъ стройный, красивый мужчина съ энергичнымъ выраженіемъ лица и великолѣпной окладистой бородой. Онъ вообще нравился женщинамъ и въ юности имѣлъ немало «приключеній». Въ послѣдній годъ своей жизни онъ былъ близокъ съ Перовской: эта женщина была по немъ; онъ уважалъ ея умъ и характеръ, и видѣлъ въ ней лучшаго товарища; но о супружескомъ счастьи не могло быть, собственно говоря, и рѣчи при томъ положеніи, въ какомъ находились оба они, при постоянныхъ тревогахъ и избыткѣ работы. — Желябовъ любилъ литературу. Однажды, вернувшись поздно ночью съ тайнаго собранія подъ Петербургомъ, онъ такъ углубился въ чтеніе Тараса Бульбы, что уже поздно утромъ одинъ товарищъ засталъ его еще за книгой, при чемъ онъ долго не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ смѣлаго казацкаго предводителя. Желябовъ любилъ также природу, Неву, открытое море. Музыку онъ любилъ до страсти. Любилъ онъ также и умѣлъ веселиться. Рѣдко выпадали такіе случаи, но когда выпадали, Желябовъ былъ душою общества. Послѣдній беззаботный вечеръ онъ провелъ въ ночь подъ новый годъ, 1881, когда будущіе цареубійцы устроили вечеринку. Желябовъ превзошелъ себя. Онъ появлялся во всѣхъ комнатахъ, поддерживалъ разговоръ, не допускалъ никого задуматься, затѣвалъ танцы, пѣсни.... Тамъ были Кибальчичъ, Саблинъ, Перовская и еще десятка полтора лицъ. На всѣхъ нашло какое-то страшное веселье. Многіе знали, что другого такого вечера уже не будетъ въ жизни. . . . Никто не увлекался въ подобныхъ случаяхъ искреннѣе и беззавѣтнѣе Желябова. Глядя на него, можно было подумать, что у этого человѣка нѣтъ на душѣ ни одной тяжелой мысли... А между тѣмъ думы черныя какъ ночь кружились вокругъ его головы. Но онъ гналъ ихъ прочь. Никогда онъ не допускалъ себя погрузиться въ уныніе. «Ну, это ничего. Что-жъ дѣлать! Теперь будемъ поправлять»—такими словами встрѣчалъ онъ каждый ударъ, каждую неудачу. Его вѣра въ успѣхъ революціоннаго дѣла была несокрушима. «Это пустяки: люди найдутся. Мы погибнемъ, другіе будутъ», — повторялъ онъ. Прокуроръ во время процесса характеризовалъ его слѣдующими словами: «Желябовъ необыкновенно типичный конспираторъ во всемъ — въ жестахъ, мимикѣ, движеніяхъ, мысляхъ, словахъ, не безъ театральныхъ эффектовъ; до послѣдней минуты онъ дра-

пируется въ тогу конспиратора. Ему нельзя отказать въ умѣ, дарованiяхъ и ловкости».*)

Рядомъ съ Желябовымъ стоитъ Софья Перовская, хотя она изъ совсѣмъ другой общественной среды — сферы высшей аристократiи. Это была замкнутая, сдержанная натура; она охотно поддерживала другихъ, но сама не требовала помощи; дѣтство ея было такъ печально, что она неохотно объ немъ говорила. Она родилась въ Петербургѣ въ 1854 г. Мать ея была умная, гуманная женщина, она нѣжно любила дочь и была также любима ею. Отецъ же былъ типичнымъ самодуромъ и деспотомъ, и дочь ненавидѣла его. Онъ былъ губернаторомъ сначала въ Псковѣ, потомъ въ Петербургѣ и широко пользовался, находившимся въ его распоряженiи, кредитомъ, а когда, послѣ покушенiя Каракозова, лишился мѣста, то оказался совершенно раззореннымъ. Мать, какъ жена губернатора, была поглощена своею офицiальною ролью, и никогда не могла въ достаточной мѣрѣ отдаться воспитанiю дочери. Это былъ живой, избалованный ребенокъ, любившiй шалости и слушавшiйся только матери. Она выучилась читать только 8-ми лѣтъ, но зато очень скоро; ей давали частные уроки, при чемъ уроковъ закона божiя не было; на 14 году прекратилось вообще всякое преподаванiе. Въ Крыму, въ материнскомъ родовомъ имѣнiи, куда теперь переѣхала семья, подростающая дѣвочка занялась чтенiемъ немногихъ серьезныхъ книгъ ихъ маленькой домашней библiотеки. Когда въ 1869 г. и это имѣнiе было продано, мать съ дочерьми поѣхала въ Петербургъ. Здѣсь Софья поступила на женскiе курсы при гимназiи и познакомилась съ Вильбергъ, сестрами Корниловыми и Софьей Лешернъ, которыя впослѣдствiи всѣ посвятили себя революцiи. Когда родители снова стали жить вмѣстѣ, отецъ запретилъ дочери принимать этихъ прiятельницъ. Такому насилiю она не хотѣла покориться и въ 1870 г. покинула родительскiй домъ, послѣ чего вступила въ кружокъ чайковцевъ, вмѣстѣ съ членами котораго впослѣдствiи пошла въ народъ. Послѣ нѣкоторой подготовки, она сдѣлалась сельской учительницей. Въ 1872 г. мы находимъ ее на берегахъ Камы (по сю сторону Урала), гдѣ она странствуетъ изъ села въ село, въ качествѣ оспопрививательницы, и терпитъ всевозможныя лишенiя. Это было время, когда молодежь жила по рецепту Рахметова, героя романа Чернышевскаго «Что дѣлать?» Софья Перовская питалась молокомъ и кашей, спала на сѣнникѣ, но выглядѣла при этомъ совершенно здоровой. Оттуда она отправилась въ одно село Тверской губ., на

---

*) При характеристикѣ Желябова мы дополнили текстъ Туна еще нѣкоторыми выдержками изъ той «Бiографiи», которою онъ пользовался. Л. Ш.

сыроварню Верещагина, гдѣ помогала учителю въ народной школѣ. Такимъ образомъ она переживала вмѣстѣ съ русской молодежью всѣ фазисы революціоннаго движенія. Въ ноябрѣ 1873 г. она была арестована, но выпущена скоро на поруки подъ залогъ 5000 руб. Тогда она рѣшила сдѣлаться фельдшерицей, для чего сначала обучалась у одного врача въ Тверской губ., а затѣмъ поступила въ фельдшерскую школу въ Симферополѣ и получила тамъ дипломъ. Въ процессѣ 193-хъ она была оправдана, но должна была отправиться въ административную ссылку въ Олонецкую губ. (1878). На желѣзнодорожной станціи Чудово, гдѣ она должна была переночевать въ дамской комнатѣ, она перешагнула черезъ спавшаго на порогѣ жандармъ, и затѣмъ въ продолженіи 6 час. скрывалась въ ближайшемъ лѣсу, пока утихла погоня и она могла спокойно вернуться въ Петербургъ.

Тогда она примкнула къ обществу «Земля и Воля» и взяла на себя миссію освобожденія заключенныхъ въ Харьковѣ и облегченія ихъ тяжелаго положенія. Первое ей не удалось, второе она исполняла удачно. На Воронежскомъ съѣздѣ она принадлежала къ тѣмъ, которые во что бы то ни стало хотѣли избѣжать распущенія общества. Изъ чувства мести за казненныхъ товарищей она стояла за убійство царя, но съ другой стороны не хотѣла оставить агитаціи въ народѣ, желая, чтобы это убійство не прошло безслѣдно въ народѣ. Такъ какъ партія Чернаго Передѣла не имѣла тогда серьезныхъ связей въ народѣ, то она рѣшила помогать террористамъ. Такимъ образомъ она не примыкала формально ни къ одной изъ партій, но помогала обѣимъ. Въ ноябрѣ 1879 года она исполняла роль хозяйки въ домѣ Сухорукова подъ Москвой, откуда былъ устроенъ подкопъ. При этомъ она обнаружила большую находчивость и до самаго взрыва оставалась на мѣстѣ; она вмѣшалась даже въ ту толпу, которая сбѣжалась въ испугѣ на мѣсто происшествія, у самаго сухоруковскаго дома. Не будучи никѣмъ узнана, она уѣхала въ Петербургъ. Здѣсь она заявила, что готова примкнуть къ партіи Чернаго Передѣла, если она поставитъ своей цѣлью вызвать болѣе крупное движеніе въ народѣ. Ей объяснили, насколько это трудно. «Тогда мнѣ остается только примкнуть къ Народной Волѣ!» Съ этой минуты она сдѣлалась рѣшительной централисткой и проповѣдовала необходимость строгой дисциплины. Она работала неутомимо въ средѣ студенчества и рабочихъ, такъ какъ считала невозможной революцію безъ помощи рабочихъ массъ и войска. Ея единственнымъ недостаткомъ, въ которомъ она никогда не сознавалась, было то, что она совсѣмъ не щадила себя; но ея ловкость преодолѣвала всѣ проистекавшія отсюда опасности. Послѣдній годъ ея жизни былъ для нея, повидимому, (біографъ не вполнѣ въ

этомъ увѣренъ), первымъ годомъ любви. Вообще, она была «женскимъ патріотомъ» и считала мужчинъ стоящими ниже женщинъ; серьезно она уважала изъ нихъ немногихъ. Желябовъ въ духовномъ отношеніи былъ равенъ ей; къ тому же оба были красивы. 27 февр. 1881 г. Желябовъ былъ арестованъ; Перовская же съумѣла еще очистить свою квартиру и ускользнуть подъ глазами ищущей ее полиціи. Послѣ 1 марта ее просили бѣжать заграницу. Но она осталась, потому что, по ея словамъ, тогда было много дѣла въ Петербургѣ. Она была арестована 10 марта, когда ѣхала на извощикѣ.

Существенно отличается отъ этихъ людей съ выдающимися организаторскими и практическими способностями Николай Кибальчичъ (родился въ 1853 или 54 г.),—сынъ сельскаго священника Черниговской губ., украинецъ, сохранившій до конца дней печать украинофильскихъ и федералистическихъ тенденцій. Въ 1871 г. онъ былъ студентомъ-инженеромъ; въ 1873 г. — студентомъ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Онъ принадлежалъ тамъ къ кружку самообразованія и читалъ рефераты по политико-экономическимъ вопросамъ, но не имѣлъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и не занимался практической политикой. Въ 1875 году одна барыня, ожидавшая обыска, попросила его спрятать у себя свертокъ запрещенныхъ книгъ, присланныхъ изъ-заграницы. Онъ оказалъ ей эту услугу; но чрезъ нѣсколько дней у него былъ произведенъ обыскъ, потому что во время каникулъ, у своихъ родныхъ, онъ случайно далъ одному знакомому крестьянину брошюру, которая, переходя изъ рукъ въ руки, въ въ концѣ концовъ, попала къ жандармамъ. Предварительное слѣдствіе и одиночное заключеніе тянулись 3 года; затѣмъ, по процессу 193-хъ, Кибальчичъ былъ приговоренъ къ мѣсячному тюремному заключенію. Замѣчательно то усердіе, съ какимъ Кибальчичъ въ тюрьмѣ продолжалъ серьезно заниматься. Въ то время какъ большинство заключенныхъ обыкновенно впадаютъ въ апатію и часами, а иногда и цѣлыми днями, лежатъ на постели или ходятъ взадъ и впередъ по камерѣ, Кибальчичъ постоянно читалъ и читалъ съ равнымъ усердіемъ книги изъ различныхъ областей знанія. Даже прогулками онъ пользовался не только съ гигіеническими цѣлями, но пытался завязать во время нихъ сношенія съ уголовными и привлечь ихъ къ соціализму, что по отношенію къ нѣкоторымъ ему и удалось. По характеру Кибальчичъ былъ флегматикъ; онъ говорилъ медленно почти по складамъ, что производило неблагопріятное впечатлѣніе на людей мало его знавшихъ. Лицо у него было неподвижно; на немъ нельзя было подмѣтить, когда онъ былъ доволенъ или радъ. Многіе считали его апатичнымъ и соннымъ; женщинъ даже раздражала его манера говорить и ему приходилось терпѣть отъ нихъ

много насмѣшекъ. Но въ лицѣ его были мягкость и добродушіе. Только разъ онъ оживился въ тюрьмѣ, когда услыхалъ о планахъ нѣкоторыхъ революціонеровъ взорвать на воздухъ царскую семью. «Это хорошо, это великолѣпно! Почему они не займутся этимъ серьезно? Если меня не сошлютъ въ Сибирь, я займусь нитроглицериномъ!» Это удивило тогда его товарищей, потому что онъ всегда высказывался противъ преждевременной революціи. Но онъ выполнилъ свое намѣреніе. Послѣ своего освобожденія онъ принялся за изученіе взрывчатыхъ веществъ, и замѣчательно, что въ это именно время (1878-79) многіе революціонеры независимо другъ отъ друга начали заниматься этимъ предметомъ. Весною 1879 г. Кибальчичъ сблизился съ революціонерами и принялъ участіе въ ихъ агитаціи. Довольно долгое время онъ принадлежалъ къ кружку, который былъ непосредственно подчиненъ Исполнительному Комитету и изъ котораго впослѣдствіи выработалось 5 или 6 извѣстныхъ террористовъ. Но Кибальчичъ не былъ ни агитаторомъ, ни организаторомъ: онъ былъ кабинетнымъ ученымъ, революціонеромъ не дѣла, но мысли; умственно онъ былъ очень самостоятеленъ и превосходилъ этимъ многихъ. Онъ легко преодолѣвалъ трудности въ лабораторіи и въ наукѣ, но не въ практической жизни. Здѣсь онъ былъ разсѣянъ, неостороженъ, неловокъ и не любилъ мелочей агитаціонной работы. Поэтому онъ не сдѣлался вожакомъ. Онъ не принималъ участія на съѣздахъ, но съ самаго же начала одобрялъ стремленія террористовъ и писалъ въ ихъ газетѣ. Онъ охотно принялъ на себя завѣдываніе динамической лабораторіей и велъ ее до самаго своего ареста. Какъ техникъ онъ и здѣсь былъ не ловокъ, но какъ теоретикъ онъ былъ безупреченъ. Онъ самоучкой изучилъ французскій, англійскій и нѣмецкій языки и былъ хорошо знакомъ со спеціальной литературой по взрывчатымъ веществамъ на этихъ языкахъ. Онъ былъ изобрѣтателенъ и зналъ много комбинацій минъ и бомбъ, которыя были удобны своей дешевизной или доступностью, малымъ объемомъ или тѣмъ, что не боялись воды. Въ продолженіе 2 лѣтъ работы въ отличной лабораторіи онъ пріобрѣлъ такія свѣдѣнія, какъ ни одинъ изъ экспертовъ на судѣ. Ему по большей части принадлежали лишь руководящія идеи; подробности вырабатывались его помощниками. На ряду со своею дѣятельностью въ лабораторіи Кибальчичъ бралъ денежную работу, занимался литературою, много читалъ; онъ обладалъ хорошей памятью и сообразительностью. Онъ писалъ хорошо и легко, но мало, вслѣдствіе недостатка времени. Лично онъ былъ очень симпатиченъ и интересенъ, постоянно занятъ теоретическими и философскими вопросами. Онъ былъ большимъ оптимистомъ въ отношеніи людей и каждаго считалъ за хорошаго человѣ-

ка; ему не приходило въ голову, чтобы его могли эксплуатировать. Его необычайная разсѣянность часто давала поводъ молодымъ дѣвушкамъ къ насмѣшкамъ надъ нимъ. Когда онъ наконецъ замѣчалъ это, то серьезно разъяснялъ имъ, какъ женщины легкомысленны и какими глупостями онѣ могутъ интересоваться. Совершенно погруженный въ науку, Кибальчичъ былъ равнодушенъ къ общечеловѣческимъ потребностямъ и чувствамъ. Онъ кажется во всю свою жизнь не сердился, никогда серьезно не ссорился и со всѣми былъ равно хорошъ. Будучи знакомъ со многими, онъ друженъ не былъ ни съ кѣмъ. Ему, казалось, были не знакомы чувства любви и дружбы. О женщинахъ онъ говорилъ: «Онѣ всѣ любятъ, чтобы объ нихъ заботились, ухаживали за ними; этого я не умѣю, да и времени у меня нѣтъ». У него не было личнаго счастья; но онъ никогда не чувствовалъ недостатка въ немъ. Онъ былъ совершенно погруженъ въ науку; онъ посвятилъ себя химіи не только для своихъ спеціальныхъ цѣлей, но и въ виду болѣе общихъ вопросовъ; до послѣдняго дня жизни, его, какъ Архимеда его чертежи, занималъ проектъ воздушнаго корабля, который приводился бы въ движеніе взрывчатыми веществами, и, говорятъ, что въ подробностяхъ этотъ проектъ заключалъ въ себѣ нѣкоторыя новыя мысли.

Революціонеркой не изъ «интеллигентной» среды является извѣстная Геся Гельфманъ*). «Поэты не посвятятъ ей пѣсенъ, исторія не назоветъ ея имени, потомки не сохранятъ о ней воспоминаній,—и всетаки безъ ея работы партія не могла бы существовать», говорится о ней въ «Подпольной Россіи». Она родилась въ Мозырѣ Минской губ. въ 1855 г.; ея отецъ былъ зажиточный фанатикъ-еврей, мачеха обращалась съ ней жестоко. Когда ей минуло 16 лѣтъ, она должна была выйти замужъ за извѣстнаго талмудиста. Такое замужество считается очень почетнымъ въ ея средѣ, но эта честь связывается обыкновенно съ обязанностью содержать дармоѣда-мужа и семью, — Геся тайно ушла отъ родителей и была проклята своимъ единовѣрцами. Въ Кіевѣ она жила шитьемъ и старалась пополнить пробѣлы своего элементарнаго образованія, что ей, однако, не удалось вполнѣ, и она никогда не умѣла правильно говорить и писать по-русски. Но въ 1874 гдду она выдержала экзаменъ на акушерскіе курсы и со всѣмъ усердіемъ отдалась «саморазвитію», которое играло тогда большую роль среди учащейся молодежи. Она вскорѣ сдѣлалась необходимой въ радикальныхъ кружкахъ, благодаря своимъ хозяйственнымъ талантамъ и умѣнью, когда нужно было, устроить обѣдъ, общую столовую и оказать всякую помощь Она стала соціалисткой, но до конца своей жизни не могла

*) Календарь Н. В., стр. 14—28.

вполнѣ понять теоретическихъ основъ этого ученія. Сдѣлавшись соціалисткой, она, по образцу героини романа Чернышевскаго, начала устраивать артельную мастерскую, но оставила ее, когда московскіе пропагандисты открыли предъ ней болѣе обширное поле дѣятельности. Она пошла въ народъ — прежде всего, чтобы изучить его и работала поденщицей въ Кіево-печерской лаврѣ. Здѣсь осенью 1875 г., благодаря нѣсколькимъ адресованнымъ къ ней письмамъ, она была арестована. Ей пришлось просидѣть подъ предварительнымъ слѣдствіемъ не менѣе 2-хъ лѣтъ, а по процессу 50-ти она была приговорена еще къ 2-мъ годамъ заключенія въ рабочемъ домѣ. Она содержалась вмѣстѣ съ молодыми проститутками, которыя, инстинктивно чувствуя ея нравственную высоту, относились къ ней съ какимъ-то злорадствомъ и принуждали ее къ самымъ чернымъ работамъ. Но ея положеніе улучшилось, когда ея камеру посѣтилъ дамскій комитетъ, и одна высокопоставленная дама приняла въ ней участіе. Съ этого времени она помѣщалась, со своей подругой по процессу, Топорковой, и съ ней, какъ съ заболѣвшей хроническимъ катаромъ желудка, вслѣдствіе плохого и недостаточнаго питанія, стали обращаться лучше. Ей было разрѣшено заниматься вышиваньемъ для начальницы тюрьмы. 14 марта 1879 г. она была освобождена и отправлена въ Старую Руссу, гдѣ должна была жить подъ полицейскимъ надзоромъ на 6 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь одна молодая дама, непричастная къ революціонной дѣятельности, достала ей паспортъ и деньги, такъ что въ ноябрѣ она уже бѣжала въ Петербургъ. Но долгое тюремное заключеніе разстроило ея здоровье; пропалъ ея свѣжій цвѣтъ лица и ея веселость; она исхудала и сдѣлалась настолько нервной, что во снѣ отвѣчала на предложенные ей вполголоса вопросы. Въ Петербургѣ она вышла замужъ за извѣстнаго террориста Колодкевича, хотя посторонніе ничего не знали объ ихъ отношеніяхъ, потому что они жили не на одной квартирѣ. Здѣсь она скоро стала членомъ Народной Воли и ей пришлось быть хозяйкой важныхъ конспиративныхъ квартиръ, потому что она обладала достаточнымъ присутствіемъ духа и находчивостью, чтобы быстро отдѣлываться отъ дворниковъ, хозяевъ и непрошенныхъ гостей. Уже въ 1879 г. мы находимъ ее хозяйкой конспиративной квартиры; потомъ она была хозяйкой квартиры рабочаго кружка, потомъ динамитной мастерской, наконецъ, тайной типографіи «Рабочей Газеты», которая затѣмъ была превращена въ динамитную мастерскую. Въ февралѣ 1881 г. она оставила эту квартиру и переселилась на Телѣжную улицу, гдѣ въ день убійства царя она была арестована, въ то время какъ Саблинъ застрѣлился. Въ тюрьмѣ, вслѣдствіе беременности, ей пришлось много перестрадать, но она никого не выдала. Аги-

тація заграницей заставила правительство дать ей свиданіе съ однимъ газетнымъ корреспондентомъ и замѣнить ей смертную казнь вѣчными каторжными работами. Она умерла въ тюрьмѣ 1 февраля 1882 г.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ Игнатіи Гриневицкомъ, который бросилъ въ царя Александра II роковую бомбу. Онъ называлъ себя литовцемъ, но поляки считали его своимъ соотечественникомъ, хотя онъ плохо говорилъ по-польски, по-русски же — какъ на родномъ языкѣ. Онъ родился въ Минской губ. въ 1856 г., гдѣ родители его—католики—были мелкими землевладѣльцами. Въ 60-хъ г.г. отецъ его купилъ въ Гродненской губ. небольшое имѣніе Гриневичи, откуда, вѣроятно, происходитъ его фамилія. Доходы маленькаго имѣньица (60—70 десятинъ) вполнѣ поглощались нуждами семьи, состоявшей изъ 11 человѣкъ; всѣ члены ея должны были работать въ полѣ. Воспитаніе дѣтей стоило дорого, семья запуталась въ долгахъ, и въ 1880 г. имѣніе было продано съ публичнаго торга; мать умерла еще раньше этого, отецъ же сошелъ съ ума. Игнатій кончилъ уѣздное училище въ Бѣльскѣ и реальную гимназію въ Бѣлостокѣ, живя, конечно, въ страшной бѣдности, такъ что для него было роскошью пить чай по праздникамъ. Но онъ считался прилежнымъ ученикомъ, хорошо рисовалъ, былъ очень набоженъ и оставался добрымъ католикомъ, несмотря но всѣ насмѣшки товарищей. Въ 1872 и 73 г.г. въ бѣлостокскую гимназію были занесены воспитанниками другихъ учебныхъ заведеній соціалистическія идеи, и тамъ начали мечтать о свободѣ и равенствѣ. Служеніе народу стало идеаломъ для молодого Игнатія. Въ 1875 г. онъ кончилъ курсъ лучшимъ ученикомъ и отправился въ технологическій институтъ въ Петербургъ, студенты котораго считались тогда наиболѣе радикальными и кромѣ того пользовались въ своей институтской жизни нѣкоторою свободою. Гриневицкій, поступивъ въ этотъ институтъ, принялъ участіе въ обычныхъ студенческихъ союзахъ. Поляки имѣли тогда свои собственные кружки и держались вдали отъ русскихъ дѣлъ; Гриневицкій вошелъ въ кружки обѣихъ національностей, такъ какъ онъ хотѣлъ служить народу, не заботясь объ національности. Это считалось въ глазахъ поляковъ измѣной, и они упрекали его въ томъ, что онъ ихъ компрометируетъ. Въ кружкахъ, такъ же какъ и другіе его товарищи онъ не ограничивался какой-нибудь одной работой; онъ занимался всѣмъ: создавалъ одни кружки, оказывалъ помощь другимъ, собиралъ деньги для сосланныхъ, велъ корреспонденцію, учился поддѣлывать паспорта, собиралъ печати, вскорѣ познакомился съ рабочими и былъ уважаемъ всѣми, какъ хорошій товарищъ. Въ 1879 г. онъ присоединился къ кружку, который, по предложенію кіевскихъ революціонеровъ-

агитаторовъ, хотѣлъ идти въ народъ не для пропаганды, а для образованія боевыхъ дружинъ; ихъ поселенія должны были служить операціоннымъ базисомъ для революціонныхъ возстаній. Этотъ планъ не встрѣтилъ, однако, сочувствія и у кружка не было притока членовъ. Гриневицкій тѣмъ не менѣе поѣхалъ въ деревню и сдѣлалъ попытку образовать «боевую дружину». Но осенью 1879 г. онъ уже вернулся въ Петербургъ и объявилъ этотъ планъ революціи невыполнимымъ. Въ это время онъ удовлетворился бы сносной конституціей. Затѣмъ онъ увѣровалъ въ возможность того, что террористическая партія захватитъ государственную власть, и въ 1880 году уже былъ въ ея рядахъ. Съ этого времени его дѣятельность имѣла опредѣленную цѣль; функціи его были сначала чисто-вспомогательныя: нѣкоторыя техническія работы, собираніе справокъ; затѣмъ ему была поручена организація рабочихъ и, наконецъ—дѣло, стоившее ему жизни. Спокойно стоялъ онъ на своемъ роковомъ посту, измѣряя разстояніе между собой и своей коронованной жертвой. «Кто вы?» спросили его въ госпиталѣ, когда онъ незадолго до смерти открылъ глаза. «Не знаю!» были его послѣднія слова. Его товарищи приписываютъ ему славу Брута, Гармодія и Аристогитона.

Въ жизнеописаніяхъ цареубійцъ какъ бы отражается весь ходъ революціоннаго движенія. Всѣ они начали съ мирной пропаганды, затѣмъ, послѣ подавленія ея правительствомъ, перешли къ революціонной агитаціи, а въ виду ея безрезультатности — къ терроризму. Соціализмъ отступилъ тогда на задній планъ передъ политической свободой; изъ федералистовъ революціонеры сдѣлались строгими централистами. Только будущее выяснитъ, кто еще былъ главными руководителями движенія и какова была ихъ жизнь*). Не менѣе вопроса о личныхъ силахъ важенъ также вопросъ о денежныхъ средствахъ. Откуда революціонеры брали деньги, чтобы создать литературу, содержать и разсылать людей, подготовлять террористическіе факты, поддерживать арестованныхъ и высланныхъ? Исполнительный Комитетъ прямо заявлялъ о своемъ правѣ «конфисковать» государственныя деньги изъ казначейства и другихъ правительственныхъ кассъ, но кто можетъ знать, въ какой мѣрѣ это

*) Изъ наиболѣе видныхъ представителей революціоннаго движенія можно еще назвать Л. Тихомирова, Алекс. Квятковскаго, А. Михайлова, Ширяева, Зунделевича, Суханова, Осинскаго, Я. Стефановича, Фроленко, Колодкевича, Баранникова, Адріана Михайлова, Клеменца, Кравчинскаго, Богдановича, Грачевскаго; а между женщинами; Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Засуличъ, Бардину, Ольгу Любатовичъ, Брешковскую, Якимову и многихъ другихъ.

ему удавалось? Главные источники доходовъ были во всякомъ случаѣ другіе. Нечаевъ получилъ бахметьевскій революціоный фондъ въ размѣрѣ 1000 фун. стерлинговъ. Въ рядахъ пропагандистовъ 70-хъ год. былъ мировой судья Войнаральскій, который пожертвовалъ дѣлу свое состояніе (40000 р.*). Въ рядахъ землевольцевъ былъ Дм. Лизогубъ, сынъ предводителя дворянства, который въ 1878 году началъ ликвидировать свое состояніе въ 150.000 руб., но уже въ августѣ былъ арестованъ. Въ первый годъ онъ долженъ былъ получить 20000 руб.; но его довѣренный захватилъ деньги себѣ. Всѣ эти источники представляютъ, конечно, только незначительную часть доходовъ революціонеровъ, и даже тѣ суммы, о которыхъ печатались отчеты въ ихъ изданіяхъ, не могутъ служить твердой основой для опредѣленія всей полученной революціонерами суммы.**)

Обращаясь теперь къ внутренней организаціи русской революціонной партіи, я долженъ сказать, что уже отмѣтилъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ тѣ свѣдѣнія, какія я имѣлъ объ отдѣльныхъ обществахъ. Здѣсь я сообщу кое- какія подробности. Къ важнѣйшимъ предпріятіямъ революціонеровъ всегда принадлежали тайныя типографіи вслѣдствіе крайней важности для нихъ періодической прессы***).

Уже во времена первыхъ стадій движенія, въ началѣ 60-хъ годовъ, тогдашніе революціонеры имѣли свою типографію, которая была обнаружена затѣмъ въ зданіи генеральнаго штаба, и въ которой въ 1861 г. печатался «Великоруссъ»; существовали тогда и другія тайныя типографіи, но работа въ нихъ продолжалась такое же короткое время, какъ и впослѣдствіи въ кружкахъ Ишутина, Нечаева и Долгушина. Чайковцы привезли изъ заграницы шрифтъ и прекрасную печатную машину, но не успѣли воспользоваться ею. Техническія трудности казались непреодолимыми: работа слишкомъ шумной, число людей слишкомъ велико, масса необходимой бумаги слишкомъ бросалась бы въ глаза. Возобновлять неудавшіяся попытки, значило жертвовать людьми. Только въ 1875 г. орга-

---

*) Значительную часть своего состоянія (конфискованнаго потомъ правительствомъ и переданнаго наслѣдникамъ) отдалъ также на дѣло П. Кропоткинъ. Л. Шишко.

**) Въ «Народной Волѣ» былъ данъ отчетъ о слѣд. суммахъ. Въ № 6, (съ 1 мая по 15 іюля 1881 г.) немного болѣе 22700 руб.; въ № 7 (съ 15 іюля по 1 дек. 1881 г.) свыше 8500 руб.; въ листкѣ Нар. Воли свыше 5700 р.; — въ «Черномъ Передѣлѣ», въ № 2, свыше 911; въ № 3 свыше 9500; въ № 4 свыше 2115 р. Общество Краснаго Креста Нар. Воли насчитывало въ своихъ 1-3 объявл. около 8000 р. дохода; другое общество за 2 мѣс. получило свыше 1775 руб.

***) «Подпольная Россія».

низаторскому таланту Я. Стефановича удалось устроить тайную типографію въ Кіевѣ и уже въ 1876 г. пустить ее въ ходъ*). Въ этомъ году всѣ прокламаціи, также какъ и чигиринскій подложный манифестъ съ уставомъ были напечатаны въ Россіи. Осенью 1877 года Стефановичъ былъ арестованъ, но его типографія была спасена и перевезена въ Одессу, гдѣ она по всей вѣроятности и погибла. Въ этомъ же году одинъ изъ видныхъ революціонеровъ, Аронъ Зунделевичъ изъ Вильно, привезъ изъ заграницы все необходимое для устройства типографіи и устроилъ первую свободную типографію въ Петербургѣ, которая могла правильно исполнять довольно значительныя работы. Она служила революціонерамъ 4 года и не была бы открыта, если бы случай не помогъ полиціи. Типографія держалась только благодаря большой осторожности. Изъ всей редакціи «Земли и Воли» мѣсто пребыванія типографіи зналъ только Кравчинскій; и онъ былъ на квартирѣ только одинъ разъ, чтобы помѣстить извѣстіе объ удачномъ бѣгствѣ Александра Михайлова въ первомъ же номерѣ газеты.**) Тамъ

---

*) Стефановичъ держалъ свою типографію въ большой тайнѣ. Со своими друзьями, Дейчемъ и Бохановскимъ, онъ нанималъ квартиру, въ которой жилъ, а наряду съ ней имѣлъ другую, тайную. Бохановскій былъ арестованъ первымъ и черезъ одного выпущеннаго изъ тюрьмы уголовнаго послалъ предупрежденіе Стефановичу, который гостилъ въ то время у одного помѣщика. Но посланецъ передалъ письмо полиціи. Тогда были арестованы и оба другіе товарища вмѣстѣ съ пріютившимъ ихъ помѣщикомъ. Необходимо было спасти типографію. Такъ какъ ея помѣщеніе не было извѣстно никому изъ другихъ революціонеровъ, то стоило большого труда дать имъ нужныя указанія. Еще труднѣе было вынести всѣ приборы изъ помѣщенія, не обративъ на это вниманія полиціи. Съ этой цѣлью ночью былъ снятъ слѣпокъ съ замка и на другой день къ хозяину явилась женщина съ мужемъ, объявившая, что она сестра Стефановича, съ которымъ будто бы видѣлась въ Кременчугѣ и который позволилъ ей, при проѣздѣ черезъ Кіевъ, остановиться на его квартирѣ. Въ доказательство она показала ключъ. У хозяина не было никакихъ основаній для подозрѣній; онъ позволилъ имъ прожить нѣсколько дней въ этой квартирѣ и при отъѣздѣ поблагодарилъ за полученный «на чай». Вскорѣ послѣ этого явилась полиція, но комната была уже очищена и только небольшое количество шрифта и корректуръ, найденное въ углу, подтвердили ея подозрѣнія, что здѣсь была типограгія.

**) Ал. Михайловъ былъ арестованъ, зайдя въ занятую полиціей квартиру. На улицѣ онъ вырвался и съ крикомъ «держи его! держи его!» бросился бѣжать. Толпа побѣжала вмѣ-

онъ нашелъ четырехъ лицъ. Хозяйкой квартиры была Марія Крылова, женщина 45 лѣтъ; она была сослана послѣ покушенія Каракозова, но счастливо бѣжала. Въ качествѣ горничной у нея была хорошенькая бѣлокурая дѣвушка. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ велъ молодой человѣкъ лѣтъ 26, молчаливый, съ аристократической наружностью; онъ былъ сынъ генерала и внукъ сенатора и считался чиновникомъ министерства, но въ своемъ портфелѣ проносилъ рукописи и корректурные листы запрещенной газеты. Другой наборщикъ (Лубкинъ) скрывалъ отъ товарищей свою фамилію и былъ извѣстенъ имъ подъ именемъ «птицы»; онъ покончилъ съ собою, когда послѣ четырехъ-часового отчаяннаго боя типографія «Народной Воли» была взята полиціей. Его положеніе было особенно трудное, потому что ради предосторожности онъ жилъ безъ паспорта, а потому долженъ былъ остерегаться, чтобы его не увидалъ дворникъ. Молодому фанатику было не болѣе 23 лѣтъ; но чахотка была написана у него на лицѣ; смертельная блѣдность покрывала его щеки, которыя не видѣли ни дневного свѣта, ни свѣжаго воздуха; у него были необыкновенно живые глаза, черные и блестящіе, какъ глаза газели съ выраженіемъ безконечной печали. Устройство типографіи было самое простое; нѣсколько ящиковъ съ шрифтомъ, маленькій цилиндръ изъ какого то упругаго вещества, обтянутый сукномъ, тяжелый цилиндръ, который служилъ валомъ для печатанія, двѣ бутылки типографской краски, пара щетокъ и губокъ. Все было приспособлено такъ, что въ четверть часа могло быть убрано въ большой стѣнной шкафъ. Для того, чтобы не возбудить въ дворникѣ подозрѣній, его подъ всякими предлогами часто зазывали въ эту комнату. Такимъ образомъ маленькій кружокъ жилъ среди лишеній и опасностей.

Редактированіе газеты находилось въ рукахъ особаго комитета. На собраніяхъ редакціи «Земли и Воли» между прочимъ принималъ участіе и Алекс. Михайловъ*); онъ настаивалъ, наряду съ полной согласованностью статей съ партійной программой, на хорошемъ слогѣ, на доказательности изложенія и, болѣе всего, на возможно большей краткости, что вообще рѣдко у русскихъ. Выходъ каждаго номера праздновался пирушкой. Къ 9 часамъ вечера редакція собиралась на квартирѣ Михайлова, гдѣ ско-

---

стѣ съ нимъ, думая, что онъ преслѣдуетъ вора. Такимъ образомъ ему удалось затеряться въ толпѣ. Свернувъ въ ближайшую улицу, онъ забѣжалъ въ первый попавшійся дворъ, но увидалъ, что этотъ дворъ окруженъ высокой стѣной. Тѣмъ не менѣе прежде чѣмъ явилась полиція, онъ нашелъ мѣсто, гдѣ можно было перелѣзть черезъ стѣну и такимъ образомъ ему удалось избѣжать погони.—«На Родинѣ» № 3 стр. 21.

*) «На Родинѣ» № 3 стр. 48.

ро начиналось скромное угощеніе. Михайловъ откупоривалъ бутылку коньяку, наливалъ каждому по рюмкѣ и тотчасъ-же пряталъ бутылку въ шкафъ, опасаясь, чтобы гости не выпили лишняго. Затѣмъ выступала на сцену какая то «рыбка» и чай съ сладкимъ печеньемъ. Для запоздавшихъ на окнѣ выставлялся «знакъ безопасности».

Какимъ же образомъ распространялись революціонныя изданія въ публикѣ? Поступали очень просто. Послѣ отпечатанія напр. «Народной Воли» одинъ изъ товарищей съ красивымъ чемоданомъ, наполненнымъ газетой, объѣзжалъ, конечно во II классѣ, важнѣйшіе города и раздавалъ довѣреннымъ лицамъ значительное количество экземпляровъ, которые распространяли ихъ дальше. Выставленная на газетѣ цѣна въ 25 или 35 коп. была только номинальная. Прокламаціи массами раскладывались по почтовымъ ящикамъ. Геся Гельфманъ служила такимъ странствующимъ городскимъ почтальономъ; ея большая сумка была всегда наполнена прокламаціями, газетами, билетами на концерты и балы въ пользу арестованныхъ или тайныхъ типографій. Послѣ ареста типографій, онѣ обыкновенно скоро возстановлялись. Такъ напр. въ іюнѣ 1882 г. была захвачена тайная типографія въ Москвѣ, а слѣдующей зимой уже была снова открыта тайная типографія въ Одессѣ. Наряду съ этими учрежденіями, въ которыхъ выковывалось духовное оружіе, существовали также, со времени революціонной агитаціи, цѣлые арсеналы настоящаго оружія, а со времени терроризма—склады взрывчатыхъ веществъ и химическія мастерскія, которыя по свидѣтельству Кибальчича и судя по результатамъ работъ, были образцовыми въ своей области. Такія лабораторіи существовали въ Петербургѣ, Одессѣ и другихъ мѣстахъ; еще очень недавно (іюнь 1882 года) была захвачена динамитная мастерская на Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ у ветеринара Прибылева, которому членъ Исполнительнаго Комитета Грачевскій досталъ денегъ, чтобы онъ могъ ускорить свою женитьбу на Розѣ Львовнѣ Гольдманъ и устроить въ своей квартирѣ «подготовительную школу» для обученія фабрикаціи бомбъ, какъ называлъ Грачевскій на судѣ эту динамитную мастерскую съ цѣлью уменьшить отвѣтственность обвиняемыхъ.

Передъ Московскимъ покушеніемъ уже упомянутый выше Ааронъ Зунделевичъ попробовалъ купить динамитъ въ Италіи и чрезъ Швейцарію и Германію ввести его въ Россію. Но попытка не удалась въ самомъ началѣ, и революціонеры принуждены были взять приготовленіе динамита въ свои руки. Это было очень опасное предпріятіе; такъ какъ матерьялы, необходимые для приготовленія динамита, издавали очень ѣдкій запахъ, то приходилось нанимать большую квартиру въ 3-4 комнаты съ водопроводомъ и въ верхнемъ этажѣ. Но и при этомъ

условіи работы революціонныхъ химиковъ часто не могли не обратить на себя вниманія другихъ квартирантовъ. Кибальчичъ напр. пролилъ однажды на полъ такъ много азотной кислоты, что въ нижнемъ этажѣ позолоченныя стѣнныя украшенія почернѣли, и управляющій домомъ въ испугѣ прибѣжалъ къ нему наверхъ. Кибальчичъ однако не впустилъ его въ комнату, заявивъ, что онъ готовъ вознаградить причиненные убытки. Въ другой разъ ночью у него произошелъ небольшой взрывъ, и хозяйку съ трудомъ удалось успокоить. Опаснѣе всего былъ другой взрывъ у него (или у Ширяева), когда на полу стояла масса бутылокъ съ нитроглицериномъ. Изъ числа искусныхъ химиковъ между террористами наиболѣе извѣстенъ изобрѣтательный Кибальчичъ, которому, какъ говорятъ, принадлежала самая идея смертоносныхъ бомбъ.—Исаевъ, Ширяевъ и Грачевскій были извѣстны, какъ хорошіе техники. Послѣдній послѣ убійства царя и ареста своихъ товарищей подготовлялъ, повидимому, другія покушенія. Значительное количество динамиту было доставлено морскими офицерами, начиная еще съ 1878 г. при неудачномъ покушеніи въ Николаевѣ. Наконецъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ Желябовъ упоминаетъ о какомъ то революціонномъ архивѣ,*) храненіе котораго онъ довѣрилъ проф. Драгоманову.

Другою важной задачей конспиративной дѣятельности, особенно въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ, была для революціонеровъ забота о собственной безопасности. Соціалистическая пропаганда, сама по себѣ, еще не сопровождалась большою опасностью и большею частью терпѣла неудачу вслѣдствіе неосторожности участниковъ. Но по мѣрѣ введенія въ программу агитаціи и террора и при условіи репрессивныхъ мѣръ со стороны правительства, стремленіе къ самосохраненію повело революціонеровъ къ принятію мѣръ предосторожности, которыя выработались въ цѣлую законченную систему. Самой ближайшей задачей было достать себѣ паспортъ. Нѣкоторые юноши, какъ напр., Александръ Михайловъ въ 1876 г. поступали въ университетъ вовсе не для того, чтобы слушать лекціи, которыя въ то время очень мало интересовали ихъ, а для того, чтобы получить студенческіе билеты и имѣть право жить въ столицѣ. Михайловъ одновременно записался на экзамены въ два высшихъ учебныхъ заведенія Петербурга, чтобы хоть отъ одного изъ нихъ получить студенческій билетъ. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ становится понятнымъ поведеніе правительства, которое требовало отъ студентовъ посѣщенія лекцій, а для контроля требовало предъявленія билетовъ при входѣ въ аудиторіи, чтобы студенческій билетъ не могъ служить прикрытіемъ для революціонной дѣятельности, —мѣра, кото-

*) «Вольное Слово» № 39 и 40.

рая при всей ея стѣснительности едва ли приноситъ желаемые результаты.

Для остальныхъ, не имѣвшихъ студенческихъ билетовъ, въ началѣ движенія, добываніе паспортовъ представляло свои трудности. Ихъ покупали и часто платили за нихъ большія деньги. Но вскорѣ революціонеры нашли, что гораздо проще фабриковать паспорта самимъ, и довели эту технику до высокой степени совершенства. Каждое революціонное общество имѣло свое паспортное бюро; оно само вырѣзало печати различныхъ государственныхъ учрежденій и штемпелевало ими самодѣльные паспорта.*) Ни одинъ русскій, посвящавшій себя революціи, не живетъ подъ своимъ собственнымъ именемъ и не сохраняетъ своего законнаго паспорта, потому что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы скоро узнанъ и скомпрометированъ. Большинство беретъ фальшивые паспорта и переходитъ на нелегальное положеніе. Настоящія имена нѣкоторыхъ изъ нихъ не выяснились даже на процессахъ. Нѣкоторые революціонеры, какъ напр. Халтуринъ, были узнаны по фотографической карточкѣ лишь послѣ того какъ уже были повѣшены; въ Кіевѣ былъ даже повѣшенъ «неизвѣстный», подъ именемъ Антонова. Нелегальные, конечно, не могутъ получать корреспонденцій на свое имя; во время Ишутинскаго заговора всѣ письма получались на имя гимназиста графа Т., жившаго у своей тетки графини Тр. въ домѣ сенатора К.; письма Нечаева проходили черезъ руки 16-ти лѣтней Вѣры Засуличъ. И въ настоящее время многіе солидные люди оказываютъ помощь революціонерамъ, помогая ихъ перепискѣ. Иногда письма приходятъ на вымышленное имя; письма шифруются или пишутся химическими чернилами; въ телеграммахъ примѣняются условныя выраженія, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: пришлите мнѣ столько то бутылокъ вина, т. е. столько-то фунтовъ динамита (письмо Гольденберга Кибальчичу). Далѣе вслѣдствіе своего нелегальнаго положенія, революціонеръ не долженъ давать окружающимъ никакого повода къ подозрѣніямъ своимъ образомъ жизни. Сначала полицейскій надзоръ въ городахъ былъ довольно слабъ; еще въ 1875 и 1876 г.г. въ большихъ студенческихъ коммунахъ изъ 3 комнатъ весь полъ былъ зачастую занятъ спящими, которые оставались ночевать послѣ ожесточенныхъ программныхъ споровъ, такъ что даже дворникъ, —какъ разсказывалъ А. Михайловъ —отворяя по утрамъ ставни такой квартиры, поражался необычайнымъ зрѣлищемъ и могъ толь-

---

*) Такое паспортное бюро съ «громадными ресурсами» было открыто полиціей въ Москвѣ 23 марта 1882 года на конспиративной квартирѣ И. Калюжнаго и Смирницкой. Тамъ было найдено 96 печатей, 119 чистыхъ паспортныхъ бланковъ и 30 готовыхъ видовъ на жительство.

ко произнести: «О, Господи!». Даже извощики знали, что у студентовъ «вечеринка» и по русскому обычаю собирались около дома, изъ котораго они надѣялись развезти по домамъ усталыхъ гостей. По улицамъ соціалисты ходили толпами. Но времена такой беззаботности въ революціонномъ мірѣ скоро кончились. Даже въ деревняхъ правительство учредило особую полицію въ видѣ урядниковъ, а въ крупныхъ городахъ все населеніе было отдано подъ надзоръ дворниковъ. Поэтому революціонеры стали устраивать свою жизнь такъ, что живя на квартирахъ, они правильно приходятъ и уходятъ изъ дома, какъ будто бы состоятъ на службѣ. Они не принимаютъ въ слишкомъ большомъ количествѣ гостей; посѣтители приходятъ къ нимъ по одиночкѣ, въ крайнемъ случаѣ по двое, да и то съ промежутками въ нѣсколько минутъ; большія собранія происходятъ обыкновенно на особыхъ, конспиративныхъ квартирахъ*). Въ Петербургѣ, передъ убійствомъ Александра II, посѣщались главнымъ образомъ двѣ конспиративныхъ квартиры, гдѣ жили Кибальчичъ и Исаевъ со своими товарищами-женщинами. Въ третьей квартирѣ, гдѣ жили Геся Гельфманъ и Саблинъ, Желябовъ выбиралъ метальщиковъ. Передъ покушеніемъ, Гельфманъ предусмотрительно перешла на другую квартиру, въ которой и собрались революціонеры послѣ рѣшительнаго удара. Конспиративныя квартиры требуютъ особыхъ условій. Въ окнахъ надо имѣть возможность легко выставлять и быстро мѣнять сигналы; въ противномъ случаѣ могутъ происходить большія несчастія. Такъ напр., когда въ квартирѣ Малиновской, въ 1878 г., знакъ безопасности не былъ во время снятъ, нѣсколько человѣкъ пришли въ квартиру и попались въ руки полиціи. Подобнымъ же образомъ въ февралѣ 1882 г., въ Москвѣ, въ квартирѣ одного изъ арестованныхъ, полиціи удалось устроить западню и захватить усердно разыскивавшагося Якова Стефановича. Стѣны комнаты должны быть достаточно толсты, двери должны хорошо затворяться, чтобы нельзя было подслушивать разговоровъ. Передъ дверью должна находиться площадка, съ которой можно было бы господствовать надъ всей лѣстницей, чтобы нѣсколько рѣшительныхъ и вооруженныхъ человѣкъ могли оказывать сопротивленіе жандармамъ, пока бумаги и другія подозрительныя вещи не будутъ уничтожены. Конспиративныя квартиры по большей части содержали въ себѣ цѣлый арсеналъ оружія; такъ, напримѣръ, при взятіи типграфіи «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ, 17 января 1880 г. каждый изъ защищавшихъ квартиру былъ вооруженъ 2 револьверами: дюжина жандармовъ должна была отступить и пришлось привести солдатъ; въ общемъ тогда было выпущено до 80-100 выстрѣловъ.

*). «На Родинѣ» № 3, стр, 36 и въ др. м.

Вообще, вслѣдствіе нелегальнаго положенія приходилось принимать массу предосторожностей. Большинству, конечно, надоѣдало это постоянное наблюденіе за собой; но Александръ Михайловъ, еще съ 1877 г. энергично боровшійся противъ господствовавшей среди революціонеровъ неконспиративности и получившій за это шутливое прозвище дворника, называлъ такую небрежность прямо таки нечестностью и недостаткомъ преданности революціонному дѣлу. Онъ иногда ходилъ за товарищемъ по улицѣ и слѣдилъ, принимаетъ ли онъ всѣ необходимыя мѣры; или же вдругъ останавливалъ кого-нибудь и заставлялъ прочесть издали вывѣску. Если товарищъ оказывался близорукимъ, то онъ не отставалъ отъ него, пока тотъ не покупалъ себѣ очки. Точно также онъ настаивалъ на приличной одеждѣ. Костюмъ нигилиста 60 и 70 годовъ хорошо извѣстенъ намъ по картинкамъ; высокіе сапоги, плэдъ и синія очки часто служили мишенью нашихъ насмѣшекъ*). Но такое одѣяніе, немедленно же выдававшее образъ мыслей своего обладателя, можно было носить только во времена полицейской безпечности или пока совѣсть была чиста отъ противозаконныхъ дѣйствій. Когда же настало время безчисленныхъ и произвольныхъ арестовъ, этотъ фантастическій костюмъ сталъ привлекать вниманіе жандармовъ и шпіоновъ. Тогда уже лучше было израсходовать нѣсколько лишнихъ рублей, чѣмъ подвергать себя излишней опасности. Среди землевольцевъ, Александръ Михайловъ былъ самымъ усерднымъ приверженцемъ приличнаго костюма. Если какой-нибудь членъ партіи оправдывался тѣмъ, что у него не было денегъ для этого, А. Михайловъ на другой же день доставлялъ ему денегъ и сообщалъ ему адресъ дешеваго портного. Когда терроръ былъ въ полномъ разгарѣ, нѣкоторые революціонеры окружали себя даже роскошной обстановкой. Убійца Мезенцова жилъ по паспорту князя N, выдавалъ себя за служащаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и награждалъ дворника щедрыми подачками, когда тотъ спѣшилъ помочь «его сіятельству» выйти изъ экипажа. Даже Соловьевъ, о которомъ говорятъ, что онъ всегда одѣвался бѣдно и небрежно, передъ покушеніемъ обзавелся черной парой. Но забота Михайлова, очевидно не могла простираться на всѣхъ революціонеровъ, ибо по другимъ описаніямъ, одежда нѣкоторыхъ изъ нихъ была очень жалкаго свойства, что, конечно, и неудивительно, потому что многіе изъ нихъ не имѣли даже постояннаго жилища, а ихъ жены больше занимались рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, чѣмъ починкой платья.

Алекс. Михайловъ жилъ, какъ «краснокожій во время вой-

---

*) Этотъ костюмъ нигилиста аналогиченъ съ старонѣмецкимъ костюмомъ буршей.

ны». При каждомъ удобномъ случаѣ онъ старался подойти поближе къ шпіонамъ и запомнить ихъ лица, чтобы имѣть возможность оберегаться отъ нихъ. Онъ умѣлъ сразу же отличить ихъ въ толпѣ. У него былъ списокъ 300 проходныхъ домовъ и дворовъ и благодаря этому знанію онъ часто спасалъ и себя и товарищей. Чтобы замести слѣды своихъ странствованій по Петербургу, революціонерамъ часто приходится мѣнять по два и по три извощика, и дѣлать большіе концы по городу. Они также часто мѣняютъ свои адреса, вслѣдствіе чего, чтобы узнать адресъ пріятеля въ Петербургѣ, иногда нужно бываетъ съѣздить въ Кіевъ и обратно. Самой важной задачей является, конечно, спасеніе революціонеровъ-убійцъ, которыхъ полиція усерднѣе всего преслѣдуетъ. Для этого существуетъ цѣлый рядъ укрывателей, какъ среди аристократовъ, такъ въ среднемъ сословіи и въ чиновничествѣ*). Тотъ же Алекс. Михайловъ отличался необычайнымъ искусствомъ отыскивать ночлеги. Его познанія въ этой области принесли многимъ пользу, и въ томъ числѣ убійцѣ Мезенцова. Прежде всего онъ повелъ его къ чиновнику М. В. Д., преданному ученику Чернышевскаго, который теоретически раздѣлялъ взгляды революціонеровъ и считался самымъ надежнымъ укрывателемъ. Но онъ оказался настолько нервенъ, что ночью безпрестанно вскакивалъ, думая, что идутъ жандармы. Другой укрыватель былъ замѣшанъ въ заговорѣ 1861 г. въ Казани; онъ много разъ привлекался полиціей, но уличить его она ни въ чемъ не могла. Онъ относился скептически къ новому движенію, но симпатизировалъ ему и помогалъ очень ловко, устраивая переписку, организуя доставку книгъ и журналовъ, собирая ежемѣсячные взносы и т. п. Онъ былъ неподражаемъ, какъ укрыватель, и какъ разъ въ этотъ день справлялъ десятилѣтній юбилей своей дѣятельности. Онъ скрывалъ у себя сначала Вѣру Засуличъ, потомъ Софью Перовскую. Но спрятавъ у себя Кравчинскаго, онъ черезъ нѣсколько дней явился домой съ серьезнымъ видомъ и заявилъ, что онъ чувствуетъ, что будетъ обыскъ; и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ того явилась полиція, чтобы нанести ему «санитарный визитъ». Третьимъ укрывателемъ Кравчинскаго была 70-лѣтняя старуха датчанка. Она мирно прожила свою долгую жизнь, пока принцесса Дагмара не сдѣлалась наслѣдницей русскаго престола. Ей пришло тогда въ голову сдѣлать своего мужа придворнымъ чиновникомъ. Она обратилась за протекціей къ датскому послу, который, понятно, отказалъ ей; тогда она сдѣлалась нигилисткой. Свою революціонную карьеру она начала съ того, что прятала для знакомыхъ студентовъ запрещенныя книжки, получала ихъ корреспонденцію и наконецъ стала ук-

*) См. «Подпольную Россію».

рывать преслѣдуемыхъ лицъ. Она надѣялась, что террористы только начинаютъ съ Трепова и Мезенцева, а кончатъ непремѣнно датскимъ посломъ; онъ ей казался самымъ преступнымъ изъ всѣхъ должностныхъ лицъ. Ея старикъ мужъ, котораго она держала въ полномъ подчиненіи, долженъ былъ доставлять ей послѣднія извѣстія изъ полиціи. Въ той же книгѣ разсказывается, какъ какая то старая княгиня, послѣ убійства Александра II, скрывала у себя въ теченіи нѣсколькихъ дней пріятельницу Софьи Перовской по рекомендаціи этой послѣдней, хотя многіе стали съ этого времени очень боязливы и не давали пріюта даже своимъ лучшимъ знакомымъ.

Но, несмотря на всѣ предосторожности, кажется, только небольшая кучка революціонеровъ могла избѣжать на долгое время ареста. Мнѣ предстоитъ теперь задача изобразить обращеніе съ подслѣдственными, осужденными и высланными въ административномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, у историка нѣтъ въ этомъ случаѣ почти никакого матерьяла; только разъ, во время господства гр. Лорисъ Меликова, когда рабское русское общество начало дышать свободнѣе, русскія газеты начали было сообщать кое что о тюрьмахъ и Сибири, причемъ «Правительственный Вѣстникъ» удостоивалъ ихъ иногда своими опроверженіями, которыя, впрочемъ, по существу, подтверждали все, что сообщалось въ подпольной печати. Эти сообщенія на самомъ дѣлѣ возбуждаютъ ужасъ. Вся грубость и примитивность государственныхъ учрежденій Россіи, вся жестокость и произволъ чиновничества ярко обрисовываются здѣсь и вызываютъ самое строгое осужденіе, если даже принять во вниманіе, что юные революціонеры не были, конечно, такими заключенными, съ которыми было легко ладить. Начнемъ съ подслѣдственныхъ арестованныхъ. Въ какой другой странѣ было бы возможно, чтобы Кибальчичъ и его товарищи пробыли до 3-хъ лѣтъ въ предварительномъ заключеніи, когда все обвиненіе противъ Кибальчича, напримѣръ, заключалось въ томъ, что онъ далъ какую то брошюру крестьянину и хранилъ у себя связку запрещенныхъ книгъ. Гдѣ въ Европѣ было бы возможно, чтобы женщинъ обыскивали и раздѣвали въ присутствіи жандармовъ, или чтобы ихъ обыскивали и раздѣвали сами жандармы, при чемъ не было недостатка въ грубыхъ шуткахъ?*) Въ какой другой странѣ арестованныя женщины, какъ напр. Ивановская, взятая въ іюнѣ 1882 г. въ тайной типографіи, стали бы выдавать себя за членовъ Исполнительнаго Комитета, съ цѣлью придать своему преступленію большую важность, добиться этимъ перевода въ Петербургъ и достигнуть лучшаго обращенія? Гдѣ было бы возможно, чтобы нерв-

---

*) «На Родинѣ» № 2 стр. 67, № 3 стр. 68 и «Черный Передѣлъ» № 2 стр. 15.

нымъ арестованнымъ, какъ напр. Исаеву, стали систематически мѣшать спать, чтобы довести его до такого возбужденія, при которомъ можно было бы разсчитывать на компрометирующія показанія?!

Осужденные въ каторжныя работы находятся въ очень тяжеломъ положеніи, особенно если они отбываютъ свое наказаніе въ одной изъ центральныхъ тюремъ Россіи. Одна изъ нихъ находится въ Новобѣлгородѣ около Харькова; отсюда еще въ 1878 г., значитъ еще до начала покушеній на царя, осужденные пропагандисты обратились съ воззваніемъ къ русскому обществу, являющимся замѣчательнымъ документомъ въ исторіи русской тюрьмы*). Я позволяю себѣ привести изъ этого воззванія нѣсколько картинъ. Вотъ напр., Плотниковъ, осужденный по Долгушинскому дѣлу; онъ лежитъ на доскахъ, покрытыхъ тонкимъ войлокомъ, безъ подушки и одѣяла, въ своей полутемной камерѣ, окна которой до половины замазаны черной краской; многолѣтнее одиночное заключеніе и всевозможныя лишенія истощили его до послѣдней степени. Чтобы разсѣяться, онъ встаетъ съ своего жесткаго ложа и, прохаживаясь по камерѣ, слабымъ голосомъ начинаетъ декламировать слова любимаго поэта. Дверь отворяется и входитъ смотритель: «Какъ ты смѣешь декламировать? Здѣсь должна быть полная тишина! Я прикажу заковать тебя!» Напрасно заключенный указываетъ, что онъ уже отбылъ законное время въ цѣпяхъ и что, согласно свидѣтельству врача, онъ боленъ— ничто не помогаетъ, на него надѣваютъ цѣпи (въ февр. 1878 года). Еще большее преступленіе совершилъ въ 1877 г. Александровъ. До него издали донеслось пѣніе крестьянъ и нашло откликъ въ его сердцѣ; онъ громко запѣлъ. Когда онъ уже давно пересталъ пѣть, къ нему взошелъ смотритель со словами: Кто тебѣ позволилъ пѣть? Развѣ ты забылъ, кто ты такой? Вотъ я тебѣ напомню!— и ударилъ его кулакомъ въ лицо. Подобный же произволъ господствовалъ въ выборѣ чтенія. Сегодня разрѣшаютъ Спенсера, завтра запрещаютъ; сегодня разрѣшаютъ чтеніе Теккерея, завтра объявляютъ: «Чтеніе романовъ — развлеченіе, а тюрьма — мѣсто страданій!» Даже во времена Николая I декабристы въ Сибири могли читать всѣ разрѣшенныя цензурой книги и журналы; во времена Александра II газеты были уже запрещены, а выборъ книгъ отданъ на произволъ смотрителя тюрьмы. Даже самымъ опаснымъ уголовнымъ преступникамъ жилось лучше въ тюрьмѣ: они сидѣли по крайней мѣрѣ по нѣсколько человѣкъ въ одной и той же камерѣ. Самымъ суровымъ наказаніемъ въ Новобѣлгородской тюрьмѣ былъ карцеръ, въ который Сѣрякова, напр., посадили

*) «Заживо погребенные» перепечатано въ Общемъ Дѣлѣ № 16, ок. 1878 г.

за то, что онъ не поклонился стоявшему вдали смотрителю. Карцеръ—это клѣтка, совершенно темная и такая узкая, что человѣкъ только согнувшись можетъ въ ней помѣститься; она находится за отхожими мѣстами; посудина съ экскрементами рѣдко выносится изъ нея, такъ что выходящій оттуда съ трудомъ держится на ногахъ отъ дурноты.

Непривлекательныя вещи сообщаетъ также «Народная Воля» въ 1882 г. объ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавлоской крѣпости.*) Камеры, въ которыхъ сидятъ осужденные, темны, холодны и сыры, какъ могила; окна замазаны краской и даютъ такъ мало свѣта, что огонь тушатъ только часа на 2 въ день. Пища состоитъ изъ щей и каши за обѣдомъ и куска чернаго хлѣба утромъ и вечеромъ. Печи, даже при русскихъ холодахъ, топятся разъ въ три дня, иногда и рѣже; стѣны поэтому сырыя и на полу буквально стоятъ лужи. Заключенные сидятъ въ нижнемъ бѣльѣ и арестантскихъ халатахъ. Прогулки разрѣшены только черезъ день и то на четверть часа. Больше у нихъ нѣтъ никакихъ развлеченій. Когда однажды Зубковкій сдѣлалъ себѣ кубики изъ хлѣба, чтобы повторить стереометрію, у него ихъ отняли, сказавъ, что отбывающимъ наказаніе запрещены всякія развлеченія. Такъ живутъ они, какъ въ могилѣ; а такъ какъ самоубійство кажется въ такихъ случаяхъ неизбѣжнымъ, то въ камеру еще сажаютъ иногда для наблюденія солдата или жандарма, которые дѣлаютъ совершенно невыносимымъ существованіе. Если заключенный начинаетъ что нибудь разсматривать, жандармъ вскакиваетъ и допрашиваетъ, на что онъ смотритъ. Слѣдятъ за каждымъ движеніемъ рукъ и головы. У жандарма находится полотенце и платокъ, которымъ заключенные и пользуются, когда понадобится. Болѣзни, сумасшествія, попытки самоубійства, смерть—неизбѣжны при такихъ обстоятельствахъ. По календарю Народной Воли съ 1875 по 1882 г. въ тюрьмахъ и ссылкѣ умерло 76, а въ эмиграціи 6 революціонеровъ.

Единственнымъ и крайнимъ средствомъ противъ такого обращенія являются голодные бунты, какіе происходили часто въ Петербургѣ, въ Харьковѣ, въ Сибири и еще недавно, 12 дек. 1882 г., въ Одессѣ. Поводъ къ послѣднему заключенные**) изображаютъ такимъ образомъ. Одинъ рабочій просилъ, чтобы его перевели на больничную порцію; но тюремный врачъ закричалъ на него: «Вы рабочій; больничная порція стоитъ 70 коп.; обойдетесь и безъ нея!» Другой заключенный, студентъ, просилъ лѣкарства противъ развивавшейся на рукѣ опухоли; тотъ же врачъ отвѣтилъ: «А вы сосите руку, времени у васъ

---

*) «На Родинѣ» № 1; въ выдержкахъ сообщено мною въ Берлинскомъ Еженедѣльникѣ «Gegenwart» 1882 г. № 28.

**) Прокламація заключенныхъ, «На Родинѣ» № 3.

для этого достаточно!» Когда тотъ же паціентъ хотѣлъ черезъ нѣкоторое время пригласить другого врача, тюремный врачъ сказалъ ему: «Вамъ не врача надо, а палача!» Послѣдній поводъ къ возмущенію подалъ смотритель, который отправилъ въ карцеръ больного въ послѣдней стадіи чахотки за то, что тотъ попросилъ у него постель. Тогда заключенные сдѣлали послѣднюю попытку и пригласили къ себѣ полицiймейстера. Но полицiймейстеръ не только не исполнилъ ихъ просьбы, но еще и обругалъ ихъ. Тогда началась голодовка; заключенные не хотѣли принимать пищи, пока не будутъ исполнены ихъ слѣдующія 5 требованій: правильная топка печей, потому что въ камерахъ было холодно и сыро; выдача постелей всѣмъ, не однимъ только дворянамъ, такъ какъ не дворяне должны были лежать на сыромъ и холодномъ полу; прогулки по двое, а не одиночныя; помѣщеніе лампъ въ камерахъ, а не въ коридорѣ; человѣческое обращеніе. Смотритель не смутился однако этимъ «бунтомъ», но замѣтилъ съ хладнокровіемъ опытнаго чиновника: «Это ничего не значитъ, это не новость; мы будемъ кормить ихъ съ помощью клистировъ!»

Въ Сибири осужденнымъ, повидимому, нисколько не хуже, чѣмъ въ центральныхъ тюрьмахъ.*) Каторжныхъ работъ не требуютъ слишкомъ тяжелыхъ; эта работа даетъ скорѣе поводъ къ движенію и развлеченію. Напротивъ того, тѣснота помѣщенія въ карійской тюрьмѣ (въ Забайкальѣ) совершенно невыносима; это обыкновенная, только окруженная высокимъ заборомъ, деревянная казарма; стульевъ и столовъ нѣтъ; только нары, на которыхъ заключенные спятъ тѣсно другъ около друга. Пища состоитъ собственно изъ одного хлѣба, потому что супъ не что иное, какъ горячая вода, съ прибавкой ничтожнаго количества крупы. Чай пьютъ утромъ и вечеромъ, но сахаръ дается только вечеромъ. Хозяйство ведется на общій счетъ, всей артелью, которой, хотя и разрѣшено улучшать свою пищу, но она не можетъ дѣлать этого за неимѣніемъ средствъ. Больницы нѣтъ, и больные лежатъ вмѣстѣ съ здоровыми на нарахъ; лѣчатъ ихъ врачи изъ товарищей. Наилучшее утѣшеніе для нихъ—полученіе книгъ и газетъ; единственная надежда—возвращеніе на родину. Эта надежда такъ велика, что заключенные постоянно находятся въ экзальтированномъ состояніи. Вслѣдствіе распоряженія гр. Лориса-Меликова, отъ 15 дек. 1880 г., положеніе заключенныхъ существенно ухудшилось. Было уничтожено различіе между кончившими и некончившими срокъ испытанія, и многіе уже вышедшіе въ вольную команду были снова закованы въ цѣпи. Затѣмъ всѣ каторжане должны были быть въ цѣпяхъ не толь-

*) Перевозку туда и пребываніе тамъ я описалъ по «Народной Волѣ» въ Gegenwart 1882 г. № 58.

ко на работѣ, но и въ тюрьмѣ; наконецъ, была запрещена переписка съ родными.

Во многихъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ каторжанамъ, живется сосланнымъ на поселеніе на далекій сѣверъ Сибири, напр., въ Якутскую область. «Мы живемъ въ темнотѣ и зажигаемъ свѣтъ только въ продолженіи полутора-двухъ часовъ, чтобы читать; мы не можемъ тратить больше денегъ на освѣщеніе: хлѣба мы не ѣдимъ, питаемся только рыбой; добыть мяса невозможно», пишетъ одинъ изъ ссыльныхъ. Нѣсколько лучше положеніе ссыльныхъ въ городахъ.

Наряду съ подслѣдственными и осужденными слѣдуетъ обратить вниманіе въ Россіи еще на многочисленную категорію находящихся подъ надзоромъ полиціи и административно-ссыльныхъ. Инструкція гр. Игнатьева, отъ 12 марта 1882 г., возбудила въ Европѣ всеобщее вниманіе, хотя совершенно незаслуженно, потому что по существу она только кодифицируютъ массу прежнихъ тайныхъ циркуляровъ. Люди, «образъ мыслей» которыхъ кажется «опаснымъ», могутъ быть въ Россіи по произволу обысканы, арестованы и отданы подъ надзоръ полиціи. При этомъ имъ запрещаются извѣстныя занятія и служба въ государственныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ; запрещается также продолжать образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ и занимать мѣста въ частныхъ или акціонерныхъ предпріятіяхъ—короче говоря, существованіе дѣлается для нихъ невозможнымъ. Или же ихъ ссылаютъ административнымъ порядкомъ, безъ всякаго суда, въ Сибирь и въ отдаленныя губерніи. Говорятъ, что такихъ сосланныхъ во времена Лорисъ-Меликова было 1696 человѣкъ,*) а при Игнатьевѣ—2836; но, вѣроятно это число еще больше. Коммиссія, учрежденная при министерствѣ юстиціи, разсмотрѣла 1500 такихъ дѣлъ, причемъ въ 600 случаяхъ не оказалось достаточныхъ причинъ, чтобы даже начать слѣдствіе.**) Другая коммиссія нашла, что ¼ обвиненій основано на ложныхъ доносахъ. Съ теченіемъ времени число лицъ, предававшихся

---

*) «Вольное Слово». № 21. Весною 1883 г., по поводу ожидаемой коронаціи, изъ одной Москвы было выслано административно очень много лицъ въ восточныя и западныя губерніи Россіи.

**) Въ январскомъ № «Вѣстника Европы» за 1883 г. опубликованъ оффиціальный циркуляръ временнаго виленскаго Полевого Аудиторіата (при генералъ-губернаторѣ Фонъ-Кауфманѣ), отъ 14 окт. 1865 г., губернаторамъ 6 литовско-бѣлорусскихъ губерній, документально подтверждающій произволъ и жестокость Муравьева—Вѣшателя. Желательно бы было получить подобные же документы и о властителяхъ послѣдняго времени.

суду, становилось все меньше сравнительно съ числомъ подвергшихся административнымъ карамъ. Правительство просто не хочетъ привлекать такъ много вниманія, какъ это неизбѣжно бываетъ при судебныхъ процессахъ, и предпочитаетъ избавляться отъ подозрительныхъ лицъ безъ шума, полицейскими мѣрами. Такимъ образомъ тысячи лицъ тайно ночью отрываются отъ семьи и заключаются въ тюрьму, гдѣ ихъ держатъ, сколько заблагоразсудится, а затѣмъ, не сообщая куда и за что, ссылаютъ за тысячи верстъ, выпуская на свободу гдѣ-нибудь въ юртахъ якутовъ или остяковъ. Многія жены и матери долгое время даже не знаютъ, гдѣ находятся ихъ близкіе.

Иной читатель, можетъ быть, воскликнетъ: эти разсказы революціонныхъ изданій преувеличены! На это я позволю себѣ замѣтить, что я передаю далеко не все, что сообщается въ этихъ изданіяхъ; тамъ разсказываются еще гораздо худшія вещи.

Однако такая варварская система, какъ русская, не можетъ быть осуществлена во всей полнотѣ, не подвергаясь на практикѣ частымъ нарушеніямъ. Положеніе заключенныхъ облегчается тѣмъ, что иногда они завязываютъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, гдѣ всегда найдутся товарищи, занимающіеся спеціально этими сношеніями. Софья Перовская, напр., довольно долго жила въ Харьковѣ и доставляла заключеннымъ платье, деньги и газеты. Вначалѣ 1882 г. открылось, что заключенные въ Петропавловской крѣпости вели при помощи караульныхъ солдатъ, находившихся подъ вліяніемъ Нечаева, правильную корреспонденцію со своими товарищами на волѣ. Товарищеская привязанность, а также желаніе вернуть къ дѣятельности осужденныхъ революціонеровъ, часто вызывала цѣлыя экспедиціи для ихъ освобожденія изъ Сибири. Еще въ періодъ соціалистической пропаганды Мышкинъ, переодѣтый жандармскимъ офицеромъ, пробрался до мѣста заключенія Чернышевскаго съ цѣлью освободить его, но былъ заподозренъ мѣстнымъ начальствомъ и арестованъ. Послѣ убійства Александра II, Юрій Богдановичъ, руководившій подкопомъ подъ Малой Садовой, ѣздилъ въ Сибирь и организовалъ побѣгъ Клименко. Вообще, ultimo ratio заключенныхъ и ссыльныхъ — бѣгство. Календарь Народной Воли насчитываетъ съ 1861 по 1874 годъ 11 побѣговъ, а 1876 по 1882 г.—65; всего, слѣдовательно, 76; причемъ было еще 35 неудавшихся побѣговъ; кромѣ того было еще 7 особенно смѣлыхъ попытокъ къ побѣгу. Особенно благопріятны для этого обстоятельства въ Сибири; всякій, у кого тамъ есть достаточно денегъ, можетъ бѣжать. Наиболѣе замѣчательно было бѣгство Брешковской и ея троихъ товарищей (Тютчевъ, Шамаринъ, Линевъ, умершій въ 1887 г.) изъ Баргузина въ 1881 году. Ихъ

преслѣдовали казаки на разстояніи 180 верстъ, среди непроходимыхъ лѣсовъ Забайкалья; бѣглецы переходили вбродъ быстрыя рѣки, передъ которыми съ изумленіемъ останавливались преслѣдователи, взбирались на крутые утесы, въ которыхъ вырубали своими топорами ступени, и были схвачены только потому, что ихъ покинулъ проводникъ*). Такъ же несчастливо кончился побѣгъ Мышкина и его 7 товарищей (Хрущевъ, Юрковскій, Минаковъ, М. Диковскій, Левченко, Крыжановскій, Баламезъ) въ маѣ 1882 г.; Мышкинъ и Хрущевъ были схвачены уже въ Владивостокѣ, когда ждали американскаго парохода. Судьба пойманныхъ бѣглецовъ печальна; обыкновенно наказаніе ихъ удваивается. Товарищамъ ихъ также приходится испытывать месть начальства. Послѣ побѣга Мышкина на Карѣ происходили возмутительныя вещи. Политическихъ заключенныхъ избили, связали, обрили имъ головы, отняли книги, свое платье, даже стулья, столы и нары, такъ что они должны были спать на голомъ полу. Ихъ лишили прогулокъ, разгородили тюрьму на нѣсколько отдѣльныхъ камеръ, изъ которыхъ не выносили параши; полученныя ими книги и деньги конфисковались до покрытія расходовъ на поимку бѣглецовъ. Вслѣдствіе этого въ маѣ 1882 г. на Карѣ произошла многодневная голодовка**).

Дурное обращеніе съ заключенными и ссыльными всегда возбуждало состраданіе въ русскомъ обществѣ. Съ самыхъ первыхъ временъ соціалистической пропаганды, среди учащейся молодежи, при помощи нѣкоторыхъ дамъ, образовывались кружки для устройства всякаго рода сборовъ въ пользу политическихъ заключенныхъ. Эта дѣятельность расширялась по мѣрѣ того, какъ увеличивались преслѣдованія. Наконецъ, лѣтомъ 1881 г., при дѣятельномъ участіи Юрія Богдановича,

*) «На Родинѣ» № 1 и 3.

**) Эта месть политическимъ заключеннымъ за побѣгъ Мышкина и его товарищей,—месть, которою руководилъ пріѣхавшій тогда въ Забайкалье Галкинъ-Врасскій и забайкальскій губернаторъ Ильяшевичъ, вызвала выстрѣлъ въ Ильяшевича со стороны Марьи Игнатьевны Кутитонской, осужденной въ каторжныя работы по одесскому процессу 1879 года. Вскорѣ послѣ дикой расправы въ мужской политической тюрьмѣ, Кутитонская кончила срокъ каторги и была переведена на поселеніе въ Баргузинъ. Но только что освободившись изъ тюрьмы эта еще молодая тогда дѣвушка рѣшилась бѣжать, чтобы добраться до Читы и выстрѣлить въ Ильяшевича. Рана, нанесенная ею Ильяшевичу, была неопасна. Военный судъ приговорилъ Кутитонскую къ смертной казни. Казнь была замѣнена ей вѣчной каторгой, гдѣ она и умерла въ 1887 г. 32 лѣтъ отъ роду. Л. Ш.

сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ, былъ основанъ Красный Крестъ Народной Воли для сбора пожертвованій и для устройства побѣговъ. Даже заграницей, главнымъ образомъ Стефановичемъ, было организовано отдѣленіе этого Краснаго Креста; его представителями въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ были Засуличъ, Лавровъ и Чайковскій. Въ пользу этого общества были изданы 4 біографіи: Желябова, Перовской, Ал. Михайлова и Гриневицкаго, и 3 выпуска «На Родинѣ».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ДВУМЪ ПОСЛѢДНИМЪ ГЛАВАМЪ.

I

Въ VII и VIII главахъ книги Туна излагается періодъ народовольческаго движенія, очень богатый внѣшними событіями и очень важный по своему внутреннему содержанію. Тогда именно произошелъ извѣстный поворотъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, который подготовлялся еще съ конца 1877 г. Съ фактической стороны, этотъ поворотъ выразился въ томъ, что почти всѣ революціонныя силы были отвлечены тогда отъ своей прежней, сравнительно медленной, подготовительной работы въ деревняхъ, а также отъ своей работы по распространенію соціалистическихъ идей среди городскихъ рабочихъ, и были направлены на гораздо болѣе рѣшительную революціонную борьбу, съ гораздо болѣе опредѣленной революціонной программой. Теперь намъ предстоитъ, во первыхъ, выяснить съ большей опредѣленностью, чѣмъ это сдѣлано у Туна, основной характеръ происшедшей тогда перемѣны въ революціонныхъ теоріяхъ и взглядахъ, поскольку эта перемѣна раскрывается для насъ въ программныхъ статьяхъ того времени, а во вторыхъ—выяснить объективное значеніе, дѣйствительный историческій смыслъ происшедшаго тогда перелома въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Пытаясь охарактеризовать, со стороны ихъ теоретическихъ взглядовъ, два образовавшихся тогда революціонныхъ направленія: народовольческое и чернопередѣльческое, Тунъ справедливо указываетъ на то, что народовольцы исходили въ своей программѣ изъ мысли о *невозможности* широкой пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи при полномъ отсутствіи въ ней политической свободы, о невозможности вести въ Россіи соціалистическую агитцію, даже опираясь на сознанныя потребности рабочихъ массъ, при полномъ произво-

лѣ всемогущей тайной полиціи. Отсюда дѣлался выводъ о необходимости предварительнаго завоеванія извѣстныхъ политическихъ гарантій, т. е. прямо и открыто ставился политическій вопросъ, какъ ближайшая задача революціонной партіи.

Но, какъ извѣстно, такая опредѣленная постановка политическаго вопроса встрѣчала тогда противъ себя очень прочно укоренившееся предубѣжденіе. Это не значило, конечно, чтобы противники такой постановки могли возразить что-нибудь по существу противъ самой политической свободы; чернопередѣльцы, напр , даже прямо оговаривались, что высоко цѣнятъ стремленіе къ политической свободѣ, какъ «результатъ нашего прогрессивнаго развитія, продуктъ нашего общественнаго самосознанія» («Черный Передѣлъ», № 1, стр. 12); но тѣмъ не менѣе они отрицали, чтобы вопросъ о завоеваніи политической свободы былъ вопросомъ ближайшаго времени, чтобы въ немъ заключалась та неотложная практическая задача, разрѣшеніе которой должна была взять на себя революціонная соціалистическая партія въ Россіи. Авторъ уже извѣстнаго намъ «Письма къ бывшимъ товарищамъ», о которомъ упоминаетъ Тунъ, находитъ даже «весьма странной, чтобы не сказать больше», увѣренность своихъ противниковъ «въ необходимости въ *данный моментъ* политическаго переворота въ Россіи». «Увѣренность ваша въ этомъ отношеніи» — говоритъ онъ — «доходитъ даже до того, что вы не церемонитесь называть *предразсудкомъ, боязнью собственной мысли* всякое мнѣніе, несогласное съ вашимъ».

Мы видимъ слѣдовательно, что этотъ очень простой для настоящаго времени вопросъ вовсе не казался такимъ простымъ для участниковъ болѣе ранняго періода нашего революціоннаго движенія. Для нихъ тогда являлся еще далеко не рѣшеннымъ вопросъ о ближайшихъ результатахъ политическаго переворота въ Россіи, а также и гораздо болѣе общій вопросъ о роли политическихъ переворотовъ въ ходѣ всей исторіи. Въ рамкахъ этихъ именно двухъ вопросовъ и вращалась тогда теоретическая полемика между двумя обособившимися революціонными фракціями.

По мнѣнію тогдашнихъ чернопередѣльцевъ, свободныя формы политической жизни, сами по себѣ, еще вовсе не всегда и не безусловно служатъ народному дѣлу; для чернопередѣльцевъ еще существовалъ тогда вопросъ о «чисто-политической революціи», какъ о вещи въ высшей степени подозрительной; они, какъ мы видѣли, съ ироніей говорятъ объ *увѣренности* своихъ бывшихъ товарищей въ необходимости политическаго переворота для Ростіи и не колеблясь заявляютъ, что, дѣйствительно, «заражены тѣмъ непріятнымъ» для ихъ бывшихъ товарищей «предразсудкомъ», въ силу котораго, при извѣст-

ныхъ условіяхъ. позволительно «отрицать политическую борьбу и политическіе перевороты» («Черн. Пер.» № 1, стр. 10).

Легко замѣтить, что въ этомъ взглядѣ чернопередѣльцевъ еще сильно сказывались тогда слѣды того недовѣрія къ такъ называемымъ чисто-политическимъ революціямъ, о которомъ мы уже говорили выше, какъ о характерной чертѣ всего революціоннаго міросозерцанія начала 70-хъ годовъ, и притомъ — какъ о чертѣ, свойственной не только русскому, но, въ извѣстный періодъ, и западноевропейскому соціалистическому движенію (см. выпускъ II, стр. 93). «Историческій опытъ учитъ насъ» — читаемъ мы по этому поводу въ «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ» — «что реорганизація общества на болѣе справедливыхъ основаніяхъ возможна лишь при помощи экономической, соціальной революціи, что политическіе перевороты *нигдѣ* и *никогда* не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалы политической свободы — верховное право народа, всеобщее избирательное право—во имя которыхъ еще такъ недавно совершались политическія революціи, въ настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе».

Въ этомъ полу-отрицательномъ отношеніи чернопередѣльцевъ къ «идеаламъ политической свободы» сильно сказывались также слѣды того недовѣрія ко всякому государству вообще, которое было внесено въ русское революціонное движеніе вліяніемъ Бакунина. Чернопередѣльцы недаромъ называли свою газету органомъ *соціалистовъ федералистовъ:* «Лишь федералистическій принципъ въ политической организаціи» — читаемъ мы въ редакціонной статьѣ 1 № этой газеты — «только полное устраненіе принудительнаго начала, на которомъ основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверхъ можетъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни».

Политическая революція безъ соціальнаго, экономическаго переворота неразрывно связывалась въ представленіи чернопередѣльцевъ съ централизованнымъ государствомъ, она рисовалась имъ, въ лучшемъ случаѣ, въ видѣ «единой нераздѣльной республики» Робеспьера:

«Въ послѣднихъ трехъ словахъ»—говоритъ авторъ «Письма къ бывшимъ товарищамъ» — «скрываются причины и послѣдствія пораженія и гибели» лучшихъ представителей якобинства. «Что такое *единая нераздѣльная республика?* Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго: государство — это я; это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что имперія—это революція, демократія. Въ основѣ ихъ одинъ принципъ — государственность и централизація: авторитетъ и иниціатива власти, съ одной стороны, безгласность и подчиненіе массы — съ другой. Разъ революціонная партія выставила на сво-

емъ знамени этотъ принципъ, она — партія реакціи и застоя. Она теряетъ почву подъ ногами, лишается довѣрія и поддержки массы и, слѣдовательно, сама себя обрекаетъ на пораженіе и смерть».

Та же самая нота сильно звучитъ также и во второй программной статьѣ 1 № «Чернаго Передѣла». Говоря о томъ, что «соціально-революціонная партія должна довести народъ отъ пассивнаго ожиданія чернаго передѣла, долженствующаго совершиться сверху, до активныхъ требованій земли и воли, предъявляемыхъ снизу» и что «въ этомъ заключается задача и возможные предѣлы ея воздѣйствія на народъ», — редакція такъ заканчиваетъ свою статью (стр. 4-5):

«Всѣ другіе пути дѣйствія, какъ бы ни казались они радикальны, какъ бы много они ни сулили народу, будутъ ретроградны по своему существу, потому что всѣ они предполагаютъ не только сохраненіе государства, ***но и дѣйствіе съ его помощью*** (курсивъ вездѣ нашъ). Какъ бы ни приспособлялось государство къ народнымъ потребностямъ и интересамъ, оно всегда во столько же разъ меньше дастъ народу, во сколько индивидуалистическій принципъ, лежащій въ основѣ современнаго государства ***(не только русскаго, но и всякаго другого)*** — во сколько этотъ принципъ ниже принципа коллективизма, мірской помощи и солидарности, на которыхъ всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь».

Такимъ образомъ въ отрицательное отношеніе чернопередѣльцевъ къ политическимъ переворотамъ несомнѣнно входило однимъ изъ составныхъ элементовъ извѣстное теоретическое предубѣжденіе противъ роли государства вообще, т. е. значительная доля анархизма. Это обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе при оцѣнкѣ другого возникшаго тогда теченія въ нашемъ революціонномъ движеніи, такъ какъ все его значеніе можетъ выясниться лишь при сравненіи его съ господствовавшими ранѣе этого революціонными теоріями. Только такая ***историческая*** оцѣнка поможетъ намъ составить себѣ понятіе о дѣйствительно крупной заслугѣ тѣхъ новыхъ для того времени историко-философскихъ взглядовъ, которые были внесены народовольческимъ движеніемъ въ область нашей революціонной мысли.

Съ общими предубѣжденіями чернопередѣльцевъ противъ государства и политической борьбы были тѣсно связаны ихъ представленія о возможныхъ ближайшихъ результатахъ предполагавшагося политическаго переворота въ Россіи. Здѣсь всѣ ихъ возраженія сводились къ указанію на то могущество, какого должна была достигнуть, по ихъ мнѣнію, буржуазія при новомъ конституціонномъ правительствѣ, и на ту опасность, какую это усиленіе буржуазіи представляло для рабо-

чаго класса. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ томъ же «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ» (стр. 11):

«...Не знаю, товарищи, задумывались-ли вы крѣпко надъ тѣмъ, какія серьезныя и важныя послѣдствія для народа (вѣдь вы все это, конечно, дѣлаете для «народа») могутъ возникнуть изъ этого вновь созданнаго вами положенія вещей? Вы потому *именно теперь* такъ сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы съ правительствомъ и на необходимости конституціоннаго режима, что желаете во 1) задержать у насъ процессъ образованія буржуазіи, какъ экономическаго и политическаго класса, и во 2) очистить пути для болѣе плодотворной дѣятельности въ народѣ. Но поймите, что дѣйствуя *теперь* такимъ образомъ, вы фатально, помимо своей воли, добиваетесь совершенно противоположнаго! Правда, наша буржуазія, какъ политическая сила, пока находится лишь въ потенціальномъ состояніи. Но, слабая политически, она въ настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности—народа, дворянства и др. соціальныхъ группъ—составляетъ единственную солидную силу. Правительство въ настоящее время принимаетъ всѣ мѣры для увеличенія роста ея. Покровительственный тарифъ, система внутреннихъ займовъ, субсидіи на желѣзнодорожныя и др. крупныя предпріятія, — это первоначальное капиталистическое накопленіе совершается съ вѣдома правительства, для него самого и для излюбленнаго его дѣтища—буржуазіи....» «Вотъ эти-то люди — ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкіе хищники и проч., и проч.—имя имъ легіонъ—съ остервѣненіемъ набросятся на тотъ «общественный пирогъ», который будетъ преподнесенъ имъ Александромъ II или Александромъ III, или же временнымъ правительствомъ—все равно, подъ видомъ конституціи. Въ то время какъ эти жадныя акулы будутъ пожирать и упитываться этимъ «пирогомъ», вы будете стоять и.... злобствовать».

Слова «именно теперь» и «теперь», подчеркнутыя самимъ авторомъ въ этой цитатѣ, показываютъ съ совершенной несомнѣнностью, что онъ не считалъ политическую свободу въ Россіи *выгодной* для рабочихъ массъ, если бы онѣ получили ее въ то время; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ и даже самъ указывалъ, что самодержавіе не только не препятствовало тогда, а, напротивъ, усиленно содѣйствовало капиталистическому накопленію и росту буржуазіи. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: когда же, въ какой моментъ роста и развитія буржуазіи политическая свобода являлась, наконецъ, въ глазахъ черноперedѣльцевъ желательной и полезной для интересовъ рабочихъ массъ? Лишь тогда, отвѣчали на это чернопередѣльцы, когда она будетъ сразу завоевана

самими рабочими массами. Въ поясненіе этого мы приведемъ еще нѣсколько выписокъ изъ № 1 «Чернаго Передѣла»:

«Февральская революція — это первый массовой протестъ французскаго рабочаго противъ буржуазной формы эксплуатаціи его труда. Съ этого момента на историческую сцену выступаетъ рабочее сословіе, выразителемъ мнѣній и стремленій котораго въ научной формѣ является соціализмъ. Лучшіе передовые люди на западѣ отказались въ настоящее время отъ идеаловъ политической свободы, какъ отжившихъ свое время, и избрали своимъ лозунгомъ соціализмъ, во имя котораго они организуютъ, сплачиваютъ и подготовляютъ массы. Задача ихъ — реорганизація экономическихъ и общественныхъ отношеній ***при посредствѣ народа и самимъ народомъ***".

«. . . Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная — не резонъ. Она для него такая же необходимая потребность, какъ и для интеллигенціи. Разница въ томъ, что эта потребность у народа сростается съ другими болѣе насущными, основными потребностями экономическаго свойства. Эти-то послѣднія и должна принять въ соображеніе народная соціально-революціонная партія, если она желаетъ, чтобы политическая свобода была вполнѣ обезпечена и гарантирована отъ узурпаціи и искаженій враждебныхъ ей элементовъ. А это можетъ быть достигнуто лишь организаціей въ народѣ боевой партіи на почвѣ экономическихъ отношеній, какъ ихъ понимаетъ народъ. Задача такой партіи —подготвлять умы, средства и орудія борьбы, въ мирное время; регулировать, направлять движеніе—въ революціонное...»

«***Ближайшею*** задачей нашею, слѣдовательно, должна быть организація ***теперь*** той народной боевой партіи, о значеніи которой мы уже говорили».

Вотъ, слѣдовательно, какъ ставился чернопередѣльцами вопросъ о политической борьбѣ: политическая свобода нужна и понятна рабочимъ массамъ, но она была-бы полезна имъ только въ томъ случаѣ, если бы была связана съ экономическимъ переворотомъ, т. е. съ соціальной революціей. Ранѣе же этого она можетъ быть только вредна имъ. Поэтому чернопередѣльцы, оставляя пока совсѣмъ въ сторонѣ борьбу съ самодержавіемъ, признавали необходимымъ немедленно же организовать рабочія массы во имя соціалистическаго переворота. Въ сущности, это была та же программа начала 70-годовъ, съ какою выступила соціалистическая партія въ Россіи при самомъ своемъ возникновеніи; но только тогда революціонная партія вѣрила въ возможность ***неорганизованнаго***, самопроизвольнаго народнаго возстанія; теперь же ставилось ближайшей задачей ***организація*** рабочихъ массъ при условіяхъ того же самодержавнаго государства, т. е. при полномъ отсутствіи политической свободы, — причемъ чернопередѣльцы, конечно,

признавали и доказывали возможность соотвѣтствующей подготовительной революціонной дѣятельности въ Россіи и при самодержавномъ правительствѣ (см. стр. 12 и 13, № 1).

Вотъ въ этомъ именно пунктѣ и произошелъ тогда расколъ въ революціонной средѣ. Будущіе народовольцы раздѣляли всѣ общіе взгляды и принципы революціоннаго народничества 70-хъ годовъ, поскольку дѣло касалось основныхъ задачъ революціоннаго движенія; они также отрицательно, какъ и чернопередѣльцы, относились къ буржуазіи и въ такой же степени признавали необходимость экономическаго переворота. Но они не считали возможной, при данныхъ политическихъ условіяхъ, ту подготовительную работу организаціи рабочей арміи или «боевой народной партіи», о которой говорили чернопередѣльцы. Эта задача представлялась имъ ***практически неосуществимой*** въ Россіи при ея наличныхъ политическихъ условіяхъ. Поэтому положеніе вещей казалось имъ безъисходнымъ, пока не будетъ разорванъ этотъ заколдованный кругъ, т. е. пока не будетъ свергнуто самодержавіе. Въ этомъ пунктѣ должна была происходить, по ихъ мнѣнію, революціонная борьба въ Россіи, и на эту борьба должны были быть направлены, въ данное время, всѣ наличныя силы соціалистической партіи. Отсюда именно и вытекала у народовольцевъ ихъ совершенно опредѣленная постановка политическаго вопроса. Но это вовсе не значило, чтобы народовольцы отказывались отъ своихъ основныхъ революціонныхъ задачъ; это значило только, что они связывали эти основныя революцціонныя задачи съ тѣмъ фактическимъ положеніемъ, въ какомъ находилась тогда соціалистическая партія въ Россіи; иными словами—это значило, что они не отдѣляли соціалистическаго движенія отъ политики. Главная ошибка чернопередѣльцевъ заключалась именно въ этомъ отдѣленіи, въ этомъ искусственномъ обособленіи соціалистическаго движеніи отъ окружающихъ его конкретныхъ условій политической жизни. Мы видѣли, что и чернопередѣльцы также придавали огромное значеніе политическому вопросу, ибо доказывали огромную опасность, грозившую всему рабочему движенію отъ преждевременнаго завоеванія политической свободы; но они рѣшали этотъ вопросъ не на основаніи данныхъ условій революціонной борьбы, а на основаніи чисто-отвлеченныхъ соображеній, на основаніи своихъ общихъ историческихъ взглядовъ, съ точки зрѣнія которыхъ вопросъ объ отношеніи къ русскому самодержавію сливался даже для нихъ съ вопросомъ объ отношеніи ко ***всякому*** государству вообще, съ вопросомъ о томъ «принудительномъ началѣ», на которомъ «основаны всѣ современныя государства». Вотъ въ этомъ именно и заключалось основное различіе въ ***самомъ способѣ*** разрѣшенія ближайшихъ революціонныхъ задачъ между народовольцами и чернопередѣльцами. Мы видимъ, что чернопередѣльцы,

даже когда они говорили о *связи* соціалистическаго движенія съ политикой, стояли въ сущности очень далеко отъ всякой связи даннаго соціалистичдскаго движенія съ данными условіями политической жизни, такъ какъ вращались въ сферѣ общихъ теоретическихъ положеній. Если бы даже эти общія теоретическія положенія были вѣрны сами по себѣ, то и въ такомъ случаѣ они не могли бы служить *достаточнымъ* основаніемъ для построенія революціонной программы, такъ какъ не касались непосредственно самыхъ условій революціонной борьбы въ тогдашней Россіи.

Народовольцы же, напротивъ того, стояли прежде всего именно на почвѣ этихъ условій. Во всѣхъ общихъ принципахъ революціоннаго соціализма они были совершенно солидарны съ чернопередѣльцами; они были совершенно солидарны съ ними также и въ основномъ положеніи революціоннаго *народничества*, т. е. въ такъ называемой *вѣрѣ въ народныя массы*, и ниже мы увидимъ, что ихъ революціонная программа опиралась въ концѣ концовъ не на что другое, какъ на непосредственное классовое сознаніе рабочихъ массъ. Но народовольцы не ограничивались этими общими положеніями; связь соціализма съ политикой интересовала ихъ въ той своей конкретной формѣ, въ какой она проявлялась у насъ въ Россіи, при столкновеніи русскаго соціалистическаго движенія съ самедержавнымъ правительствомъ. И вотъ мы видимъ, что при выясненіи своей программы, а также и въ своей полемикѣ съ чернопередѣльцами они прежде всего указываютъ на всепоглощающую роль государства въ Россіи и на вытекающую отсюда необходимость и *неизбѣжность* политической борьбы для соціалистической партіи.

«Самостоятельное значеніе нашего государства» — читаемъ мы въ № 2 «Народной Воли» (отъ 15 ноября 1879 г., стр. 22-23), — «составляетъ фактъ чрезвычайной важности, потому что, сообразуясь съ этимъ, дѣятельность соціально-революціонной партіи въ Россіи должна принять совершенно особый характеръ. Россія, собственно говоря, представляетъ нѣчто въ родѣ обширнаго помѣстья, принадлежащаго компаніи подъ фирмой *Русское Государство*. . . . При такихъ условіяхъ политическая и экономическая реформа становятся совершенно неотдѣлимы одна отъ другой и сливаются въ одинъ общегосударственный переворотъ.... Чтобы сдѣлать что-нибудь для народа, приходится прежде всего освободить его изъ подъ власти этого правительства, сломить самое правительство, отнять у него его господскую власть надъ мужикомъ. Такимъ образомъ наша дѣятельность принимаетъ *политическій* характеръ. И это дѣйствительно происходитъ у насъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ, со всякой революціонной фракціей, независимо отъ ея теоретическихъ взглядовъ.... Нашъ соціалистъ ведетъ политиче-

скую борьбу также естественно, какъ естественно говоритъ человѣкъ прозой.... Не смотря не это, большая разница, конечно, понять этотъ фактъ—значеніе современнаго государства — или не понимать его».

Та же мысль повторяется и въ передовой статьѣ № 4 «Народной Воли», отъ 5 декабря 1880 г. (стр. 66), причемъ въ ней прямо указывается, что именно политическій вопросъ и послужилъ главной причиной разногласія между двумя обособившимися группами землевольческой организаціи.

«Итакъ, политическій переворотъ, какъ первый необходимый шагъ къ осуществленію радикальныхъ экономичекихъ реформъ,—вотъ положеніе, послужившее поводомъ къ выдѣленію фракціи, сложившейся вскорѣ въ партію Народной Воли.

«Къ принятію этого положенія клонилъ весь предшествующій опытъ, доказавшій, что при нынѣшней враждебной народу организаціи государства, проникающей во всѣ сферы его жизни нѣтъ дѣятельности внѣ борьбы съ этимъ государствомъ».

Такимъ образомъ для народовольцевъ борьба съ самодержавіемъ вытекала изъ даннаго положенія вещей. Соціалистическое движеніе сталкивалось на своемъ пути съ препятствіемъ, котораго оно не могло обойти. Но тутъ возникалъ тотъ вопросъ о *послѣдствіяхъ*, который выдвигался чернопередѣльцами, какъ ихъ главное возраженіе противъ политической борьбы:

«Не знаю, товарищи, задумывались ли вы крѣпко надъ тѣмъ, какія серьезныя и важныя послѣдствія для народа будутъ созданы паденіемъ самодержавія?»—спрашивалъ чернопередѣлецъ и затѣмъ доказывалъ, что при установленіи у насъ конституціоннаго режима, «въ то время какъ крупные и мелкіе хищники, всѣ эти жадныя акулы будутъ пожирать и упитываться общественнымъ пирогомъ», соціалисты будутъ «стоять въ сторонѣ.... и злобствовать».

На это главное возраженіе чернопередѣльцевъ мы находимъ слѣдующій отвѣтъ въ N 2 «Народной Воли», въ статьѣ, озаглавленной «Политическія письма соціалиста» (стр. 26):

«Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собою ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей!... Россія только прикрыта горностаевой царской порфирой, подъ которой происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ приватныхъ кармановъ жадными приватными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъѣденнную молью порфиру, и вы найдете вполнѣ готовую, дѣятельную буржуазію... Деревенскому кулаку нужна эманація самодержавнаго царя—самодержавный исправникъ, чтобы закрѣпощать голытьбу. Фабриканту нужна такая же эманація—самодержавный полиціймейстеръ, чтобы перепороть стакнувшихся рабочихъ. Европейской буржуазіи

самодержавіе—помѣха, нашей буржуазіи оно—опора... Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное, умственно и матеріяльно сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ. Такая минута наступитъ. Буржуазія выросщая подъ сѣнью царской порфиры, разорветъ ее въ клочки, и что вы скажете тогда на неподкупномъ судѣ исторіи? Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что чѣмъ самодержавнѣе исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить....»

Ту же самую мысль какъ бы заканчиваетъ передовая статья въ томъ же № 2 «Народной Воли» слѣдующими словами: «Мы уже обращали вниманіе читателей на эту опасность и теперь снова повторяемъ, что для насъ нужно принять какую нибудь одну послѣдовательную систему дѣйствій: или союзъ съ государствомъ и совмѣстное съ нимъ задушеніе буржуазіи, или—такъ какъ этотъ союзъ, очевидно, нелѣпѣйшая изъ нелѣпостей—то борьба съ государствомъ... борьба осмысленная, серьезная, съ опредѣленной цѣлью и съ непремѣннымъ результатомъ—возможно скорѣйшей передачи государственной власти въ руки народа, пока еще не поздно, пока есть шансы на то, что власть, дѣйствительно, перейдетъ къ нему. Теперь или никогда—вотъ наша дилемма.»

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь два прямо-противоположныхъ вывода изъ одного и того же положенія вещей. Мы видѣли, что и чернопередѣльцы также указывали на быстрый ростъ русской буржуазіи, которому всѣми способами содѣйствовало русское самодержавіе. «Правительство въ настоящее время принимаетъ всѣ мѣры къ этому,» —писалъ чернопередѣлецъ: «Покровительственный тарифъ, система внутреннихъ займовъ, субсидіи на желѣзнодорожныя и другія крупныя предпріятія, — это первоначальное накопленіе совершается съ вѣдома правительства, для него самого и для излюбленнаго его дѣтища — буржуазіи....»

Такимъ образомъ тѣсный союзъ самодержавія съ буржуазіей и вытекающее отсюда усиленіе послѣдней одинаково констатировалось обѣими спорящими сторонами; но выводъ, который дѣлался ими по отношенію къ ближайшимъ задачамъ соціалистической партіи, оказывался далеко неодинаковымъ. Чернопередѣльцы указывали на *опасность* политическаго переворота въ то время, когда «народная партія» была еще недостаточно организована, а буржуазія «при общей экономической бѣдности у насъ народа, дворянства и другихъ соціальныхъ группъ», составляла единственную солидную силу.

Народовольцы же указывали, напротивъ того, на опасность этого быстраго *усиленія* буржуазіи при самодержавномъ государствѣ, когда самодержавіе являлось для нея «самой усердной акушеркой»; а указывая на это быстрое усиленіе буржуазіи, народовольцы указывали вмѣстѣ съ тѣмъ и на его неизбѣжный результатъ: «На этотъ разъ старанія самодержавія, конечно, увѣнчаются успѣхомъ»,—писали они*)—«и буржуазія скоро подрастетъ.... и не потерпитъ надъ собою власти одряхлѣвшаго государства.... Политическій переворотъ совершится, но совершится въ томъ смыслѣ, что власть перейдетъ въ руки буржуазіи....»

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключалась главная причина тѣхъ разногласій, которыя возникли тогда между народовольцами и чернопередѣльцами по вопросу о политической борьбѣ:

Чернопередѣльцы совсѣмъ не останавливались на тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя должно было повести за собою констатируемое ими самими усиленіе буржуазіи въ самодержавномъ государствѣ, а не останавливались они на этомъ потому, что предполагали возможность немедленной же организаціи въ этомъ самодержавномъ государствѣ соціалистической «боевой народной партіи», которая должна была затѣмъ совершить одновременно экономическій и политическій переворотъ; при чемъ вся эта подготовительная организаціонная борьба могла, по ихъ мнѣнію, происходить пока совсѣмъ въ сторонѣ отъ политической борьбы.

Народовольцы рѣшительно отвергали эту возможность и указывали прежде всего на *неизбѣжность* для соціалистической партіи политической борьбы въ самодержавномъ государствѣ: «Нашъ соціалистъ ведетъ политическую борьбу также естественно, какъ естественно человѣкъ говоритъ прозой», писали они. По ихъ мнѣнію, «при нынѣшней враждебной народу организаціи государства, проникающей глубоко во всѣ сферы его жизни, нѣтъ дѣятельности внѣ борьбы съ этимъ государствомъ».

Такимъ образомъ борьба съ самодержавіемъ являлась для нихъ необходимымъ сопутствующимъ элементомъ самаго соціалистическаго движенія, необходимымъ условіемъ его развитія. Другими словами, борьба съ самодержавіемъ *сливалась* для нихъ съ самимъ соціалистическимъ движеніемъ, была его единственной возможной формой въ Россіи. Къ принятію этого положенія — какъ говорили они — «приводилъ ихъ весь предшествующій опытъ».

Что же касается собственно вопроса о буржуазіи и о ея

*) Передовая статья въ № 2 «Народной Воли».

быстромъ ростѣ, т. е. вопроса о возможныхъ послѣдствіяхъ ближайшаго политическаго переворота въ Россіи, то вотъ здѣсь-то именно и обнаружилась основная чисто-народническая точка зрѣнія народовольцевъ, ихъ вѣра въ живыя потенціальныя силы рабочихъ массъ, ихъ вѣра въ непосредственное классовое самосознаніе этихъ массъ, подавляемое насильственно въ самодержавномъ государствѣ:

«Въ самомъ народѣ» — читаемъ мы во вступительной части народовольческой программы—«мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые, традиціонные принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго устройства, свобода совѣсти и слова. Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе, въ народномъ духѣ, всей нашей исторіи, если-бы только народъ получилъ возможность жить и устраиваться такъ, какъ хочетъ, сообразно со своими собственными наклонностями».

Это положеніе, на которомъ всецѣло отразилась лучшая сторона такъ называемаго народническаго міросозерцанія 70-хъ годовъ, лежало, какъ мы видимъ теперь, въ основѣ всей народовольческой программы; оно составляло ея, такъ сказать, послѣднюю инстанцію, ея главный опорный пунктъ. Въ немъ именно народовольцы находили оправданіе для своего отклоненія въ сторону чисто-политической борьбы, которая получила въ ихъ глазахъ, благодаря именно этому ихъ основному положенію, свой экономическій смыслъ, свое соціалистическое содержаніе. Народовольцы не игнорировали буржуазіи; они не отрицали опасности, грозившей народнымъ массамъ отъ ея быстраго роста; но и въ этомъ случаѣ они не отдѣляли экономическаго вопроса отъ политики; они прямо связывали успѣхи буржуазіи въ экономической области съ тою поддержкой, какую она получала отъ самодержавнаго государства. Свергнуть самодержавіе значило, въ ихъ глазахъ, задержать ростъ буржуазіи, остановить ея захваты въ тотъ моментъ, когда она еще сильно нуждалась «въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ»; съ другой стороны, это значило также освободить живыя силы народа, дать возможность проявиться его собственнымъ стремленіямъ, соотвѣтствующимъ его трудовымъ идеаламъ. Такимъ образомъ, политическая борьба становилась для народовольцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и экономической; она становилась въ ихъ глазахъ ***классовой борьбой***, направленной одновременно противъ самодержавія и противъ буржуазіи, и опиравшейся въ концѣ концовъ на рабочія массы.

Уже изъ одного этого основного положенія народовольческой программы, которое, повторяемъ, составляло самую ея сущность, придавало ей ея соціалистическій характеръ и да-

же объясняло самое названіе партіи, давало ей ея боевой лозунгъ, — вытекало съ необходимостью ихъ крайне серьезное отношеніе къ дѣятельности въ народѣ. Народовольческая партія *не могла* игнорировать рабочихъ массъ, потому что на нихъ именно должна была опереться ея побѣда надъ самодержавіемъ. Безъ связи съ рабочими массами эта побѣда не могла бы быть реализована въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее народовольцы, т. е. въ смыслѣ передачи государственной власти въ руки народа. А мы видѣли, что народовольцы понимали ее именно въ этомъ смыслѣ, ибо путемъ государственнаго переворота они хотѣли предотвратить грядущее господство буржуазіи.

Мы не касаемся здѣсь вопроса, были-ли эти планы осуществимы въ данное время и соотвѣтствовала-ли програма Народной Воли, *во всей ея полнотѣ*, наличнымъ силамъ тогдашней соціалистической партіи; мы говоримъ теперь только о программныхъ взглядахъ народовольцевъ и объ ихъ отношеніи къ дѣятельности въ народѣ, поскольку оно опредѣлялось этими программными взглядами. Мы видимъ, что представленіе о партіи Народной Воли, какъ о чисто-политической партіи, разочаровавшейся въ рабочихъ массахъ и стремившейся лишь къ конституціонному перевороту, было бы совершенно неправильнымъ; мы видимъ, что, по существу своему, дѣятельность Народной Воли носила вполнѣ соціалистическій характеръ. Все разочарованіе, вынесенное народовольцами изъ предшествовавшаго опыта, касалось лишь возможности организовать тогда въ Россіи боевую народную партію и построить борьбу съ самодержавіемъ на организованномъ массовомъ рабочемъ движеніи. Изъ такого именно взгляда на условія соціалистической дѣятельности въ Россіи, съ одной стороны, и на неизбѣжность въ ней политической борьбы для соціалистической партіи — съ другой, и сложилась революціонная программа Народной Воли.

Что же касалось собственно общихъ принциповъ революціоннаго соціализма, то эта, такъ сказать, элементарная основа всѣхъ революціонныхъ программъ того времени не подлежала даже обсужденію; она просто констатировалась въ программныхъ заявленіяхъ. Такъ, нап., въ объявленіи объ изданіи «Вѣстника Народной Воли» (отъ августа 1883 г.) можно прочесть слѣдующее:

«Экономическій переворотъ, который сдѣлалъ бы всѣ орудія и продукты труда собственностью рабочаго класса; установленіе такихъ политическихъ формъ, при которыхъ подобный экономическій строй былъ-бы не только возможенъ временно, но и обезпеченъ на будущее; система личнаго воспитанія и развитія, формы общежитія и частной жизни, которыя содѣйствовали бы полной и разнообразной выработкѣ въ

каждой личности ея физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ рабочихъ силъ и способностей въ виду общей солидарности на почвѣ коллективнаго труда и коллективнаго развитія — таковы цѣли, которыя ставитъ себѣ русскій соціализмъ и которыя дѣлаютъ его невыдѣлимымъ элементомъ въ общемъ соціалистическомъ движеніи нашего времени...

«Эти общія всѣмъ соціалистамъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь однимъ путемъ: рабочій классъ (городской и сельскій) долженъ *постепенно сплачиваться и организовываться* въ общественную силу, соединенную общими интересами и стремленіями къ общимъ цѣлямъ. Эта сила, въ процессѣ сплоченія, должна *постепенно подрывать существующій экономическій и политическій порядокъ*, скрѣпляя вслѣдствіи самой борьбы свою организацію и выростая въ могуществѣ, пока ей удастся окончательно низвергнуть существующій порядокъ»...

Въ этой цитатѣ, помимо того, что она подтверждаетъ тотъ основной характеръ *классовой борьбы*, который Народная Воля придавала всей своей программѣ, интересно также отмѣтить 2 обстоятельства. Во первыхъ, мы находимъ здѣсь упоминаніе о системѣ *воспитанія и развитія личности* и о формахъ общежитія и частной жизни, которыя соотвѣтствовали бы условіямъ соціалистическаго строя; эта область, такъ сказать, культурныхъ преобразованій и культурнаго творчества несомнѣнно должна занимать свое мѣсто въ соціалистическомъ движеніи, и упоминаніе о ней придаетъ программѣ Народной Воли извѣстную широту и цѣльность; недаромъ одинъ изъ двухъ редакторовъ «Вѣстника», подписавшихся подъ цитированнымъ выше заявленіемъ, былъ П. Л. Лавровъ.

Другое обстоятельство, на которое мы хотѣли бы обратить вниманіе, заключается въ томъ, что, какъ это видно изъ подчеркнутыхъ нами словъ, Народная Воля вовсе не представляла себѣ соціалистическаго переворота въ видѣ единаго ближайшаго переворота, который сразу установилъ бы новый порядокъ; мы видимъ, что въ ея программѣ дѣло идетъ о *постепенномъ* сплачиваніи и организаціи рабочаго класса и о *постепенномъ* подрывѣ существующаго экономическаго и политическаго строя, при чемъ эта постепенность вовсе не отнимала, конечно, у движенія, въ глазахъ народовольцевъ, его революціоннаго характера уже по одному тому, что первою, очередною его задачей былъ политическій переворотъ, который связывался въ народовольческой программѣ также и съ экономическимъ переворотомъ.

Наконецъ, для болѣе полнаго выясненія общаго характера народовольческой программы, а также того значенія, какое народовольцы придавали своей дѣятельности въ рабочихъ массахъ, мы приведемъ еще большую выписку изъ передовой статьи въ № 10 «Народной Воли», отъ 1 января 1884 г., гдѣ

съ цѣлью «выясненія партійныхъ задачъ въ народѣ», резюмируется все, что писалось по этому поводу въ предшествующихъ номерахъ этого офиціальнаго органа партіи:

«....И такъ, мы, элементъ сознательности, необходимы для народа; но съ другой стороны мы безъ содѣйствія народа, безъ его силы, точно также не можемъ ничего сдѣлать въ моментъ окончательной развязки. Сліяніе силы и сознанія необходимы для торжества революціи. Въ настоящее время, однако, это сліяніе совершенно невозможно. Невозможность открытой, легальной организаціи заставляетъ насъ быть заговорщиками, «подпольными» дѣятелями. Тайное же общество, по существу дѣла, не можетъ быть многочисленнымъ, тѣмъ болѣе не можетъ охватывать массъ. Сверхъ того, заговоръ требуетъ людей, всецѣло отдающихся дѣлу революціи, способныхъ замѣнить количество качествомъ и, стало быть, между прочимъ, вполнѣ развитыхъ и сознательныхъ. Въ массѣ нашего народа такихъ людей именно не много. Это опять съуживаетъ возможность для *современной* организаціи охватывать собою народные слои. Въ общей сложности, наши задачи теперь сводятся такимъ образомъ лишь *къ подготовкѣ* возможности такой организаціи, какая необходима будетъ въ эпоху революціи, т. е. организаціи, охватывающей одновременно и насъ, и значительныя массы народа. Въ настоящее время, для подготовленія такой возможности мы можемъ создать только извѣстную *связь* между собой и народомъ, связь въ нѣкоторой, незначительной степени организаціонную и уже въ гораздо большей степени нравственную. Это все, чего можно достигнуть, пока держится существующій строй. Но зато мы обязаны достигнуть всего, что только въ этомъ случаѣ возможно. Мы упомянули сейчасъ о связи организаціонной и желали бы, чтобы насъ не перетолковывали. Въ революціи видимость, форма, фраза хуже, чѣмъ ничего. Тратить дѣйствительную силу мы можемъ лишь на созданіе дѣйствительной силы (или, конечно, на разрушеніе вредной намъ силы). Поэтому мы считаемъ прямо вредными несбыточныя мечты о широкой народной организаціи. Не широкая организація нужна, а прочная, рѣшительная, революціонная. Сверхъ того, она вообще нужнѣе тамъ, гдѣ долженъ быть нанесенъ правительству главный ударъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы должны прежде всего создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры среди *городскихъ* рабочихъ массъ, съ тѣмъ чтобы эти группы заранѣе обезпечили себя обширными связями съ остальною массою городскихъ рабочихъ, и, разумѣется, съ крестьянствомъ, поскольку это возможно. Что касается самого крестьянства, то, кромѣ такихъ посредственныхъ связей, мы должны по необходимости удовольствоваться въ немъ лишь выработкой отдѣльныхъ лично-

стей, сознательно и систематически способствующихъ планамъ партіи. Люди, дѣйствительно способные къ тайной революціонной организаціи, здѣсь такъ рѣдки и разсѣяны на такихъ громадныхъ пространствахъ, что о групповой организаціи здѣсь не можетъ быть и рѣчи... И такъ, организаціонная связь съ народомъ, если не говорить о совершенно исключительныхъ случаяхъ, исчерпывается вышесказаннымъ. А затѣмъ передъ нами стоитъ другая, въ высшей степени важная задача: это пропаганда идей соціализма, идей и задачъ партіи, популяризація этой послѣдней, короче — установленіе между нами и возможно большею массою народа нравственной связи, которая позволила бы намъ, въ моментъ революціи, быстро понять другъ друга» (стр. 7-8).

Въ полномъ согласіи съ этими программными заявленіями была поставлена и самая революціонная дѣятельность партіи въ рабочей средѣ. Мы знаемъ, что въ Петербургѣ на пропаганду среди рабочихъ были направлены лучшія силы партіи; этой дѣятельности отдавали тогда много времени такіе выдающіеся пропагандисты, какъ Желябовъ, Перовская, Халтуринъ*), Теллаловъ, Андрей Франжоли**), при чемъ они привлекали къ себѣ новыя выдающіяся силы, какъ, напр., Вал. Коковскаго***),

---

*) Халтуринъ, послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ уѣхалъ на югъ, въ южныя народовольческія организаціи, и въ теченіи почти двухъ лѣтъ велъ тамъ пропаганду среди рабочихъ (см. «Былое», № 3, стр. 199).

**) Андрей Афанасьевичъ Франжоли — одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ пропагандистовъ, какихъ только выдвинуло движеніе начала 70-хъ годовъ. По своему вліянію на рабочихъ «онъ иногда конкуррировалъ съ Желябовымъ»—говоритъ его біографъ (см. «Вѣстникъ Народной Воли», № 1); но это вліяніе носило особый характеръ: А. А. Франжоли обладалъ необыкновенно мягкой, любящей, впечатлительной и экзальтированной натурой. Онъ неспособенъ былъ жить безъ людей и не пытаться сблизиться съ окружающими. Будучи арестованъ въ деревнѣ въ 1874 г., онъ около двухъ лѣтъ провелъ въ разныхъ провинціальныхъ тюрьмахъ, вмѣстѣ съ уголовными, и всегда вспоминалъ объ этомъ времени, какъ о хорошей школѣ для себя. Онъ пріобрѣлъ тамъ множество друзей и горячихъ поклонниковъ, и самъ привязался ко многимъ. Въ 1880 г. ему было поручено вести сношенія съ Нечаевымъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, потому что никто не умѣлъ такъ хорошо ладить съ солдатами и вліять на нихъ.

***) См. «Воспоминанія о Коковскомъ» въ «Вѣстникѣ Нар. Воли», № 4 и въ № 5 «Былого».

По свидѣтельству П. Лаврова*), «первая рабочая группа народовольческой партіи образовалась (въ Петербургѣ) въ концѣ 1879 г., а въ 1880 г. она уже увеличилась въ 4 раза, посвящая себя дѣлу рабочей организаціи; около нея, какъ отдѣла тайной организаціи партіи, группировались многія сотни рабочихъ. Съ 15 декабря 1880 г. сталъ появляться ея органъ «Рабочая Газета» (подъ редакціей Желябова, В. Коковскаго и др.). Подобныя же рабочія группы въ разныхъ городахъ (особенно южныхъ) входили въ тѣсную организацію партіи и распространяли свое вліяніе на рабочее населеніе. Двѣ мѣстныя группы нашли возможнымъ вести энергичную агитацію на почвѣ аграрнаго вопроса и среди крестьянскаго населенія».

Въ хроникѣ арестовъ, послѣдовавшихъ за событіемъ 1-го марта насчитывается, за 1881 г., въ одномъ Петербургѣ до 90 арестованныхъ рабочихъ. Что касается мѣстныхъ группъ, которыхъ, по свидѣтельству того же П. Л. Лаврова, насчитывалось въ 1880 г. не менѣе 12, то въ нихъ дѣятельность среди рабочихъ поглощала большую часть времени и силъ, и эта дѣятельность вездѣ оставляла, конечно, свои результаты и вездѣ содѣйствовала общему росту рабочаго движенія въ Россіи. Чтобы не быть голословнымъ, мы приведемъ нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, разбросанныя по разнымъ революціоннымъ изданіямъ послѣдующаго времени и свидѣтельствующія о томъ, что соціалистическая пропаганда среди рабочихъ не была для народовольцевъ лишь формальнымъ пунктомъ ихъ программы, но, напротивъ того, была органически связана со всѣмъ ихъ революціоннымъ міросозерцаніемъ и со всей ихъ революціонной борьбой.

Очень любопытныя свѣдѣнія находимъ мы, напр., въ «Воспоминаніяхъ стараго рабочаго», изданныхъ Союзомъ русскихъ соціальдемократовъ въ 1900 г.**).

«Въ концѣ 70-хъ годовъ» — читаемъ мы тамъ — «благодаря дѣятельной пропагандѣ членовъ партіи Народной Воли, между рабочими за Невской Заставой начали образовываться кружки, въ которыхъ обсуждались вопросы о положеніи рабочаго и средствахъ измѣнить это положеніе къ лучшему. Результатомъ этихъ обсужденій явились стачки» (стр. 4).

Далѣе на стр. 5:

«Съ теченіемъ времени, подростая, я сталъ и самъ принимать участіе въ этихъ сходкахъ, на которыхъ познакомился

*) «Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма». Эта статья помѣщена въ «Календарѣ Народной Воли» за 1883 г.

**) «Изъ рабочаго движенія за Невской Заставой въ 70-хъ и 80-хъ годахъ». Женева.

съ нѣкоторыми извѣстными по своей дѣятельности представителями народовольческой партіи.... Изъ посѣщавшихъ эти сходки двое извѣстныхъ рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта, Иванъ Окладскій и Сергѣй Лапинъ, много поработали для дѣла Народной Воли, но, къ сожалѣнію, первый изъ нихъ недостойнымъ образомъ окончилъ свою революціонную дѣятельность.... Лапинъ же остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и мужественно принялъ за нихъ смерть. . . . Многіе рабочіе Шлиссельбургскаго тракта помнятъ высокую, энергичную фигуру Сергѣя Лапина, его горячія рѣчи о необходимости сгруппироваться рабочимъ для защиты своихъ интересовъ и всегдашнюю готовность вступиться за притѣсняемаго товарища; но немногіе знаютъ, что Сергѣй Лапинъ и Тимофей Михайловъ, повѣшенный на Семеновскомъ плацу 3 апрѣля 1881 г. (за участіе въ покушеніи 1 марта)—одно и то же лицо».

Затѣмъ на стр. 6:

«Благодаря энергичной народовольческой пропагандѣ въ концѣ 70-хъ годовъ, кружки рабочихъ за Невской Заставой и въ особенности на заводѣ Семянникова (гдѣ работалъ Т. Михайловъ) стали быстро развиваться, и завязавшееся у этихъ кружковъ знакомство съ интеллигентными представителями партіи Народной Воли замѣтно подняло уровень умственной жизни рабочихъ и указало имъ болѣе правильный путь борьбы съ капитализмомъ».

«. . . . Что рабочіе того времени не бунтовали, какъ бараны (излюбленное выраженіе нашихъ враговъ), а подготовленные разумно поставленной пропагандой сознательно защищали свои интересы и хорошо знали, кто ихъ друзья и кто враги,—наглядно показываетъ слѣдующій фактъ. Администрація тогоже Семянниковскаго завода нашла нужнымъ построить часовню въ память «чудеснаго спасенія» царской семьи во время взрыва въ Зимнемъ дворцѣ... Какъ помнятъ товарищи, для упомянутой цѣли по мастерскимъ были пущены заводоуправленіемъ подписные листы. . . . но къ чести рабочихъ въ ихъ средѣ не нашлось желающихъ «жертвовать», и затѣю пришлось оставить ... Отказъ такой массы рабочихъ отъ пожертвованій. . . . естественно вызвалъ волненіе въ средѣ нашихъ охранителей... Начались разслѣдованія и въ результатѣ нѣсколько сотъ лучшихъ рабочихъ («зачинщиковъ») были арестованы и высланы изъ Петербурга. Кромѣ того, по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ былъ разосланъ циркуляръ департамента полиціи съ именами около 200 рабочихъ, которыхъ запрещалось принимать на работу куда бы то ни было».

«. . . . Зимою 1884-85 г. черезъ одного изъ работавшихъ на заводѣ Растеряева, поступившаго съ Семянниковскаго завода, у рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта вновь завязались сношенія съ интеллигентными представителями партіи Народ-

ной Воли. Здѣсь стали образовываться кружки, имѣвшіе сначала характеръ саморазвитія, а затѣмъ естественно перешедшіе къ обсужденію проклятаго вопроса объ отношеніяхъ между рабочими и капиталистами. Послѣ трехлѣтняго перерыва, рабочіе какъ будто вновь начали оживать, стали поговаривать о стачкахъ и уже задались цѣлью устроить забастовку не на одномъ какомъ-либо заводѣ, а на возможно большемъ ихъ числѣ одновременно. Но прежде чѣмъ были приняты хоть какія-нибудь мѣры къ осуществленію этого плана, прошло больше года» (стр. 10).

«...Но ни массовые аресты Грессера (петербургскаго полиціймейстера), ни либеральныя затѣи «нашихъ уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей» (дѣло идетъ объ «Обществѣ народныхъ развлеченій за Невской Заставой») не въ силахъ уже были окончательно потушить искру, вспыхнувшую въ сознаніи рабочихъ, и осенью 1886 года на фабрикахъ и заводахъ Шлиссельбургскаго тракта вновь начались стачки, вызванныя пониженіемъ заработной платы. Первая забастовала фабрика Паля, а затѣмъ Максвеля и чугунный заводъ» (стр. 14).

«....Послѣ этой стачки, у рабочихъ вновь завязались сношенія съ интеллигентами, представителями партіи Народной Воли, причемъ двое изъ нихъ, «Прохоръ Ивановичъ» и «Осипъ Семеновичъ», прозванный рабочимъ «Іосифомъ Прекраснымъ», довольно часто посѣщали нашъ край и остались памятными рабочимъ своей энергіей и отзывчивостью къ нуждамъ послѣднихъ. Подъ руководствомъ этихъ двухъ лицъ, на фабрикѣ Максвеля была задумана и лѣтомъ 1887 г. приведена въ исполненіе новая стачка» (стр. 15).

Такъ повѣствуетъ намъ объ этомъ времени, въ своемъ очень сжатомъ очеркѣ, «старый петербургскій рабочій», и изъ этихъ случайныхъ воспоминаній одного изъ многихъ рабочихъ, захваченныхъ тогда народовольческимъ движеніемъ, передъ нами рисуется картина почти непрерывавшагося рабочаго движенія въ Петербургѣ за періодъ времени съ 1879 по 1887 г.

Мы видѣли, что «старый рабочій» упоминаетъ въ своемъ разсказѣ о цѣлыхъ сотняхъ лучшихъ рабочихъ, высылавшихся тогда изъ Петербурга. Куда же дѣвались эти лучшіе рабочіе? Объ этомъ мы также имѣемъ кое-какія отрывочныя свѣдѣнія, попадающіяся въ позднѣйшихъ, уже соціаль-демократическихъ изданіяхъ. Такъ на стр. 33 извѣстной брошюры «Красное Знамя въ Россіи» (издан. организаціи «Соціаль-Демократъ», 1900 г.) можно прочесть слѣдующее:

«...Между прочимъ, высланные изъ столицъ соціалисты-рабочіе стояли во главѣ извѣстной стачки ткачей Орѣхова-Зуева въ 1885 г., составившей крупное событіе въ исторіи рабочаго класса».

Мы видимъ, что, судя по времени, эти высланные изъ столицъ рабочіе-соціалисты очевидно должны быть отнесены какъ разъ къ періоду народовольческаго движенія*).

Приведемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ соціаль-демократической брошюры «Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ». Въ ней мы читаемъ:

«....Затѣмъ наступила эпоха террора. Можно сказать безъ преувеличенія, что не было ни одного народовольческаго кружка, который не пробовалъ бы своихъ силъ на рабочей пропагандѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, еще больше было среди нихъ сочувствующихъ террористамъ лицъ. Общій характеръ движенія былъ политическій въ узкомъ смыслѣ этого слова: классового самосознанія, особой чисто-рабочей организаціи не существовало; рабочее движеніе являлось составной частью народовольческой организаціи. Одесскій процессъ 83 г.**) показалъ, что народовольцы успѣли завоевать извѣстное положеніе среди рабочихъ. Среди осужденныхъ въ каторжныя работы по этому дѣлу мы находимъ много рабочихъ: Голикова, Надѣева, Сарычева и др... Послѣдующіе революціонные кружки, слабые преемники народовольцевъ, дѣлали неоднократно попытки снова съорганизовать рабочіе кружки. Изъ пропагандистовъ за это время извѣстны болѣе другихъ студентъ Штернбергъ и рабочій Карпенко. Имъ удалось повести довольно широкую пропаганду среди рабочихъ Одессы и другихъ южныхъ городовъ. И теперь еще (начало 90-хъ годовъ) можно встрѣтить въ Одессѣ рабочихъ, принадлежавшихъ къ этой организаціи».

Приведемъ, наконецъ, нѣсколько выдержекъ изъ очень содержательной брошюры «Петербуржца»: «Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ, по личнымъ воспоминаніямъ»***). Въ этой брошюрѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ сознательныхъ рабочихъ, которые, переживъ времена Народной Воли, принимали затѣмъ участіе въ рабочемъ движеніи 90-хъ годовъ. Такъ на стр. 4 читаемъ:

«Группа народовольцевъ имѣла (въ 1892 г.) рабочіе кружки въ различныхъ фабричныхъ районахъ Петербурга, и во

---

*) Руководитель стачки 1885 г —Петръ Моисеенковъ—былъ именно одинъ изъ такихъ рабочихъ-народовольцевъ.

**) Процессъ 23-хъ: Дзвонкевича, Майера, Дрея, Ф. Морейнисъ и др.; кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ рабочихъ по этому процессу, были осуждены на каторгу еще рабочіе Моисей Поповъ, Батоговъ, Иванайенъ, Валуевъ и Клименко.

***) Изданіе соціаль-демократической организаціи «Жизнь». Лондонъ 1902 г.

главѣ кружковъ стояли пожилые рабочіе, оставшіеся еще отъ временъ «Земли и Воли».

Затѣмъ вотъ еще одна очень характерная выдержка:

«При сравненіи дѣятельности соціальдемократическихъ кружковъ съ народовольческими (рѣчь идетъ о 1893 г.), мы видимъ, что какъ тутъ, такъ и тамъ, собственно говоря, дѣло сводилось къ выдѣленію изъ рабочей среды культурныхъ единицъ... Но оба эти направленія были страшно враждебны. Въ рабочей средѣ эта борьба повелась по истинѣ съ ожесточеніемъ и непримиримостью. Въ этой борьбѣ приняли участіе и пожилые рабочіе, лично знавшіе Халтурина, Желябова и Тимофея Михайлова, бывшіе и на демонстраціи у Казанскаго Собора, и на Смоленскомъ кладбищѣ на похоронахъ несчастныхъ жертвъ патроннаго завода (въ 1878 г.)» (стр. 7).

Разсказывая о бунтѣ рабочихъ на бывшемъ Семянниковомъ заводѣ (зимой 1894 г.), авторъ говоритъ:

«Бунтъ окончился побѣдой, и побѣда не прошла незамѣченной. Я долженъ прибавить, что во всей этой исторіи «наши» рабочіе не принимали ровно никакого участія... На скорую руку была изготовлена агитаціонная брошюрка.... и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этотъ новый пріемъ соціальдемократовъ... обратилъ на себя вниманіе рабочихъ. Пожилые рабочіе стали живо припоминать аналогичную дѣятельность прежнихъ революціонеровъ, разсказывали о брошюрахъ, листкахъ и бунтахъ, происходившихъ раньше на этомъ заводѣ. Конечно, большинство разсказчиковъ все сильно преувеличивали, однако эти разсказы сильно вліяли на подъемъ настроенія среди молодежи и подготовляли почву для болѣе широкаго распространенія нелегальной литературы» (стр. 14).

Мы видимъ, что «пожилые рабочіе» являются здѣсь на каждомъ шагу какъ бы связующимъ звеномъ между двумя періодами революціоннаго движенія.

На этомъ мы закончимъ наши замѣтки по поводу дѣятельности партіи Народной Воли въ рабочей средѣ, причемъ еще разъ укажемъ на всю отрывочность и неполноту сохранившихся ***печатныхъ*** слѣдовъ этой дѣятельности. Очень немногіе изъ пропагандистовъ-народниковъ имѣли возможность оставить намъ свои мемуары; также мало занесенныхъ на бумагу воспоминаній доходитъ до насъ и изъ рабочей среды. Но у насъ имѣется болѣе надежное свидѣтельство той революціонизирующей работы, какая велась въ рабочей средѣ въ такъ называемый народническій періодъ нашего революціоннаго движенія: этимъ свидѣтельствомъ служитъ тотъ повышенный уровень политическаго развитія и тотъ уже довольно многочисленный контингентъ сознательныхъ рабочихъ, съ какими

наши рабочія массы вступили въ послѣдующій фазисъ революціонной борьбы.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному выясненію того, такъ сказать, объективнаго историческаго значенія, какое имѣлъ народовольческій періодъ въ развитіи русскаго революціоннаго движенія.

II

Приступая къ этой части нашихъ замѣтокъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ уже очень прочно установившимися отрицательными взглядами на народовольческій періодъ, господствующими въ извѣстной части нашей революціонной литературы. Поэтому для выясненія нашей, какъ намъ думается, болѣе правильной точки зрѣнія, болѣе отвѣчающей требованіямъ исторической критики, намъ невозможно будетъ избѣгнуть въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣкоторыхъ отступленій полемическаго характера.

Читатель, быть можетъ, обратилъ вниманіе на очень характерную фразу въ вышеприведенной выпискѣ изъ брошюры о рабочемъ движеніи въ Одессѣ и Николаевѣ: «Въ началѣ 80-хъ годовъ» — говорится тамъ — «среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, еще больше было среди нихъ сочувствующихъ террористамъ лицъ. Общій характеръ движенія былъ политическій въ узкомъ смыслѣ этого слова: классового самосознанія, особой чисто-рабочей организаціи не существовало; рабочее движеніе являлось составною частью народовольческой организаціи».

Въ этой цитатѣ мы находимъ первый и очень типичный примѣръ того, какъ намъ кажется, неправильнаго пониманія какъ сущности рабочаго движенія, такъ и сущности революціонной борьбы, благодаря которому въ нашей революціонной печати очень долго и съ большимъ стараніемъ оспаривались важныя заслуги народовольческаго періода въ дѣлѣ развитія у насъ соціалистическаго рабочаго движенія.

По мнѣнію автора цитированной брошюры, хотя въ Одессѣ и было въ началѣ 80-хъ годовъ много революціонныхъ рабочихъ кружковъ, но ***классового самосознанія*** въ нихъ не было, и все движеніе носило узко-политическій характеръ. Мы видимъ такимъ образомъ, что, говоря о рабочемъ движеніи народовольческаго періода и констатируя возникновеніе тогда многихъ революціонныхъ рабочихъ кружковъ, авторъ въ то же время противопоставляетъ ***политическій*** характеръ этого рабочаго движенія классовому самосознанію рабочихъ; то болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ политическимъ вопросамъ, наличность котораго необходимо предположить въ революціонныхъ рабочихъ кружкахъ, хотя-бы и носящихъ узко-политическій характеръ, совмѣщается въ представленіи

автора съ отсутствіемъ въ этихъ кружкахъ класссового самосознанія. Вотъ это именно представленіе о классовомъ самосознаніи рабочихъ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ ихъ политическаго сознанія, и составляетъ одну ихъ особенностей того недостаточно яснаго пониманія сущности рабочаго движенія, о которомъ мы говорили выше. Ошибка заключается здѣсь въ совершенно искуственномъ отдѣленіи рабочаго движенія отъ политики и въ совершенно неправильномъ противоположеніи *истинно-рабочаго* движенія даже такому политическому движенію, въ которомъ принимаютъ сознательное участіе сами рабочіе. Не трудно видѣть, что въ сущности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чистѣйшимъ экономизмомъ, ибо въ такомъ только смыслѣ и могутъ быть поняты вышеприведенныя указанія автора на *узко-политическій* характеръ *рабочаго* движенія въ Одессѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что, если не стоять на точкѣ зрѣнія *узкаго экономизма*, то въ подчеркнутыхъ нами словахъ кроется самое явное противорѣчіе; ибо если даже въ примѣненіи къ чисто буржуазному революціонному движенію выраженіе *узко-политическое* должно быть понимаемо въ совершенно условномъ смыслѣ, такъ какъ въ сущности, даже чисто-буржуазная революція, ставящая своею цѣлью исключительно однѣ политическія перемѣны, всегда несетъ съ собою вполнѣ опредѣленную экономическую программу, заключающуюся въ государственной охранѣ существующихъ экономическихъ отношеній, то что же сказать объ *узко-политическомъ* характерѣ *рабочаго движенія?* Нетрудно видѣть, что всякое политическое движеніе, какой бы узкій характеръ оно ни носило, необходимо должно заключать въ себѣ, по самому своему опредѣленію, стремленіе къ завоеванію политической власти; съ другой стороны мы знаемъ также, что по отношенію именно къ рабочему движенію это завоеваніе политической власти и составляетъ его главную цѣль и его высшую революціонную задачу, ибо послѣдняя сводится къ такъ называемой политической диктатурѣ рабочаго класса, т. е къ полному подчиненію имъ себѣ государства. Очевидно, слѣдовательно, что, съ этой точки зрѣнія, всякое политическое движеніе въ средѣ рабочаго класса есть шагъ впередъ по пути къ его политическимъ завоеваніямъ, а всякое политическое завоеваніе со стороны рабочаго класса есть шагъ впередъ по пути къ осуществленію его классовыхъ задачъ и стремленій. Вотъ почему понятіе о политической узости ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совмѣщено съ понятіемъ о сознательномъ рабочемъ движеніи, если подъ политическою узостью понимать что-нибудь противорѣчащее интересамъ рабочаго движенія. Если въ рукахъ господствующихъ классовъ всякое политическое вліяніе всегда служитъ орудіемъ къ охраненію суще-

ствующихъ экономическихъ отношеній, то въ рукахъ рабочаго класса всякое политическое вліяніе также естественно и неизбѣжно всегда будетъ служить орудіемъ измѣненія существующихъ экономическихъ отношеній и подготовленія соціалистическаго переворота. Когда мы говоримъ объ «узко-политическомъ характерѣ движенія», то подъ этой «узостью» мы должны, въ сущности, понимать узкія рамки самаго политическаго движенія; другими словами, мы должны понимать подъ этою узостью не узкую, т. е. ограниченную роль политики въ общественной жизни, а *ограниченный доступъ* въ сферу политическаго вліянія, которое по существу своему неограниченно или, лучше сказать, можетъ быть ограниченно лишь противодѣйствіемъ въ той же политической области. Вотъ почему до сихъ поръ господствующіе классы всегда стремились, тѣми или другими способами и въ той или другой степени, отстранить рабочій классъ отъ политической власти, и въ этомъ именно стремленіи заключалась и заключается до сихъ поръ главная задача и все содержаніе ихъ политики. Точно также какъ, съ другой стороны, все реальное содержаніе всякаго рабочаго движенія необходимо сводится, въ концѣ концовъ, къ *политической борьбѣ*, въ силу чего въ этой именно области, т. е. въ области именно политическихъ вопросовъ и политическихъ отношеній должно попреимуществу расти и развиваться классовое самосознаніе рабочихъ Экономическія отношенія, взятыя сами по себѣ, сравнительно очень элементарны; они касаются непосредственныхъ интересовъ каждой изъ сторонъ и всегда рисуются для нихъ въ самыхъ опредѣленныхъ и конкретныхъ формахъ. Вотъ почему экономическая стачка всегда является ближайшимъ результатомъ всякаго начинающагося рабочаго движенія; и въ этомъ отношеніи народовольческій періодъ вовсе не составляетъ исключенія: поскольку стачки могутъ служить признакомъ классового самосознанія, ими, можно сказать, наполнены лѣтописи рабочаго движенія въ Петербургѣ за разсматриваемый нами періодъ, — какъ это можно видѣть между прочимъ и изъ цитированныхъ выше воспоминаній стараго рабочаго. Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ, по личному опыту, съ пропагандою въ рабочей средѣ, долженъ знать, что ближайшіе, насущные экономическіе вопросы всегда и неизбѣжно выступаютъ при этомъ на первый планъ. Посмотрите, наприм., что пишетъ «старый рабочій» о народовольческой пропагандѣ зимою 1884-85 г. за Невской Заставой: «Здѣсь стали образовываться кружки, имѣвшіе сначала характеръ саморазвитія, а затѣмъ естественно перешедшіе къ обсужденію проклятаго вопроса объ отношеніяхъ между рабочими и капиталистами». Иначе это и быть не можетъ. Экономическіе вопросы—это, такъ сказать, азбука ра-

бочаго движенія, это — тѣ готовыя данныя самой жизни, на почвѣ которыхъ естественно возникаютъ первые зародыши классового самосознанія. Гораздо труднѣе дальнѣйшіе шаги, связывающіе ближайшіе экономическіе интересы рабочихъ съ политическими вопросами; здѣсь возможно полное затемнѣніе классового сознанія политическими предразсудками, и здѣсь именно можетъ обнаружиться та несостоятельность чистой экономики въ дѣлѣ развитія соціалистическаго рабочаго движенія, которая даетъ себя чувствовать не только въ самодержавныхъ, но даже и въ конституціонныхъ странахъ.

Что же касается собственно русскаго рабочаго движенія, то какъ же не видѣть, что оно должно было развиваться у насъ при совершенно исключительныхъ условіяхъ, что, въ противоположность западноевропейскому рабочему движенію, оно должно было развиваться у насъ въ политической атмосферѣ, еще не потрясенной ни однимъ политическимъ переворотомъ, еще не озарявшейся для рабочихъ массъ ни одной революціонной грозой. Въ этомъ заключалось огромное различіе въ условіяхъ, среди которыхъ развивалось русское рабочее движеніе, и — скажемъ, напр., — французское или даже нѣмецкое послѣ 1848 г., когда политическое революціонное движеніе уже разрушило въ нѣмецкихъ рабочихъ массахъ цѣльность ихъ традиціоннаго политическаго міросозерцанія. Вотъ почему развитіе политическаго сознанія въ рабочей средѣ должно было имѣть именно для Россіи самое рѣшающее значеніе въ дѣлѣ развитія у насъ классового самосознанія рабочихъ, и вотъ почему въ Россіи политическая борьба, помимо того что она, какъ и вездѣ, является необходимою формою революціоннаго соціалистическаго движенія, служила въ то же время могучимъ орудіемъ роста и развитія этого классового самосознанія.

Когда авторъ разсказа о рабочемъ движеніи въ Одессѣ говоритъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ среди одесскихъ рабочихъ существовало много революціонныхъ кружковъ, а *еще больше было среди нихъ сочувствующихъ террористамъ лицъ* (курсивъ нашъ), то онъ самъ свидѣтельствуетъ этими словами о томъ большомъ вліяніи, какое оказывало народовольческое движеніе на развитіе политическаго сознанія въ рабочей средѣ, на разрушеніе въ этой средѣ монархическихъ предубѣжденій и предразсудковъ, — ибо сочувствіе терроризму предполагаетъ самое отрицательное отношеніе къ монархической власти; а свидѣтельствуя о большомъ значеніи народовольческаго движенія въ дѣлѣ развитія политическаго сознанія среди русскихъ рабочихъ, авторъ, самъ не замѣчая того, свидѣтельствуетъ также и о большой заслугѣ народовольческаго движенія въ дѣлѣ развитія среди нихъ классового самосознанія, ибо послѣднее совершенно неотдѣлимо отъ перваго.

Кромѣ того кажущагося отсутствія классового самосознанія въ революціонныхъ рабочихъ кружкахъ 80-хъ годовъ, о которомъ говоритъ авторъ брошюры, онъ упоминаетъ еще о другой отрицательной, по его мнѣнію, сторонѣ народовольческаго рабочаго движенія, а именно — объ отсутствіи въ этомъ движеніи «особой чисто-рабочей организаціи», вслѣдствіи чего рабочее движеніе являлось тогда не болѣе какъ «составною частью народовольческой организаціи». Мы знаемъ, что такъ именно формулируется одно изъ главнѣйшихъ обвиненій, выставляемыхъ противъ Народной Воли тѣми изъ ея противниковъ, которые отрицаютъ истинно-соціалистическій характеръ всего народовольческаго движенія и пытаются провести какую-то рѣзкую черту между задачами этого движенія и задачами собственно рабочаго движенія въ Россіи, задачами «чисто рабочей организаціи». Эти попытки дѣлались еще въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ, въ статьяхъ и брошюрахъ первыхъ представителей нашей соціалъ-демократіи, дѣлались онѣ и въ самое послѣднее время, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ уже упоминавшагося нами соціалъ-демократическаго «Очерка исторіи русскаго рабочаго движенія», вышедшаго въ 1900 г. подъ заголовкомъ «Красное Знамя въ Россіи», съ предисловіемъ П. Аксельрода:

«Какъ остроумно замѣтилъ впослѣдствіи Плехановъ, народовольцы разсуждали не о томъ, нужна-ли рабочимъ революція, а о томъ нужны-ли рабочіе для успѣха революціи, которую партія представляла себѣ въ видѣ политическаго заговора». (Стр. 29.)

Это остроумное замѣчаніе Плеханова можетъ послужить намъ для выясненія еще одной характерной черты того крайне ошибочнаго представленія о рабочемъ движеніи, о которомъ мы уже упоминали выше.

Подобно тому какъ въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу классового самосознанія критики Народной Воли совершенно искуственно отрываютъ рабочее движеніе отъ политики, въ своихъ указаніяхъ на отсутствіе «особой, чисто-рабочей организаціи» они также искуственно отрываютъ русское рабочее движеніе отъ той революціонной борьбы и отъ той революціонной среды, съ которыми оно было неразрывно связано.

Намъ врядъ-ли надо много говорить о томъ, что никакое рабочее движеніе нигдѣ не обходилось безъ участія въ немъ *не* чисто рабочихъ общественныхъ элементовъ; это различіе между чисто-рабочими и не чисто-рабочими элементами соціалистическаго движенія обусловлено самимъ существованіемъ классовыхъ различій въ обществѣ; но большая разница наблюдается, конечно, въ относительныхъ размѣрахъ и въ относительномъ значеніи этихъ двухъ элементовъ соціалистическаго движенія, соотвѣтственно послѣдовательнымъ ступенямъ

его развитія. Въ фазисѣ широкаго и организованнаго *массового* рабочаго движенія относительная роль въ немъ революціонной интеллигенціи соотвѣтственно уменьшается и можетъ дойти до своихъ минимальныхъ размѣровъ; на этихъ ступеняхъ соціалистическаго движенія можно, пожалуй, съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить о чисто-рабочихъ организаціяхъ, ибо эти чисто-рабочія организаціи и составляютъ тогда главную составную часть всего соціалистическаго движенія и главное орудіе соціалистической борьбы; это не значитъ, конечно, чтобы и тогда рабочее движеніе отрывалось отъ своихъ не чисто-рабочихъ элементовъ, но это значитъ только, что послѣдніе совершенно затериваются въ немъ.

Но такъ-ли, спрашивается, стояло это дѣло у насъ въ 80-хъ годахъ? Нѣтъ, ибо мы знаемъ, что именно не рабочіе элементы занимали тогда преобладающее мѣсто въ русскомъ революціонномъ движеніи, и мы знаемъ также, что именно отсутствіе *массового* рабочаго движенія заставило тогда русскую революціонную партію сосредоточить большую часть своихъ силъ на террористической борьбѣ съ самодержавіемъ. Но что же значитъ въ такомъ случаѣ это сѣтованіе критиковъ Народной Воли на отсутствіе «чисто-рабочихъ организацій» въ 80-хъ годахъ, т. е. на отсутствіе въ то время такой постановки соціалистическаго движенія, какая создается только широкимъ массовымъ рабочимъ движеніемъ? Значитъ-ли это, что широкое массовое рабочее движеніе можетъ быть вызвано въ любой странѣ во всякую данную эпоху? Или-же критики Народной Воли хотятъ этимъ сказать, что даже при отсутствіи массового рабочаго движенія и при полномъ отсутствіи тѣхъ политическихъ условій, которыя допускаютъ *систематическую организаціонную работу* въ рабочей средѣ, рабочіе кружки должны были все-таки замкнутся именно въ эту организаціонную работу и отстраниться отъ непосредственной политической борьбы?

Извѣстно, что въ пользу именно такого рѣшенія существовало въ концѣ 70-хъ годовъ довольно сильное теченіе въ самой рабочей средѣ и что на такой именно идеѣ остановились тогда Халтуринъ и Обнорскій, когда задумали осенью 1878 г. создать въ Петербургѣ Сѣверный Рабочій Союзъ. Программа этого чисто-рабочаго союза (ибо членами его могли быть только рабочіе) была какъ разъ построена на мысли о совершенно *самостоятельномъ* рабочемъ движеніи и, въ сущности, была, въ главныхъ своихъ чертахъ, перенесена на русскую почву изъ области западноевропейскаго рабочаго движенія. Викторъ Павловичъ Обнорскій, одинъ изъ очень видныхъ членовъ рабочаго кружка, образовавшагося въ Петербургѣ еще во времена чайковцевъ, пробылъ послѣ того нѣсколько лѣтъ заграницей и хорошо познакомился съ западноевропейскими рабо-

чими организаціями. Въ 1878г. онъ вернулся въ Петербургъ съ печатнымъ станкомъ и шрифтомъ (полученнымъ отъ набатовцевъ) и съ планомъ чисто-рабочей организаціи. О характерныхъ чертахъ всего этого плана можно судить по слѣдующимъ мѣстамъ того программнаго воззванія, съ которымъ обратился ко всѣмъ русскимъ рабочимъ Сѣверный Союзъ въ январѣ 1879 г. :*)

«..... мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878г. пришли къ мысли объ организаціи общерусскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему собственные интересы, цѣли и стремленія, служилъ-бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ-бы ему ту органическую связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы». И далѣе:

«Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ, Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинутъ у насъ рабочее сословіе и заставятъ его заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга его не останется забытою потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины занесется въ лѣтописи исторіи ... »

«Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя соціальнаго переворота; сомкнитесь въ дружную братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечомъ, идите проповѣдовать свое ученіе по городамъ и селамъ! Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей: съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ».

Таковы были основныя идеи этого широко-задуманнаго чисто рабочаго движенія. Его главная практическая задача сводилась, какъ это видно изъ приведенныхъ нами выписокъ, «къ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ», «путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ». Эта пропаганда должна было сплотить «разрозненныя силы городского и сельского рабочаго населенія» и создать такую рабочую организацію, которая заставитъ заговорить о себѣ, о своихъ правахъ». О какой нибудь опредѣленной формѣ непосредственной политической борьбы не говорилось въ этой программѣ Сѣв. Союза, но политическія требованія ставились въ ней совершенно опредѣленно, и поли-

*) Этотъ программный манифестъ С. Р. Союза напечатанъ нами во второмъ выпускѣ Туна (стр. 171).

тическій переворотъ признавался необходимымъ. Это прямое признаніе политическаго переворота, какъ ближайшей цѣли рабочаго движенія, вызвало даже возраженіе со стороны тогдашняго большинства землевольческой организаціи, со взглядами котораго мы уже познакомились по статьямъ «Чернаго Передѣла». Сѣверный Союзъ отвѣтилъ на это возраженіе письмомъ въ редакцію «Земли и Воли», гдѣ говорилъ, что онъ соединяетъ политическія требованія съ соціалистическими, такъ какъ политическая свобода вездѣ предшествовала соціальному перевороту.

Мы видимъ, слѣдовательно, что въ этомъ отношеніи, т. е. въ томъ, что касалось собственно признанія необходимости борьбы съ самодержавіемъ, программа Сѣвернаго Союза вполнѣ совпадала съ народовольческой программой *); разница

---

*) Излагая исторію Сѣвернаго Рабочаго Союза авторъ вышеупомянутой брошюры «Красное знамя въ Россіи» даетъ ***совершенно неправильное представленіе*** объ отношеніи «русскихъ революціонеровъ-интеллигентовъ» того времени къ политическимъ задачамъ. Цѣль автора показать, что, въ противоположность правильному пониманію связи политическаго движенія съ соціалистическимъ со стороны представителей «рабочихъ», революціонеры-интеллигенты обнаружили тогда полное непониманіе этой связи. И вотъ авторъ пишетъ: «Естественно спросить: почему русскіе революціонеры-интеллигенты такъ уклонились отъ пути западноевропейскаго соціалистическаго движенія, тогда какъ русскіе рабочіе, только что вступившіе на путь революціонной борьбы, съ самаго начала проявили стремленіе стать на вѣрную дорогу? Вѣдь нельзя сомнѣваться, что среди революціонеровъ-народниковъ было не мало выдающихся по уму и таланту личностей и, во всякомъ случаѣ, они владѣли большими знаніями и опытомъ, чѣмъ предводители петербургскихъ рабочихъ. Какъ, при такихъ условіяхъ, послѣдніе могли оказаться болѣе зрѣлыми въ политическомъ отношеніи?» (Стр. 21). Вопросъ этотъ былъ бы дѣйствительно интересенъ, еслибы въ самомъ вопросѣ автора не скрывалось ***невѣрнаго изложенія фактовъ***. Мы уже знаемъ, что ко времени образованія Сѣвернаго Союза, среди «революціонеровъ-интеллигентовъ» возникло сильное революціонное теченіе съ яснымъ пониманіемъ связи соціализма съ политикой. Одинъ изъ главныхъ представителей этого теченія, В. Осинскій, былъ уже арестованъ, когда Сѣверный Союзъ выпустилъ свою программу, а въ августѣ 1879 г. это теченіе уже овладѣло всѣмъ движеніемъ. Дѣло стояло, слѣдовательно, вовсе не такъ, какъ излагаетъ это авторъ; значительная часть революціонеровъ-интеллигентовъ не только не игнорировала тогда политическихъ задачъ, но, напротивъ того, выдвигала ихъ

между ними заключалась лишь въ томъ, какъ они понимали самую политическую борьбу. Мы видѣли, что Сѣверный Союзъ понималъ ее именно такъ, какъ этого требовала, по мнѣнію критиковъ Народной Воли, истинная постановка соціалистическаго движенія въ Россіи. Сѣверный Союзъ представлялъ собою первую крупную попытку создать въ Россіи, въ условіяхъ того времени, то особенное рабочее движеніе и ту особую рабочую организацію, въ пренебреженіи къ которымъ упрекаютъ Народную Волю. Это именно обстоятельство и заставило насъ остановиться подробнѣе на исторіи Сѣвернаго Рабочаго Союза, чтобы увидѣть на этомъ конкретномъ примѣрѣ основательность или неосновательность упрековъ и обвиненій противъ Народной Воли.

При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что возникновеніе Сѣвернаго рабочаго Союза было обставлено чрезвычайно благопріятно со стороны того, что касалось собственно внутреннихъ условій предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, иниціаторы движенія, Халтуринъ и Обнорскій, были оба выдающимися организаторами; они сами были рабочими и пользовались большою популярностью въ рабочей средѣ; для начала работы, они встрѣтили въ Петербургѣ почву уже достаточно подготовленною предъидущимъ движеніемъ, вслѣдствіе чего въ первыя же недѣли могли сгруппировать около себя болѣе сотни сознательныхъ рабочихъ; оба они были страстными сторонниками своей идеи и относились очень скептически къ революціонной интеллигенціи. Халтуринъ даже обвинялъ тогда террористовъ въ томъ, что они мѣшали ихъ организаторской дѣятельности, создавая своей революціонной борьбой неподходящую политическую обстановку: усиленный надзоръ полиціи, массовые обыски и т. д.

И вотъ мы знаемъ, что, несмотря на всѣ эти очень благопріятныя, для того времени, ***внутреннія*** условія предпріятія, оно не оказалось жизнеспособнымъ. Сѣверному Союзу не удалось упрочиться даже настолько, чтобы обезпечить себѣ хотя бы очень медленное развитіе. Въ концѣ декабря состоялись его первыя общія собранія, а въ февралѣ 1879 г. его уже постигъ полный разгромъ. Обнорскій былъ арестованъ со многими изъ членовъ Союза (ихъ было арестовано до 60 человѣкъ) типографія Союза захвачена, а разочарованный въ успѣхѣ дѣла Халтуринъ примкнулъ самъ къ партіи Народной Воли.

Чѣмъ же объясняется эта полная неудача? На этотъ вопросъ существуетъ два противоположныхъ отвѣта, и вотъ, въ

на первый планъ. Разница между ними и вождями петербургскихъ рабочихъ по этому вопросу, заключалась лишь въ различномъ пониманіи ***способовъ политической борьбы***, о чемъ именно и будетъ у насъ итти рѣчь въ текстѣ.

зависимости отъ того, который изъ этихъ двухъ отвѣтовъ будетъ признанъ правильнымъ, будетъ также рѣшенъ вопросъ и о правильной или неправильной постановкѣ Народною Волею связаннаго съ ея программой рабочаго движенія.

Согласно одному изъ этихъ двухъ отвѣтовъ, неудача Сѣвернаго Союза зависѣла вовсе не отъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ, а была обусловлена какъ политическимъ и экономическимъ состояніемъ России, такъ и тогдашнимъ уровнемъ развитія ея рабочихъ массъ. Съ одной стороны, политическія условія Россіи дѣлали въ ней невозможной систематическую и продолжительную организаціонную дѣятельность въ рабочихъ слояхъ; а съ другой стороны, благодаря какъ экономической, такъ и политической отсталости Россіи, классовое самосознаніе русскихъ рабочихъ массъ (включая сюда также и ихъ политическое развитіе) еще не было тогда достаточно подготовлено для того, чтобы соціалистическая пропаганда могла охватывать ихъ даже при той отрывочной и почти мимолетной революціонной работѣ, какая одна только и была тогда возможна въ Россіи. Въ силу именно этой невозможности вести въ данное время политическую борьбу путемъ одной соціалистичекой пропаганды и путемъ обширныхъ рабочихъ организацій — какъ это предполагалось въ программѣ Сѣвернаго Рабочаго Союза, Народная Воля и была вынуждена тогда поставить эту борьбу на совсѣмъ иную почву.

Такова сущность перваго отвѣта, разсматривающаго рабочее движеніе 80-хъ годовъ во всей его данной исторической обстановкѣ. Что касается второго отвѣта, то сущность его заключается въ стремленіи приписать неудачу Сѣвернаго Рабочаго Союза одновременному существованію съ нимъ народовольческаго движенія. Согласно этому отвѣту, именно Народная Воля и противодѣйствовала успѣху самостоятельняго рабочаго движенія въ Россіи, такъ какъ, во первыхъ, она отвлекала отъ него лучшія революціонныя силы, а во вторыхъ — создавала такое политическое положеніе, при которомъ это самостоятельное движеніе становилось уже невозможнымъ. *)

Оригинальная особенность этого историческаго объясненія судебъ рабочаго движенія въ Россіи заключается въ томъ, что этому объясненію приданъ, такъ сказать, миѳологическій характеръ, ибо успѣхъ одного изъ двухъ революціонныхъ теченій, существовавшихъ тогда одновременно въ Россіи, объясняется какъ-бы борьбою двухъ враждебныхъ силъ, олицетворяющихъ собою эти два теченія, причемъ одна изъ этихъ

---

*) См. «Красное Знамя въ Россіи», стр. 28-33. Мы останавливаемся на этой брошюрѣ, потому что она представляетъ собой наиболѣе полный и обстоятельный очеркъ русскаго рабочаго движенія съ противоположной намъ точки зрѣнія.

силъ побѣждаетъ другую. Вмѣсто того, чтобы поставить успѣхъ одного изъ этихъ двухъ теченій и неудачу другого въ зависимость отъ общихъ историческихъ условій, среди которыхъ возникли и развивались оба эти теченія, это объясненіе довольствуется тѣмъ, что просто приписываетъ пораженіе одного изъ нихъ побѣдѣ другого; причемъ еслибы тогда случилось обратное, т. е. еслибы рабочее движеніе въ Россіи приняло въ концѣ 70-ъ годовъ то направленіе, какое стремился придать ему Сѣверный Рабочій Союзъ, то въ такомъ случаѣ неудача народовольческаго движенія должна была-бы объясняться, согласно этому методу, успѣхомъ Сѣвернаго Союза, который въ свою очередь притянулъ бы тогда къ себѣ лучшія революціонныя силы. И оба эти результата являются при такомъ объясненіи одинаково возможными, съ точки зрѣнія общихъ историческихъ условій. Очень интересно также отмѣтить, что сторонники такого историческаго объясненія прямо заявляютъ при этомъ, что всѣ ***объективныя*** данныя были тогда, по ихъ мнѣнію, какъ разъ на сторонѣ революціоннаго теченія, потерпѣвшаго полную неудачу: «увлеченіе всѣхъ лучшихъ революціонныхъ силъ террористической борьбой» — читаемъ мы въ томъ же «Очеркѣ исторіи русскаго рабочаго движенія» — вредно отозвалось на развитіи рабочихъ организацій какъ разъ въ такое время, когда легче всего могло бы совершиться ***объединеніе рабочихъ массъ и вовлеченіе ихъ въ сознательно-классовую борьбу въ широкихъ размѣрахъ***» (стр. 31, курсивъ мой).

Выходитъ такимъ образомъ, что «объединеніе рабочихъ массъ и вовлеченіе ихъ въ сознательно-классовую борьбу въ широкихъ размѣрахъ» могло бы произойти у насъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, если бы этому не помѣшало «увлеченіе» лучшихъ революціонныхъ силъ того времени.

Мы не думаемъ, чтобы ***такое*** пониманіе общихъ историческихъ причинъ, вызывающихъ и обусловливающихъ массовыя рабочія движенія въ странѣ, могло особенно говорить въ пользу теоретическихъ взглядовъ противниковъ Народной Воли, хотя оно вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ общему взгляду на революціонную программу рабочаго движенія, которая во всякую эпоху и при всякихъ условіяхъ неизмѣнно выливается для нихъ въ одну и ту-же опредѣленную форму, — форму массовыхъ рабочихъ организацій. Они считаютъ, что эти массовыя рабочія организаціи возможны во всякое время и что онѣ были настолько же возможны во времена Народной Воли, какъ и теперь. Постановка рабочаго движенія не мѣняется въ ихъ глазахъ ни въ зависимости отъ данныхъ политическихъ условій страны, ни въ зависимости отъ политическаго развитія рабочихъ массъ, ни даже въ зависимости

отъ размѣровъ и давности самой городской промышленности. Въ такой же абстракціи отъ всего конкретнаго и реальнаго представляется имъ и политическая борьба рабочаго класса. Какимъ путемъ ведется эта политическая борьба въ западно-европейскихъ свободныхъ странахъ? Путемъ обширныхъ рабочихъ организацій. Какимъ путемъ, по мнѣнію критиковъ Народной Воли, должна была-бы вестись эта политическая борьба въ Россіи 80-хъ годовъ? Путемъ обширныхъ чисто-рабочихъ организацій, какъ и предлагалъ это Сѣверный Рабочій Союзъ; разницы, слѣдовательно, нѣтъ никакой; вотъ почему критики Народной Воли и объясняютъ неудачу Сѣвернаго Союза совершенно посторонними обстоятельствами, несвязанными прямо ни съ тогдашнимъ политическимъ положеніемъ рабочихъ массъ въ Россіи, ни съ внутренними условіями самого рабочаго движенія. Мы уже видѣли, что эти критики прямо приписываютъ неудачу Сѣвернаго Союза вредному вліянію на рабочее движеніе Народной Воли. Благодаря этому вредному вліянію, истинное рабочее движеніе какъ бы пріостановилось тогда, по ихъ мнѣнію, въ Россіи и должно было ждать для себя болѣе счастливыхъ временъ, каковыя и наступили вмѣстѣ съ прекращеніемъ народовольческаго періода въ нашемъ революціонномъ движеніи:

«Пораженіе партіи «Народной Воли»—говоритъ авторъ «Краснаго Знамени въ Россіи» (стр, 55)—«очистило почву для появленія новыхъ идей, которыя подвели итогъ совершившимся за 20 лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ, перемѣнамъ въ экономическомъ строѣ Россіи. Въ лицѣ соціаль-демократіи русское соціалистичеекое движеніе слило, наконецъ, свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата.»

Итакъ, если даже допустить, что русское соціалистическое движеніе должно было, въ извѣстный моментъ, слить свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата, въ смыслѣ перенесенія центра тяжести всей революціонной борьбы на объединеніе и организацію городскихъ рабочихъ массъ, то, по мнѣнію нашего автора, оно должно было-бы сдѣлать это еще въ 1881 г., такъ какъ тѣ итоги экономическихъ перемѣнъ, которые нашли затѣмъ свое выраженіе въ «новыхъ соціаль-демократическихъ идеяхъ» были на лицо уже и тогда (итоги 20-ти лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ). А если этого не случилось, то виной тому было народовольческое движеніе пораженіе котораго «очистило почву».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу еще одного изъ проявленій того задерживающаго вліянія Народной Воли на рабочее движеніе, о которомъ говорятъ ея критики, а именно по поводу существеннаго измѣненія полицейскихъ условій, якобы вызваннаго въ Россіи народовольческимъ движеніемъ.

«Въ самомъ дѣлѣ»,-говоритъ, напримѣръ, авторъ «Краснаго Знамени»—«какъ только на первый планъ выступила террористическая борьба, условія всякой революціонной дѣятельности стали отчаянно-затруднительными. Полицейскія строгости по всей Россіи, особенно же въ большихъ городахъ, усилились до небывалыхъ размѣровъ». И далѣе: «Поэтому, въ то время какъ заговорщики-террористы, несмотря на полицейскую травлю, успѣвали все таки приводить въ исполненіе свои планы, прочіе революціонеры, посвящавшіе себя дѣлу пропаганды и агитаціи, на каждомъ шагу встрѣчали непреодолимыя для нихъ препятствія, падали жертвой шпіоновъ и подстрекателей, арестовывались и высылались сотнями. Все это сильно тормазило рабочее дѣло и, что всего хуже, отвлекало отъ него наиболѣе энергичныхъ борцовъ» (стр. 29-30).

Такимъ образомъ мы спускаемся здѣсь въ область соображеній, стоящихъ еще болѣе далеко отъ какой либо связи съ внутренними условіями, обезпечивающими успѣхъ массового рабочаго движенія,—соображеній, построенныхъ на томъ предположеніи, что само по себѣ, массовое рабочее движеніе не вызвало-бы въ Россіи особенно большихъ «полицейскихъ строгостей».

Но если принять во вниманіе то необычайное развитіе шпіонства и организованной провокатуры, какое было сразу же вызвано у насъ усиленіемъ рабочаго движенія во второй половинѣ 90-хъ годовъ,—причемъ слѣдуетъ замѣтить, что разгромъ Сѣверного Союза былъ обязанъ какъ разъ тому обстоятельству что въ рядахъ его оказались два провокатора, Рейнштейнъ и его жена—то надо будетъ признать и эту экскурсію въ область исторической критики въ такой-же мѣрѣ несостоятельной. Для всѣхъ непредупрежденныхъ людей должно быть вполнѣ очевиднымъ, что массовое рабочее движеніе въ Россіи могло разсчитывать на сколько-нибудь устойчивое положеніе только въ томъ случаѣ, если-бы скорость его распространенія или, другими словами, степень революціонной воспріимчивости рабочихъ массъ достигла въ данное время такого уровня, при которомъ самыя худшія полицейскія условія уже не имѣли-бы для него рѣшающаго значенія.

* * *

Но отчего же, спрашивается, зависятъ, въ свою очередь, скорость распространенія массового рабочаго движенія и революціонная воспріимчивость рабочихъ массъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что это опредѣляется всею совокупностью историческихъ условій; но для даннаго случая мы можетъ ограничиться лишь тѣми изъ условій, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ развитію нашего революціоннаго движенія. Одни изъ этихъ условій относятся къ области стихійныхъ процессовъ, другіе къ области революціонной дѣятельности. Изъ числа

первыхъ можно указать, прежде всего, на вліяніе фабричной и городской жизни, при все возрастающемъ скопленіи рабочихъ массъ въ городахъ, а также на то разрушительное вліяніе, какое оказывала у насъ на традиціонные политическіе взгляды рабочихъ массъ сама правительственная политика. Все это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но мы хотѣли бы обратить вниманіе лишь на то обстоятельство, что оба эти вліянія, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе, такъ сказать, аккумулируются, накопляются въ рабочей средѣ, вслѣдствіи чего *элементъ времени* необходимо долженъ быть принять здѣсь въ соображеніе, какъ одна изъ важныхъ составныхъ частей всего результата. Вотъ почему совершенно неправильно судить о возможности у насъ массового рабочаго движенія въ 80-хъ годахъ только по данному уровню развитія нашей городской промышленности, не считаясь съ ея давностью. Несомнѣнно, что даже при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, петербурская рабочая масса въ концѣ 90-хъ годовъ уже не была-бы тою-же самою, какою она оказалась въ концѣ 70-хъ.

Очень важное значеніе для нашего революціоннаго движенія имѣло также вліяніе все болѣе и болѣе накоплявшихся воздѣйствій на рабочія массы со стороны революціонныхъ партій, тотъ въ значительной своей части незамѣтный и неуловимый процессъ проникновенія въ рабочую среду и распространенія въ ней революціонныхъ идей, о которомъ мы получаемъ нѣкоторое представленіе лишь по отдѣльнымъ, отрывочнымъ фактамъ. Отрицать роль и значеніе этого поготовительнаго процесса въ развитіи нашего революціоннаго рабочаго движенія врядъ-ли рѣшатся даже сторонники «чисто-рабочихъ организацій»; — да, наконецъ, роль и значеніе этого процесса прямо засвидѣтельствована предъ нами даже въ тѣхъ немногихъ отрывочныхъ матерьялахъ по исторіи русскаго рабочаго движенія, которые приведены нами выше.

Кромѣ общаго революціонизирующаго вліянія, распространяющагося на широкіе рабочіе слои, здѣсь очень важно также выработка отдѣльныхъ болѣе или менѣе выдающихся представителей рабочаго клласа, постепенный ростъ того контингента сознательныхъ рабочихъ, безъ котораго не можетъ обойтись ни одно массовое рабочее движеніе. Возьмемъ хотя-бы ту же попытку Сѣвернаго Рабочаго Союза: она необходимо должна была принять у насъ форму извѣстной революціонной организаціи. Если-бы въ данный моментъ не оказалось на лицо людей въ родѣ Обнорскаго и Халтурина, выдвинутыхъ еще движеніемъ начала 70-хъ годовъ, а также тѣхъ десятковъ и сотенъ сознательныхъ петербургскихъ рабочихъ, которые присоединились къ нимъ, то не могло бы явиться даже и этой попытки.

Итакъ, всякое соціалистическое рабочее движеніе необходимо должно пережить—по крайней мѣрѣ въ странахъ, лишенныхъ политической свободы — извѣстный подготовительный періодъ, когда оно выливается въ форму революціонныхъ рабочихъ кружковъ, примыкающихъ къ центральнымъ революціоннымъ организаціямъ въ качествѣ ихъ составныхъ частей. Протестовать противъ такого положенія вещей во имя «особыхъ, чисто-рабочихъ организацій» — значитъ протестовать противъ историческихъ условій развитія рабочаго движенія во имя какой-то утопической, идеальной формы этого движенія, значитъ отрывать соціалистическое рабочее движеніе отъ его первоначальнаго идейнаго источника и отъ его первоначальнаго личнаго состава, — словомъ, отъ того первоначальнаго соціалистическаго теченія, съ которымъ оно неразрывно связано. Въ этомъ именно и заключается, какъ мы уже говорили, вторая характерная черта того совершенно ошибочнаго представленія о рабочемъ движеніи, на которомъ построена вся критика Народной Воли и на которомъ основано отрицательное отношеніе къ ея революціоннымъ заслугамъ

III

Но революціонныя заслуги Народной Воли или, иными словами, ея роль въ развитіи революціоннаго движенія въ Россіи не ограничивалась тѣмъ, что она способствовала распространенію соціалистическихъ идей въ рабочей средѣ, что она принимала дѣятельное участіе въ томъ подготовительномъ процессѣ революціонизированія рабочихъ массъ, о которомъ мы говорили выше.

Значеніе народовольческаго періода вообще не ограничивается одною *подготовительною* революціонною дѣятельностью; народовольческое движеніе уже перешло отъ этой подготовительной стадіи къ непосредственной революціонной борьбѣ, и въ этомъ заключается его наиболѣе характерная черта. Поскольку оно организовало рабочіе кружки и вырабатывало сознательныхъ представителей рабочаго класса, постольку оно лишь продолжало работу своихъ предшественниковъ; но мы видѣли, что къ концу 70-хъ годовъ въ нашемъ революціонномъ движеніи произошелъ крупный переломъ. Прежняя, такъ сказать, *внѣ-политическая* постановка всей революціонной дѣятельности уступила мѣсто открытому признанію политической борьбы. Законность и необходимость этого перехода не можетъ подлежать сомнѣнію. Пока соціалистическое движеніе въ Россіи не было связано съ политической борьбой, до тѣхъ поръ оно оставалось какъ-бы безформеннымъ, оно не имѣло своей опредѣленной ближайшей задачи. Между тѣмъ, какъ мы уже упоминали выше, рабочее движеніе, какъ и

всякое классовое движеніе, необходимо должно имѣть свою политическую программу, ибо только въ области политическихъ отношеній оно можетъ получить конкретное содержаніе и приближаться къ осуществленію своихъ классовыхъ задачъ.

Но политическая программа необходимо предполагаетъ политическую борьбу; иначе эта программа фактически будетъ отсутствовать въ жизни партіи. Задача всякаго соціалистическаго движенія сводится въ концѣ концовъ къ росту соціалистической партіи, причемъ политическая программа имѣетъ своею задачей, прежде всего, обезпечить условія этого роста, раздвинуть тѣ рамки, въ предѣлахъ которыхъ должна развиваться въ данное время соціалистическая партія. До тѣхъ поръ пока соціалистическое движеніе въ Россіи могло развиваться въ условіяхъ нашей пореформенной общественной жизни, пока оно могло пользоваться еще неисчерпаннымъ тогда вліяніемъ нашей замѣчательной соціалистической литературы 60-хъ годовъ и рекрутироваться въ средѣ университетской молодежи, которая стала затѣмъ прокладывать первыя пути въ рабочія массы и завязывать съ ними свои первыя связи, — до тѣхъ поръ политическая программа могла оставаться для него въ сторонѣ, и революціонная энергія, революціонный энтузіазмъ еще находили тогда для себя достаточно приложенія въ этой сферѣ дѣятельности. Но затѣмъ наступилъ моментъ, когда эти первоначальные рессурсы движенія уже были исчерпаны, и когда въ немъ стала ощущаться извѣстная пустота*). Это именно значило, что политическія условія Россіи уже не допускали дальнѣйшаго роста партіи *внѣ политической борьбы*; это значило, что движаніе уже выступило тогда изъ фазиса одного идейнаго прозелитизма, что въ Россіи уже образовалась тогда извѣстная соціа-

*) Этотъ моментъ очень ярко обрисованъ въ воспоминаніяхъ Дебагорія-Мокріевича, тамъ, гдѣ онъ описываетъ настроеніе южной группы революціонеровъ въ 1876-77 гг. Но только авторъ ошибочно приписываетъ это настроеніе безсодержательности самаго ранняго періода нашего соціалистическаго движенія (1872—1876 гг.); напротивъ того, этотъ періодъ былъ очень содержателенъ, чѣмъ и объясняется огромный революціонный энтузіазмъ того времени; настроеніе же, описываемое авторомъ, объясняется тѣмъ, что къ 1876 г. программа этого перваго періода была уже исчерпана. Авторъ впадаетъ здѣсь въ обычную ошибку всѣхъ разочарованныхъ революціонеровъ, а именно—оцѣниваетъ революціонныя задачи уже пережитаго періода съ точки зрѣнія позднѣйшихъ временъ, когда эти задачи, конечно, оказываются совершенно несостоятельными.

листическая организація, которая необходимо должна была имѣть свою опредѣленную революціонную программу. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ, какъ извѣстно, въ сторону наименьшаго сопротивленія, въ сторону обхода политической борьбы: въ южныхъ организаціяхъ — путемъ бунтарской программы мѣстныхъ возстаній, въ сѣверныхъ организаціяхъ — путемъ такъ называемыхъ «поселеній» съ цѣлью организаціи деревенскихъ массъ; но такъ какъ рабочія массы въ Россіи не были готовы тогда къ возникновенію въ ихъ средѣ массового революціоннаго движенія въ какой-бы то ни было формѣ, то и этотъ рессурсъ былъ вскорѣ исчерпанъ. Тогда для революціонной партіи явилась необходимость въ ближайшей и осуществимой политической программѣ, т. е. въ программѣ не въ видѣ общихъ политическихъ задачъ и общихъ политическихъ требованій, каковыя несомнѣнно связывались и съ первымъ періодомъ нашего революціоннаго движенія, а въ формѣ извѣстной постановки политической борьбы.

Въ этомъ именно смыслѣ, т. е. въ смыслѣ перехода отъ общихъ политическихъ требованій къ вполнѣ опредѣленной постановкѣ политическаго вопроса, мы и сказали выше, что для всякой революціонной партіи политическая программа необходимо предполагаетъ политическую борьбу; иначе эта программа не будетъ фактически связана съ партійною дѣятельностью, оставаясь лишь въ области однихъ теоретическихъ положеній. Съ этой точки зрѣнія, организація Сѣвернаго Рабочаго Союза, напримѣръ, хотя открыто признавала необходимость политическаго переворота, но все-таки еще не имѣла своей партійной политической программы, ибо не указывала никакой опредѣленной формы политической борьбы; она, какъ мы видѣли, ставила своей ближайшей цѣлью объединеніе рабочихъ массъ и тѣмъ самымъ какъ бы допускала возможность дальнѣйшаго роста соціалистической партіи *внѣ политической борьбы.* Это было только, такъ сказать, чисто теоретическое признаніе необходимости политической борьбы, не связанное съ самымъ движеніемъ. Народная Воля сдѣлала въ этомъ случаѣ необходимый шагъ впередъ и переступила роковую черту; она сблизила революціонную теорію съ практикой въ такомъ трудномъ пунктѣ, какъ область непосредственной политической борьбы въ Россіи. Не то было важно, что Народная Воля *поняла* неизбѣжность столкновенія революціоннаго движенія съ самодержавіемъ, хотя и это, конечно, можно признать съ ея стороны извѣстной теоретической заслугой; но въ этомъ случаѣ съ ней смѣло могли бы конкуррировать, пожалуй, даже кое-кто изъ нашихъ либераловъ; дѣйствительная и чрезвычайно важная революціонная заслуга Народной Воли заключалась въ томъ, что она

переступила ту пропасть, которая отдѣляетъ ***пониманіе*** ближайшихъ политическихъ задачъ революціоннаго движенія въ Россіи, отъ того рѣшительнаго и рокового шага, какимъ являлась тогда у насъ и является еще до сихъ поръ ***непосредственная политическая борьба.***

Истинное значеніе этого рѣшительнаго поворота въ нашемъ революціонномъ движеніи, произведеннаго партіей Народной Воли, не ясно представляли себѣ даже тѣ изъ авторовъ, которые одно время очень настаивали на заслугахъ Народной Воли, когда вели борьбу съ такъ называемымъ экономизмомъ. «Великой заслугой партіи Народной Воли»—говоритъ, напримѣръ, авторъ «Краснаго Знамени въ Россіи» — «было признаніе необходимости прежде всего свергнуть самодержавіе» (стр. 49). Мы видимъ, что авторъ также говоритъ здѣсь лишь объ одномъ ***признаніи*** необходимости борьбы съ самодержавіемъ, а не о самой борьбѣ съ самодержавіемъ, отдѣляя такимъ образомъ теоретическую заслугу Народной Воли отъ ея практической революціонной программы. Между тѣмъ легко видѣть, что для всякой революціонной партіи признаніе необходимости политической борьбы никоимъ образомъ не можетъ быть отдѣляемо отъ признанія необходимости перехода къ непосредственной политической борьбѣ; другими словами, это признаніе никоимъ образомъ не можетъ быть относимо, по времени, къ какому нибудь другому, болѣе или менѣе отдаленному моменту, а не къ моменту данной революціонной дѣятельности, ибо, въ противномъ случаѣ, по отношенію къ этому-то именно данному моменту, такое признаніе было бы не признаніемъ, а отрицаніемъ необходимости политической борьбы. Мы видимъ, слѣдовательно, что дѣло идетъ въ такихъ случаяхъ вовсе не о теоріи.

Что касается собственно теоретической постановки вопроса о политической борьбѣ, то несомнѣнно, что для каждой революціонной партіи всегда выгоднѣе откладывать до самой послѣдней возможности свой переходъ къ непосредственной политической борьбѣ, если только партія ***имѣетъ*** эту возможность, т. е. если данное революціонное движеніе ***можетъ*** развиваться при условіи воздержанія отъ непосредственнаго столкновенія съ государствомъ, — ибо для всякой революціонной партіи всегда неизмѣримо выгоднѣе начать политическую борьбу съ возросшими и лучше подготовленными силами. Въ этихъ же предѣлахъ и ставится теоретически вопросъ о политической борьбѣ для каждой революціонной партіи. Въ этихъ именно предѣлахъ онъ былъ поставленъ и по отношенію къ Народной Волѣ; и Народная Воля рѣшила этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, т. е. признала для себя необходимость непосредственной борьбы съ самодержавіемъ. Въ этомъ и заключалась вся заслуга Народной Воли въ самой ***постановкѣ*** поли-

тическаго вороса, а никакъ не въ признаніи необходимости борьбы съ самодержавіемъ въ видѣ какого-то общаго теоретическаго положенія или въ примѣненіи къ какому-то другому, болѣе или менѣе отдаленному моменту, — ибо въ такомъ смыслѣ это признаніе не имѣло бы ровно никакого значенія. Во всемъ нашемъ революціонномъ движеніи и во всей нашей соціалистической партіи, съ самаго ея зарождеція, никогда не существовало ни одного такого направленія и ни одной такой фракціи, которыя ***отвергали бы*** необходимость борьбы съ самодержавіемъ въ видѣ общаго теоретическаго положенія: не отвергала этой борьбы наша соціалистическая партія въ самый ранній періодъ своего существованія, но только она переносила тогда эту борьбу на моментъ общаго народнаго возстанія; не отвергала этой борьбы даже партія Чернаго Передѣла, откладывавшая ее до того времени, когда должна была состояться предварительная организація рабочихъ массъ; наконецъ Сѣверный Рабочій Союзъ, какъ мы уже видѣли, прямо включалъ въ свою программу всѣ главнѣйшія политическія требованія и прямо заявлялъ о необходимости политическаго переворота. Какое же значеніе могло-бы имѣть въ такомъ случаѣ признаніе Народною Волею небходимости борьбы съ самодержавіемъ, если бы это признаніе не относилось къ данному, опредѣленному моменту и еслибы оно не означало фактическаго перехода къ непосредственной политической борьбѣ?

Мы очень задержались на выясненіи того, какое значеніе имѣло въ дѣйствительности признаніе Народной Волею необходимости политической борьбы, такъ какъ здѣсь именно скрывается одно очень важное недоразумѣніе, имѣющее прямое отношеніе къ занимающему насъ теперь вопросу: выясненію объективнаго значенія революціонной дѣятельности Народной Воли. Мы видимъ, что даже самые непримиримые противники народовольческой программы, приписывающіе именно ея политической сторонѣ какое-то вредное вліяніе на наше рабочее движеніе и на весь ходъ нашей революціонной борьбы, принуждены были тѣмъ не менѣе открыто признать какую-то «великую заслугу» Народной Воли именно въ политической области. Но въ чемъ же однако заключалась эта заслуга? Одно изъ двухъ: или Народная Воля ***правильно*** рѣшила вопросъ о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, или она рѣшила этотъ вопросъ неправильно, т. е. начала непосредственную политическую борьбу ранѣе, чѣмъ вынуждала ее къ этому прямая необходимость, начала ее въ то время, когда соціалистическое движеніе въ Россіи еще могло бы расти и развиваться, въ данныхъ политическихъ рамкахъ, ***при полномъ воздержаніи отъ политической борьбы.*** Но въ такомъ случаѣ о какихъ великихъ заслугахъ можетъ идти

рѣчь? Въ такомъ случаѣ будемъ говорить прямо, что революціонное движеніе въ Россіи и въ 1878-79 гг. должно было удерживаться на той же почвѣ отрицательнаго отношенія къ политической борьбѣ, на какой оно стояло въ предшествующій періодъ, и что вся правда, слѣдовательно, была тогда всецѣло на сторонѣ группы Чернаго Передѣла, которая, какъ мы видѣли, самымъ энергичнымъ образомъ отрицала, для даннаго момента, необходимость перехода къ прямой, непосредственной борьбѣ съ самодержавіемъ.

Вотъ, значитъ, въ чемъ заключается то недоразумѣніе, въ которое впадаютъ многіе авторы, рѣзко критикующіе, съ одной стороны, всю политическую дѣятельность Народной Воли и признающіе, съ другой стороны, ея политическія заслуги. Признавая правильнымъ ея рѣшеніе насчетъ необходимости борьбы съ самодержавіемъ, они отрицаютъ самую борьбу; находя въ ея постановкѣ политическаго вопроса нѣчто новое и цѣнное, они въ то же время направляютъ свои критическіе удары какъ разъ на все то новое и цѣнное, что было внесено ею въ революціонное движеніе. Признавая правильнымъ рѣшеніе о необходимости непосредственной борьбы съ самодержавіемъ, они какъ бы забываютъ при этомъ о всѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ, какъ этого рѣшенія, такъ и самой борьбы, приписывая всѣ *отрицательныя* стороны такого рѣшенія и всѣ неизбѣжныя отрицательныя стороны, сопровождающія всякую революціонную политическую борьбу, отрицательнымъ сторонамъ народовольческой программы. Мы уже видѣли, къ какимъ двумъ главнымъ пунктамъ сводятся всѣ критическія замѣчанія, направленныя противъ народовольческаго движенія: оно отвлекло лучшія революціонныя силы отъ рабочаго движенія (въ смыслѣ чисто-подготовительной работы) и оно вызвало политическую реакцію. Но спрашивается: развѣ мыслимо вообще начать революціонную политическую борьбу, т. е. осуществить переходъ отъ сравнительно мирнаго подготовительнаго періода революціоннаго движенія къ несравненно болѣе трудному періоду непосредственнаго столкновенія съ государствомъ безъ того, чтобы въ этомъ переходѣ не приняли участія лучшія революціонныя силы? Съ другой стороны, развѣ можно было-бы представить себѣ, чтобы серьезная политическая борьба въ Россіи не встрѣтила сопротивленіи, т. е. не вызвала реакціи? Неужели же эти неизбѣжныя послѣдствія *всякаго перехода* къ непосредственной политической борьбѣ въ самодержавномъ государствѣ говорятъ что-нибудь, сами по себѣ, въ пользу или противъ народовольческаго движенія? И неужели же одно простое указаніе на эти послѣдствія дѣйствительно представляетъ собою серьезную историческую критику? Мы видимъ такимъ образомъ, что въ дѣйствительности критика народо-

вольческаго движенія должна быть построена вовсе не на вышеуказанныхъ двухъ послѣдствіяхъ, неразрывно связанныхъ съ самой данной постановкой политическаго вопроса, а должна была бы быть направлена на самую эту постановку, т. е. въ сущности должна была бы вернуться къ основному разногласію между народовольцами и чернопередѣльцами по поводу вопроса о политической борьбѣ. Въ этомъ именно смѣшеніи двухъ совершенно разныхъ сторонъ дѣла, въ этомъ смѣшеніи причинъ съ послѣдствіями, въ этомъ перенесеніи всѣхъ неизбѣжныхъ потерь и всѣхъ отрицательныхъ сторонъ революціоннаго движенія, обусловленныхъ необходимостью и вызванныхъ отрицательными сторонами даннаго политическаго строя, на счетъ самого революціоннаго движенія, мы и видимъ главную причину того страннаго недоразумѣнія, которое мѣшаетъ до сихъ поръ правильному пониманію и правильной оцѣнкѣ положительныхъ результатовъ народовольческаго періода. Устраните это недоразумѣніе, откиньте тотъ плохо вяжущійся съ революціоннымъ міросозерцаніемъ предразсудокъ, въ силу котораго послѣдствія революціоннаго движенія измѣряются потерями революціонныхъ силъ или ближайшими неудобствами политической реакціи, и тогда всѣ положительныя стороны и все положительное значеніе народовольческаго періода въ развитіи нашего революціоннаго движенія сами собою выступятъ наружу.

Эти положительныя стороны народовольческаго движенія заключаются, прежде всего въ самомъ фактѣ революціоннаго движенія, въ самомъ фактѣ его поддержанія и его проведенія черезъ тотъ тяжелый и трудный моментъ его развитія, когда первоначальная вѣра въ революціонное настроаніе рабочихъ массъ была разрушена и когда движеніе какъ-бы остановилось передъ неопреодолимой преградой. Прежній мирный путь соціалистической пропаганды, вызвалъ такое сопротивленіе со стороны поднятаго на ноги государства, при которомъ казалось, что потери уже не вознаграждались больше успѣхами, вслѣдствіе чего революціонная программа начала 70-хъ годовъ стала быстро утрачивать свою притягательную силу. То обстоятельство, что всѣ лучшія революціонныя силы даннаго времени — и очень крупныя силы — не находили достаточной точки опоры въ старой программѣ и искали новыхъ путей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано простой случайности, причемъ совершенно неправильно было-бы утверждать, также, что всѣми этими людьми руководило тогда какое то слѣпое «увлеченіе политической борьбой»; наоборотъ: ихъ *толкало* въ сторону политической борьбы разочарованіе въ старой программѣ. Не субъективное увлеченіе играло тутъ роль, а неустранимыя и, можно сказать, роковыя условія даннаго политическаго строя. То упорство съ какимъ

Софья Перовская, напримѣръ, отстаивала свою прежнюю точку зрѣнія, а также то обстоятельство, что такіе страстно-убѣжденные и такіе талантливые пропагандисты-народники, какъ напр., Андрей Франжоли, Александръ Квятковскій или Теллаловъ перешли всецѣло на сторону новаго направленія, достаточно говоритъ въ пользу того, что дѣло заключалось тогда вовсе не въ личныхъ увлеченіяхъ, а также и не въ недостаткѣ личныхъ силъ и личныхъ способностей. Все дѣло заключалось тогда въ несоотвѣтствіи между революціонной программой и условіями революціонной борьбы. Старый путь мирной соціалистической пропаганды не соотвѣтствовалъ болѣе политическимъ условіямъ Россіи и потому не могъ способствовать дальнѣйшему росту партіи. Вотъ вполнѣ ясное и опредѣленное объясненіе происшедшаго тогда поворота въ революціонномъ движеніи. Революціонное движеніе въ Россіи вовсе не было уничтожено или разбито къ концу 70-хъ годовъ; напротивъ, мы знаемъ, что оно сохранило къ тому времени довольно значительный и очень хорошо подобранный контингентъ революціонеровъ. Побѣжденной оказалась тогда лишь данная *система* революціонной борьбы, ибо самодержавію легко удалось къ концу 70-хъ годовъ совершенно дезорганизовать систему мирной соціалистической пропаганды и агитаціи и внести извѣстное разочарованіе въ ряды революціонеровъ. Тогда понадобился новый шагъ со стороны революціонной партіи, требовавшій большой рѣшительности и большой вѣры въ свое дѣло. И вотъ, какъ мы знаемъ, шагъ этотъ былъ сдѣланъ Народной Волей. Она связала соціалистическое движеніе съ политической борьбой и придала этому движенію болѣе опредѣленную форму; она ввела его, такъ сказать, въ опредѣленныя рамки и гораздо точнѣе опредѣлила тѣ силы, на которыя оно могло въ данное время разсчитывать; изъ области слишкомъ широкихъ, несбыточныхъ плановъ она перенесла его въ область хотя и необычайно трудной, но все-таки непосредственной, вполнѣ конкретной борьбы. «Въ революціи видимость, форма, фраза хуже, чѣмъ ничего. Тратить дѣйствительную силу мы можемъ лишь на созданіе дѣйствительной-же силы (или, конечно, на разрушеніе вредной силы.). Поэтому мы считаемъ прямо вредными несбыточныя мечты о широкой народной организаціи. Не широкая организація намъ нужна, а прочная рѣшительная, революціонная».—Эти слова изъ № 10 «Народной Воли» хорошо характеризуютъ ту сторону народовольческаго движенія, которая заключалась именно въ его близкомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, что какъ бы внесло въ него новыя жизненныя силы. Мы знаемъ дѣйствительно, что переходъ къ народовольческой программѣ сопровождался необычайнымъ подъемомъ революціонной энергіи, при чемъ даже тѣ же са-

мыя отрасли революціонной дѣятельности, что и прежде, получили тогда небывалые до того размѣры и давали гораздо болѣе крупные результаты: такъ, мы уже приводили нѣкоторыя свидѣтельства того, какое широкое развитіе получила тогда соціалистическая пропаганда въ рабочей средѣ. То же самое можно сказать о дѣятельности среди университетской молодежи и среди военныхъ. Вообще движеніе тогда какъ-бы сразу выросло и въ сравнительно короткое время выдвинуло значительное число выдающихся дѣятелей съ соотвѣтственно возросшей сферой ихъ вліянія. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что идея соціальной революціи никогда еще не получала до того времени такого широкаго распространенія въ Россіи. Изъ болѣе или менѣе замкнутой среды революціонныхъ кружковъ она впервые перешла тогда на широкую арену общественной жизни, пробуждая общественное вниманіе огромнаго числа людей и революціонизируя тысячи и десятки тысячъ болѣе воспріимчивыхъ элементовъ. Можно сказать также, что съ этого именно момента русская общественная жизнь вступила въ революціонный фазисъ. Революціонное движеніе уже не было больше отдѣльнымъ эпизодомъ, частичнымъ явленіемъ на общемъ фонѣ пореформенной русской жизни; напротивъ того, съ этого момента *вся* внутренняя жизнь Россіи и вся ея внутренняя политика были всецѣло сосредоточены на борьбѣ между революціонной партіей и самодержавно-буржуазнымъ правительствомъ. Господствовавшее въ послѣ-реформенный періодъ умѣренно-либеральное направленіе, затушевывавшее истинное положеніе дѣлъ, исчезло съ общественной сцены; страна рѣзко раздѣлилась на два лагеря съ рѣзко опредѣленными классовыми интересами: революціонно-соціалистическій и реакціонно-буржуазный. Прежніе споры шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ о мирномъ или революціонномъ пути развитія для Россіи, замѣнились спорами о тѣхъ или другихъ *способахъ* революціонной борьбы, о тѣхъ или другихъ революціонныхъ программахъ.

Вотъ въ этомъ именно *ростѣ* самаго революціоннаго движенія въ Россіи и заключаются главные положительные результаты народовольческаго періода, создавшаго сравнительно очень широкіе кадры среди революціонной интеллигенціи и подготовившаго переходъ отъ кружковой соціалистической пропаганды къ массовому рабочему движенію.

Дополнительная глава.

—

ПОСЛѢДНІЙ ПЕРІОДЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ.
(1881 г. — 1887 г.)

I.

Тунъ заканчиваетъ свое изложеніе событіемъ 1-го марта, ограничиваясь лишь нѣсколькими словами о ходѣ революціоннаго движенія въ промежутокъ времени съ 1881 по 1883 г., когда появилась на свѣтъ его книга. Такимъ образомъ, исторія народовольческаго движенія была по необходимости оборвана авторомъ и не доведена до его послѣдняго періода. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, мы предлагаемъ читателю въ этой дополнительной главѣ краткій очеркъ тѣхъ революціонныхъ событій, въ которыхъ проявлялась дѣятельность партіи послѣ 1-го марта вплоть до того момента, когда ея силы были окончательно исчерпаны. При составленіи этой дополнительной главы мы пользовались, какъ нѣкоторыми еще неизданными мемуарами, такъ личными воспоминаніями и указаніями нѣкоторыхъ современниковъ и участниковъ народовольческаго движенія.

Первый періодъ народовольческаго движенія, закончившійся событіемъ 1-го марта 1881 г., этотъ первый опытъ перехода къ непосредственной борьбѣ съ самодержавіемъ, потребовалъ вмѣшательства лучшихъ революціонныхъ силъ того времени и стоилъ революціонной партіи многихъ потерь. Изъ числа выбывшихъ тогда изъ рядовъ слѣдуетъ назвать прежде всего Валерьяна Осинскаго и его ближайшихъ товарищей: С. Лешернъ, Волошенко, Попко, Брантнера, Свириденко, братьевъ Ивичевичей и др. Хотя они сошли со сцены раньше формальнаго образованія партіи Народной Воли, но были именно піонерами того новаго направленія въ революціонномъ движеніи, которое приняло менѣе чѣмъ черезъ годъ вполнѣ законченную и опредѣленную форму. Затѣмъ послѣдовали аресты Ал. Квятковскаго, Ширяева, Ал. Михайлова.; наконецъ, въ связи съ событіемъ 1-го марта, выбыли изъ строя Желябовъ, Перовская, Тригони, Кибальчичъ, Гриневицкій, Тимофей Михайловъ, Саблинъ, Исаевъ, Г. Гельфманъ, С. Иванова, Колоткевичъ, Прѣсняковъ, Баранниковъ, Фроленко, Морозовъ, Сухановъ, Штромбергъ. *)

---

*) Перовская, Саблинъ, Гельфманъ и Кибальчичъ были арестованы въ мартѣ-же 1881 г.; Исаевъ—1-го апрѣля; Сухановъ и Штромбергъ—28 апрѣля.

Но, не смотря на эти огромныя потери, организація Народной Воли не была разрушена. Въ ней еще оставались: Теллаловъ, Оловенникова, Л. Тихомировъ, Ю. Богдановичъ, Сав. Златопольскій, А. Франжоли, Лангансъ, Якимова, Г. Чернявская, П. Ивановская, Грачевскій, А. Корба, Халтуринъ, В. Фигнеръ, и затѣмъ цѣлая организація офицеровъ, стоявшая въ тѣсной связи съ Исполнительнымъ Комитетомъ: Н. Рогачевъ, Похитоновъ, Ашенбренеръ, Стратоновичъ, Серебряковъ, Буцевичъ, Крайскій и др.

То, что партія Народной Воли продолжала фактически существовать и функціонировать послѣ мартовскихъ погромовъ, подтверждается между прочимъ ея усиленною издательскою дѣятельностью въ томъ же 1881 г. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ году изъ тайныхъ типографій партіи вышли слѣдующія изданія: три прокламаціи по поводу событія 1-го марта — къ русскому обществу, къ рабочему народу и къ европейскому обществу, причемъ прокламація къ рабочему народу была распространена въ огромномъ количествѣ по всей Россіи; прокламація по поводу казни Желябова, Перовской, Кибальчича, Тимоф. Михайлова и Рысакова (3-го апрѣля); письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III; прокламація къ русскимъ крестьянамъ (августъ 1881 г.); вольному казачеству (сентябрь 1881 г.); честнымъ мірянамъ; украинскому народу (сент. 1881 г.); русскимъ офицерамъ. Наконецъ, въ томъ же году вышли два номера газеты «Народной Воли» (6 и 7) и «Листокъ Нар. Воли» отъ 22 іюля 1881 г., а также одинъ номеръ «Рабочей Газеты» (отъ 10 декабря). Все это было напечатано въ тайныхъ типографіяхъ партіи.

Наконецъ, нѣкоторое подтвержденіе тому, что партія Народной Воли и послѣ 1-го марта все еще представляла собою довольно значительную организаціонную силу, мы находимъ также и въ томъ обстоятельствѣ, что именно въ это время къ ней присоединились нѣкоторые выдающіеся члены Чернаго Передѣла, а именно — Стефановичъ со своими петербургскими товарищами.

Но недостатокъ силъ все-таки ощущался тогда организаціей въ значительной степени, вслѣдствіе чего было рѣшено основать особую группу для освобожденія заключенныхъ и устройства побѣговъ изъ Сибири. Организаторами этой группы были Юрій Богдановичъ и Халтуринъ. Мысль о такой освободительной дѣятельности зарождалась еще и ранѣе въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ группахъ, какъ напр., въ саратовской, трое изъ членовъ которой: Ювенальевъ, С. Поливановъ и Майновъ желали всецѣло посвятить себя этому дѣлу*). Лѣтомъ 1881 года Ю. Богдановичъ и Иванъ Калюжный

*) См. подробно объ этомъ въ № 4 «Былого», стр. 19-20. По-

ѣздили въ Сибирь и организовали путь для бѣглецовъ. Первымъ изъ такихъ бѣглецовъ былъ М. Клименко, принимавшій затѣмъ участіе въ убійствѣ Стрѣльникова.

Такимъ образомъ, организація Народной Воли стягивала свои силы и разсчитывала продолжать борьбу террористическими мѣрами. То выжидательное положеніе, какое заняла партія вмѣстѣ съ опубликованіемъ «Письма къ Александру III», продолжалось очень короткое время, такъ какъ намѣреніе правительства отстаивать реакціонную политику выяснилось очень скоро. Не мѣшаетъ однако замѣтить, что правительство Александра III все-таки считало тогда свое положеніе довольно опаснымъ, почему и откладывало въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ коронацію. Съ этою боязнью правительства связанъ любопытный эпизодъ переговоровъ съ Исп. Комитетомъ, начатыхъ въ 1882 г. придворною партіею Воронцова-Дашкова. Дѣло шло о томъ, чтобы выяснить условія, на какихъ могла-бы быть пріостановлена тогда террористическая дѣятельность со стороны революціонеровъ, а въ частности — условія, на которыхъ царская коронація въ Москвѣ могла-бы быть гарантирована отъ всякихъ покушеній. Воронцовъ-Дашковъ заручился согласіемъ одного частнаго лица взять на себя простую передачу этого запроса Исп. Комитету. Лицо это видѣлось въ Парижѣ съ находившимися тамъ членами Исполнительнаго Комитета; предложенію этому не было придано послѣднимъ серьезнаго значенія, но всетаки, требованія отъ выполненія которыхъ зависѣло прекращеніе террористической борьбы, были формулированы имъ. Дѣло это, однако, не получило дальнѣйшаго развитія, такъ какъ по возвращеніи эмиссара въ Петербургъ, въ началѣ 1883 года, Воронцовъ-Дашковъ заявилъ, что онъ долженъ прервать начатые переговоры, ибо при дворѣ уже получило тогда рѣшительное преобладаніе вліяніе Дмитрія Толстого. Единственнымъ практическимъ результатомъ этихъ переговоровъ было позволеніе Чернышевскому вернуться въ Россію. Это условіе было поставлено Воронцову-Дашкову тѣмъ лицомъ, которое взяло на себя посредничество между нимъ и Исп. Комитетомъ какъ необходимая плата за выполненіе самого порученія, независимо отъ того или другого исхода переговоровъ, и Воронцовъ-Дашковъ выполнилъ это обязательство, хотя могъ добиться толь-

---

слѣ ареста своихъ товарищей, П. С. Поливановъ рѣшился на отчаянную по своей смѣлости попытку освободить изъ саратовской тюрьмы Новицкаго. Попытка не удалась только потому, что тележка, на которой мчались Поливановъ, Райко и Новицкій, наскочила при поворотѣ на тумбу и опрокинулась. Поливановъ убилъ при этомъ тюремщика и былъ осужденъ на смертную казнь, замѣненную вѣчной каторгой.

ко того, что освобожденіе Чернышевскаго было включено въ общую амнистію, которою сопровождался коронаціонный манифестъ.*)

Колеблющееся настроеніе правительственной партіи послѣ нанесеннаго ей революціоннаго удара, тянувшееся около 2-хъ лѣтъ, стало исчезать, въ значительной степени, подъ вліяніемъ новыхъ погромовъ, происшедшихъ въ 1882 году. Въ это время стали уже обнаруживаться выдающіяся полицейскія и провокаторскія способности Судейкина, занявшаго вскорѣ затѣмъ положеніе настоящаго спасителя трона. Жандармскій офицеръ Судейкинъ началъ свою карьеру въ Кіевѣ и впервые проявилъ таланты при арестѣ первыхъ террористовъ: Осинскаго, братьевъ Ивичевичей, Свириденко, Брандиера и др. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто начальника Охраннаго Отдѣленія.

Въ Петербургѣ еще въ декабрѣ 1881 г. былъ арестованъ одинъ изъ очень видныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета Н. Теллаловъ, выдающійся ораторъ и пропагандистъ, состоявшій въ рабочей группѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ и Перовской.**) Въ Петербургѣ-же были арестованы лѣтомъ и осенью 1881 г. около 70-ти рабочихъ.

Затѣмъ, весною 1882 г. произошелъ погромъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ еще ранѣе 1-го марта возникла большая и хорошо организованная мѣстная группа. Тамъ дѣйствовали въ то время представители Исполнительнаго Комитета Оловенникова и Теллаловъ; послѣ 1-го марта туда пріѣхали Юрій Богдановичъ и С. Златопольскій; тамъ же находился недавно присоединившійся къ организаціи Я. Стефановичъ. Въ Москвѣ функ-

---

*) Не имѣя возможности передать разсказъ объ этихъ переговорахъ во всѣхъ подробностяхъ, мы можемъ однако поручиться за достовѣрность нашихъ источникоъ. Въ парижскихъ переговорахъ принимали участіе Оловенникова и Лавровъ.

**) По воспоминаніямъ одного изъ участвовавшихъ въ процессѣ 17-ти (Ю. Богдановичъ, Теллаловъ, Грачевскій, Клименко, Буцевичъ, Ивановская, Корба и др.) рѣчь Теллалова произвела впечатлѣніе даже на судей; подсудимые въ волненіи поднялись со своихъ мѣстъ, а у защитниковъ по лицу текли слезы. Онъ говорилъ объ интеллигентной молодежи, рвавшейся къ народу и отталкиваемой отъ него грубою рукою правительства; говорилъ о бѣдственномъ положеніи русскаго крестьянства. «Дайте намъ слиться съ народомъ—говорилъ онъ — дайте проявиться той горячей любви, которая живетъ въ каждомъ изъ насъ, и вы увидите, что изъ террористовъ мы превратимся въ мирныхъ учителей и просвѣтителей народа». Осужденный на вѣчную каторгу, Теллаловъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1885 г.

ціонировала тайная типографія, державшаяся Суровцовымъ, Г. Чернявской и Ковалевой; въ этой типографіи были отпечатаны 8-9 номеръ «Народной Воли», прокламація «Къ офицерамъ» и др. Въ Москвѣ находилась также хорошо организованная конспиративная квартира, хозяевами которой были Ив. Калюжный и Смирницкая; при обыскѣ этой квартиры въ ней оказалось обширное паспортное бюро съ 96 печатями разныхъ правительственныхъ учрежденій, 116 чистыхъ паспортныхъ бланокъ и 30 готовыми видами на жительство (см. обвинит. актъ по лопатинскому процессу).

Съ самаго начала 1882 г. въ Москвѣ начались аресты: 6-го февр. былъ арестованъ Стефановичъ; 10 марта—Юрій Богдановичъ; 23 марта была захвачена конспиративная квартира; въ апрѣлѣ арестованы Златопольскій и Чекоидзе*); наконецъ, 18 іюня была захвачена московская типографія, причемъ никто не былъ арестованъ: Ковалевой, Суровцеву и Чернявской удалось скрыться.

Въ то же лѣто 1882 г. произошелъ погромъ въ Петербургѣ, гдѣ подготовлялось террористическое покушеніе; рѣшено было убить Судейкина. Но силы народовольческой организаціи были почти окончательно подорваны московскими арестами; въ Петербургѣ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета оставались только Грачевскій и Корба; туда же пріѣхалъ изъ Одессы Клименко. «Благоразуміе требовало, при такомъ безлюдіи, прекратить народовольческую дѣятельность»; — читаемъ мы въ неизданныхъ мемуарахъ — «приходилось только пополнять кадры революціонеровъ до того момента, когда комитетъ почувствовалъ бы себя опять сильнымъ.... Но о такомъ исходѣ легче разсуждать, чѣмъ выполнить.... Событія уже не подчинялись волѣ людей, желавшихъ попрежнему руководить ими; они влекли ихъ за собою....» Грачевскимъ была устроена динамитная мастерская на квартирѣ Прибылевыхъ и Юшковой. Были сдѣланы попытки завязать личное знакомство съ Судейкинымъ, съ цѣлью обнаружить его образъ жизни и его привычки. Но выслѣдить Судейкина было очень трудно. У него оказалась не одна, а много квартиръ, разбросанныхъ по всему Петербургу; ѣздилъ онъ по преимуществу въ наемныхъ каретахъ. Въ концѣ концовъ покушеніе не состоялось, потому что Грачевскій былъ выслѣженъ и въ началѣ іюня арестованъ. Тогда же были арестованы Корба, Клименко, морской

*) Одинъ изъ осужденныхъ на каторгу по процессу 50-ти; въ 1881 г. онъ бѣжалъ съ поселенія изъ Киренска и присоединился къ народовольческому движенію. Вторичная ссылка въ Якутскую область окончательно подорвала его физическія силы, и онъ умеръ отъ чахотки въ 1897 г. въ Курганѣ (Зап. Сибирь).

офицеръ Буцевичъ, Прибылевы, Юшкова, майоръ Тихоцкій и много другихъ лицъ. Въ квартирѣ Прибылевыхъ было найдено около пуда динамита и готовый метательный снарядъ.

При арестѣ А. П. Корбы, у нея были захвачены многія рукописи, предназначавшіяся для слѣдующаго номера «Народной Воли». Вмѣстѣ съ гибелью лицъ разрушалась и литературная дѣятельность партіи. Кромѣ московской типографіи, въ этомъ же 1882 г. были захвачены еще двѣ народовольческія типографіи въ Одессѣ: одна въ началѣ февраля, причемъ были арестованы Георгіевскій и Ел. Свитычъ, а другая въ декабрѣ, причемъ были арестованы С. Дегаевъ, М. Калюжная, Спандони и Суровцевъ.

Съ арестомъ С. Дегаева въ Одессѣ связанъ послѣдній эпизодъ до-лопатинскаго періода въ народовольческомъ движеніи, — та дегаевская исторія, которая нанесла послѣдній ударъ центральной народовольческой организаціи и разрушила одно изъ самыхъ важныхъ ея дополненій: обширную военную организацію, развитіе которой не только не было остановлено гибелью ея первыхъ руководителей: Желябова, Колоткевича, Суханова, С. Златопольскаго, но напротивъ того, послѣ 1-го марта получило какъ-бы новый толчокъ. «Это былъ періодъ расцвѣта революціонной военной организаціи», — читаемъ мы въ неизданныхъ мемуарахъ — «насчитывавшей въ своихъ рядахъ много энергичныхъ и выдающихся личностей. Пропаганда велась въ разныхъ городахъ Россіи и шла очень успѣшно. Молодые офицеры жаждали продолженія дѣятельности партіи Народной Воли и готовы были поддержать ее всѣми средствами, которыми располагали».

Но всѣ эти надежды и планы были разрушены, благодаря предательству Дегаева, который вмѣстѣ съ Савеліемъ Златопольскимъ поддерживалъ, послѣ гибели Суханова, связи съ центральной военной организаціей. Такимъ образомъ Дегаеву былъ извѣстенъ весь составъ кронштадскаго кружка; съ нѣкоторыми изъ членовъ его онъ былъ впрочемъ знакомъ и ранѣе, такъ какъ самъ былъ офицеромъ.

«Дегаевъ по образованію былъ артиллерійскій офицеръ и служилъ въ кронштадской крѣпостной артиллеріи. Большія способности къ математикѣ, какъ и вообще хорошія способности, соединенныя съ большою трудоспособностью, вызвали въ немъ желаніе поступить въ Институтъ Путей Сообщенія... Сношенія Дегаева съ революціоннымъ міромъ Петербурга начались въ концѣ 70-хъ годовъ; его связи продолжались и съ народовольцами, программу которыхъ онъ раздѣлялъ. Его считали полезнымъ членомъ партіи. Онъ велъ пропаганду между студентами-путейцами и доставилъ народовольцамъ знакомство съ нѣкоторыми радикальными офицерами изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ... Вообще онъ никогда не отказывался

исполнять порученія, которыя ему давались членами Исп. Комитета. Составъ послѣдняго Дегаевъ не зналъ, но несомнѣнно, что, приходя въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми его членами, догадывался о ихъ принадлежности къ Комитету». *)

«.... Погромы начала 81 года положили конецъ частымъ сношеніямъ революціонеровъ съ С. Дегаевымъ. Около того-же времени его младшій братъ Владиміръ попался съ прокламаціями и былъ посаженъ въ Домъ Предвар. Заключенія. Его арестъ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды Судейкинъ вызвалъ его къ себѣ на допросъ.

— «Я знаю, что вы мнѣ ничего не скажете» — обратился онъ къ нему — «и не для того я васъ позвалъ, чтобы предлагать безполезные вопросы. У меня другая цѣль. Я хочу предложить вамъ очень выгодныя условія. Ваше дѣло будетъ прекращено, ваша виновность будетъ забыта, если вы мнѣ окажете существенную услугу».

В. Дегаевъ конечно вспылилъ, но Судейкинъ остановилъ его: — «Вы даже не выслушали меня, а уже рассердились», — замѣтилъ онъ, улыбаясь. — «Не думайте, что я предназначаю васъ на роль шпіона; я не рѣшился бы на это изъ уваженія къ вашей семьѣ, и я вижу по васъ, что вы слишкомъ благородны для такихъ цѣлей. То, что я вамъ предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: Правительство желаетъ мира со всѣми, даже съ революціонерами; оно готовитъ широкія реформы; нужно, чтобы революціонеры не препятствовали дѣятельности правительства; нужно сдѣлать ихъ безвредными. И помните, ни одного предательства, ни одной выдачи я отъ васъ не потребую....» (Ibid.).

Словомъ, началась обычная игра. Судейкинъ, какъ извѣстно, старался внести деморализацію и путаницу въ революціонное движеніе. Съ этой цѣлью онъ иногда даже заявлялъ себя сторонникомъ «Чернаго Передѣла» и предлагалъ деньги на изданіе чернопередѣльческаго органа.

«По мѣрѣ того, какъ Судейкинъ говорилъ, юноша все больше и больше задумывался», — читаемъ мы въ тѣхъ же запискахъ. Въ душѣ В. Дегаева шевельнулась мысль, что онъ можетъ оказать большую услугу партіи: звѣрь самъ шелъ въ его руки! Онъ сказалъ Судейкину, что, не подумавши, ничего не можетъ отвѣтить. Судейкинъ закончилъ бесѣду самымъ джентельменскимъ манеромъ, и В. Дегаевъ въ тотъ же день былъ освобожденъ.

Савелій Златопольскій, которому юноша передалъ весь разговоръ, посовѣтовалъ ему поддерживать сношенія, думая, что, быть можетъ, ему удастся замѣнить В. Дегаевымъ уже арестованнаго тогда Клѣточникова. Но молодой Дегаевъ ока-

---

* Изъ неизданныхъ воспоминаній.

зался слишкомъ неопытнымъ для этого, а такъ какъ и Судейкину онъ не приносилъ никакой пользы, то послѣдній въ концѣ концовъ самъ прекратилъ съ нимъ игру. Весь этотъ инцидентъ не имѣлъ бы никакого отношенія къ дегаевской исторіи, если-бы, благодаря ему, не произошло позже знакомства съ Судейкинымъ старшаго Дегаева.

Надо замѣтить, что С. Дегаевъ вообще не былъ доволенъ своимъ положеніемъ въ партіи. Въ февралѣ 81 г. онъ поручилъ одному лицу передать комитету, что чувствуетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что, несмотря на всѣ его услуги, комитетъ все таки считаетъ его недостойнымъ стать въ его ряды. Комитетъ отвѣтилъ, что очень цѣнилъ его услуги, вполнѣ вѣрилъ въ его искренность, и если не ставилъ его во главѣ движенія, то только потому, что не считалъ его достаточно революціоннымъ. Если же онъ хочетъ проявить свою преданность, то ему предоставятъ возможность участвовать въ работахъ по террористическому предпріятію. Дегаевъ согласился, и комитетъ допустилъ его къ участію въ подкопѣ на М. Садовой, гдѣ минныя работы велись только по ночамъ и представляли, конечно, большую опасность. Этотъ искусъ Дегаевъ прошелъ вполнѣ благополучно, но положеніе его все таки не измѣнилось и, повидимому, мысль проникнуть въ Комитетъ не оставляла его...»

Вскорѣ послѣ 1-го марта С. Дегаевъ былъ арестованъ по пустому подозрѣнію или, вѣрнѣе, потому, что тогда всѣхъ арестовывали; но онъ легко выпутался изъ бѣды, доказавъ неопровержимо, что все его время было занято приготовленіями къ экзаменамъ 4-го курса. Сдавъ экзамены, онъ получилъ командировку въ Архангельскую губ. откуда вернулся осенью 1881 г. уже женатымъ. Жена его была красивая архангельская мѣщанка, совершенно необразованная и даже неграмотная. Въ это именно время, т. е. по возвращеніи изъ Архангельска, онъ и велъ сношенія съ кронштадскимъ военнымъ кружкомъ. «Осенью 1881 г.» —по словамъ автора неизданныхъ мемуаровъ — «общее настроеніе въ Петербургѣ было бодрое; февральскихъ погромовъ въ Москвѣ нельзя еще было предвидѣть, а успѣхи военной организаціи предвѣщали новыя побѣды въ будущемъ». Въ началѣ января 1882 года въ Петербургъ вернулась А. П. Корба; въ мартѣ С. Златопольскій уѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ арестованъ; на смѣну ему пріѣхали Грачевскій и еще одно лицо, присланное для усиленія Комитета. На очереди стояло дѣло объ убійствѣ Судейкина, причемъ для Грачевскаго было ясно, что младшій Дегаевъ совершенно не пригоденъ для этой цѣли. Тогда старшій Дегаевъ рѣшился лично познакомиться съ Судейкинымъ, о чемъ и совѣтовался съ Грачевскимъ. С. Дегаевъ не брался лично за убійство Судейкина, но желалъ быть полезнымъ при его

выслѣживаніи. Владиміръ долженъ былъ сказать Судейкину, что его братъ сильно нуждался въ чертежной работѣ. Разсчетъ Дегаева и Грачевскаго оправдался. Какъ только Судейкину была передана просьба, онъ выразилъ желаніе познакомиться съ братомъ своего молодого агента. Свиданіе состоялось гдѣ-то на Пескахъ, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, въ мезонинѣ котораго жила какая-то пожилая женщина. Свиданіе было непродолжительно и велось съ обѣихъ сторонъ въ чисто дѣловомъ тонѣ; затѣмъ состоялось еще одно или два свиданія, но они не дали никакихъ результатовъ, въ виду чего было рѣшено прекратить ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Дегаевъ не могъ больше брать чертежной работы, такъ какъ долженъ былъ готовиться къ выпускнымъ экзаменамъ. Вскорѣ послѣ того Судейкинъ разстался съ младшимъ Дегаевымъ, посовѣтовавъ ему «устроиться такъ, чтобы правительство никогда больше не слышало о немъ». С. Дегаевъ предвидѣлъ этотъ разрывъ и, зная кромѣ того, что послѣ знакомства съ нимъ Судейкинъ несомнѣнно учредитъ за нимъ и его семьей надзоръ, уѣхалъ изъ Петербурга сначала на Кавказъ, а потомъ въ Одессу. Тамъ онъ принялъ участіе въ устройствѣ типографіи и, какъ мы видѣли, былъ арестованъ въ декабрѣ 1882 г. Тогда-то онъ и рѣшился завязать съ Судейкинымъ другого рода сношенія.

По отзывамъ людей, близко знавшихъ Сергѣя Дегаева, это былъ человѣкъ съ неуравновѣшенной психикой и огромнымъ самомнѣніемъ, при полномъ отсутствіи прочныхъ нравственныхъ устоевъ. «Вы—человѣкъ *патологическій*»—писалъ ему Л. Тихомировъ уже послѣ его признанія. «У васъ много способностей, но есть и огромные пробѣлы. Это—страшное состояніе, которое даетъ болѣе шансовъ на ошибки, чѣмъ на вѣрный разсчетъ. А разъ сдѣлана ошибка, способности ведутъ къ тому, что зло выходитъ громадно. . . . Вы такъ должны за собой смотрѣть, такъ внимательно слѣдить у себя за всѣмъ, что можетъ проистекать изъ стремленія къ величію, — какъ немногіе. . . . Съ момента вашей увѣренности въ своемъ величіи, вы окончательно теряете душевное равновѣсіе... Для революціонера, болѣе чѣмъ для кого-нибудь нужны принципы, а для такихъ натуръ, какъ ваша, принципы — единственное спасеніе».

Другое лицо, знавшее всю семью Дегаевыхъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ по этому дѣлу, что эта семья, «была очень романтична; ей нравилось все необыкновенное и чрезвычайное. . . . Семья эта не была ни дурна, ни порочна, но чего ей абсолютно не доставало—это твердо установленныхъ принциповъ, знанія тѣхъ границъ, на которыхъ останавливается чуткая совѣсть или гордое самоуваженіе. Она представляла собой зыбкую почву и не могла дать русскому революціонно-

му движенію закаленнаго борца за свободу; она дала ему человѣка способнаго, дѣятельнаго, но тщеславнаго, лишь посредственно смѣлаго, принимавшаго участіе въ опасныхъ предпріятіяхъ частью изъ тщеславія и, можетъ быть, также изъ любви къ чрезвычайному, столь свойственной всему семейству. Когда этотъ человѣкъ очутился въ тюрьмѣ и увидѣлъ въ перспективѣ для себя каторгу, онъ не выдержалъ и палъ до самого дна той пропасти, гдѣ кроются измѣна, предательство, подкупность».

Такова вѣроятная психологія этой роковой для народовольческаго движенія дегаевской исторіи. Что касается внѣшнихъ фактовъ, то они состояли въ слѣдующемъ.

Попавъ въ тюрьму, С. Дегаевъ, по однимъ свѣдѣніямъ, предложилъ свои услуги сначала жандармскому полковнику Катанскому, который ихъ не принялъ; по другимъ свѣдѣніямъ, Судейкинъ, узнавъ объ арестѣ Дегаева, «самъ пріѣхалъ въ Одессу для личнаго допроса своего стараго знакомаго». Какъ бы то ни было, но въ скоромъ времени между ними былъ заключенъ тѣсный союзъ. Что связывало этихъ людей — трудно сказать съ достовѣрностью. Не подлежитъ сомнѣнію, конечно, что первоначальнымъ мотивомъ измѣны Дегаева была простая, животная трусость, опасеніе за свою жизнь, желаніе освободиться изъ тюрьмы; но весьма вѣроятно также, что между нимъ и Судейкинымъ установились болѣе сложныя отношенія, скрѣплявшіяся какими нибудь болѣе сложными разсчетами съ обѣихъ сторонъ. Это подтверждается тѣмъ неограниченнымъ довѣріемъ, какое имѣлъ впослѣдствіи Судейкинъ къ Дегаеву, — довѣріемъ, которое въ концѣ концовъ дало возможность послѣднему устроить убійство Судейкина на своей собственной квартирѣ. Съ другой стороны существуютъ основанія предполагать, что у Судейкина, именно на почвѣ его тѣснаго союза съ Дегаевымъ, былъ построенъ отчаянно-дерзкій планъ добиться отъ Александра III диктатуры и занять мѣсто Д. Толстого. Недовольный тѣмъ, что Толстой держалъ его вдали отъ двора, на положеніи простого ловкаго сыщика, Судейкинъ*) хотѣлъ подать въ отставку и затѣмъ организовать при помощи Дегаева убійство Толстого и велик. князя Владиміра, стоявшаго тогда во главѣ ультра-реакціонной придворной клики.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно, а именно — что эти два выдающіеся провокатора были выдвинуты на сцену тѣми условіями, въ какія было поставлено тогда самодержавное государство. Все его спасеніе, вся его самозащита зависѣли исключительно отъ дѣятельности тайной полиціи. Государство было въ буквальномъ смыслѣ отдано въ руки начальника сыск-

*) Если вѣрить такъ называемой «исповѣди» Дегаева.

ного отдѣленія. Центральной фигурой правительства сдѣлался Судейкинъ. «Ваша жизнь послѣ жизни государя, — наиболѣе драгоцѣнна для Россіи», говорилъ Судейкину Плеве, бывшій тогда директоромъ Департамента Полиціи. И вотъ у этого очень ловкаго и умнаго, но грубаго по натурѣ и совершенно необразованнаго человѣка создались какіе-то государственные замыслы на почвѣ простой полицейской провокаціи. Затѣмъ въ эту игру былъ втянутъ неуравновѣшенный идейно и нравственно Дегаевъ, у котораго, быть можетъ, также вертѣлись въ головѣ какіе-нибудь собственные планы.

Послѣ того какъ договоръ былъ заключенъ, жандармы устроили Дегаеву подложный побѣгъ изъ одесской тюрьмы, причемъ онъ обратился за помощью къ мѣстнымъ радикаламъ, которыя доставили ему, по указанному имъ способу, все необходимое для побѣга.

По выходѣ изъ тюрьмы Дегаевъ явился въ Харьковъ, гдѣ находилась тогда В. Фигнеръ и гдѣ передъ нимъ открылись двери всѣхъ радикаловъ и сочувстующихъ и—что было всего важнѣе для него—всѣ революціонныя тайны.

Когда все было узнано, наступило время выдачи послѣдняго остававшагося въ Россіи члена стараго Исполнительнаго Комитета—В. Фигнеръ, которая, все еще стоя на своемъ посту, поддерживала связи между южными группами и руководила южными кружками военной организаціи. Послѣ іюньскихъ арестовъ въ Петербургѣ, товарищи умоляли ее, въ письмамъ изъ тюрьмы, уѣхать временно заграницу и тамъ образовать новый Комитетъ; но она отвѣтила, что не покинетъ Россіи. Съ осени 1882 г. и до своего ареста она находилась въ Харьковѣ, гдѣ поставила типографію, хозяйкой которой была сестра В. Осинскаго (умершая потомъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія).

Передъ арестомъ В. Фигнеръ, въ Харьковъ былъ присланъ предатель Меркуловъ, чтобы замаскировать предательство Дегаева. 10 февраля 1883 г. Меркуловъ промелькнулъ на улицѣ предъ Вѣрою Николаевной и далъ ей понять, что онъ узналъ ее; послѣ чего она была арестована. Такимъ образомъ, Фигнеръ пошла въ тюрьму въ полной увѣренности, что ее выдалъ Меркуловъ и безъ тѣни подозрѣнія по отношенію къ Дегаеву.

Одновременно съ В. Фигнеръ были арестованы офицеры Рогачевъ и Пахитоновъ; затѣмъ вскорѣ послѣ того Ашенбреннеръ и Стратоновичъ, Штромбергъ, Панинъ, Ювачевъ, Тихановичъ, Крайскій и множество другихъ офицеровъ. Всего было арестовано въ теченіи полугода до 200 офицеровъ. Изъ нихъ Николай Рогачевъ (братъ Дмитрія, сосланнаго на каторгу по процессу 193-хъ) и Штромбергъ были казнены,

Ашенбреннеръ, Пахитоновъ и Тихоновичъ осуждены въ Шлиссельбургъ.

Изъ Харькова Дегаевъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ устраивать типографіи и организовывать кружки молодежи, которые проваливались одни за другими. Такъ продолжалось до половины лѣта. «Кругомъ все было уничтожено и провалено. Люди, имѣвшіе непоколебимыя доказательства противъ Дегаева, были заперты въ крѣпости, отрѣзаны отъ всего міра, и онъ могъ дѣйствовать на просторѣ. Но подозрѣнія все росли. Петербургская молодежъ рѣшилась, наконецъ, отъискать предателя во что бы то ни стало. Нѣкоторыя лица уже указывали на Дегаева*); для выясненія его поступковъ была назначена сходка, на которой онъ долженъ былъ присутствовать.

Чувствуя свою жизнь въ опасности, Дегаевъ взялъ у Судейкина командировку заграницу и пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ находился тогда Тихомировъ, — пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы сначала изслѣдовать почву, былъ ли онъ открытъ. Но Тихомировъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, заподозрилъ Дегаева и такъ повелъ разговоръ, что вырвалъ у него восклицаніе: «А что, еслибы я для пользы дѣла кое что выдалъ?» Тогда признаніе сдѣлалось уже неизбѣжнымъ, и Дегаевъ, чтобы спасти свою жизнь, долженъ былъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, которое имѣлось у него въ рукахъ: онъ предложилъ членамъ Исполнительнаго Комитета организовать убійство Судейкина. Подъ этимъ условіемъ Дегаевъ былъ отпущенъ въ Петербургъ. Но такъ какъ онъ медлилъ съ осуществленіемъ задуманнаго плана, а между тѣмъ оглашеніе его предательства до выполненія имъ принятаго на себя обязательства было невозможно для членовъ Исполнительнаго Комитета, то его снова вызвали въ Парижъ, откуда онъ поѣхалъ въ Россію уже въ сопровожденіи Германа Лопатина, который не выпускалъ его изъ подъ своего наблюденія до совершенія убійства.

Судейкинъ былъ убитъ 16 декабря 1883 г. въ Петербургѣ, на квартирѣ Дегаева, куда онъ пріѣхалъ для какого-то совѣщанія. Свиданіе это два раза не могло состояться при требуемыхъ условіяхъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей. Наконецъ, въ третій разъ Судейкинъ пріѣхалъ въ назначенное

---

*) Первыя сообщенія о предательствѣ Дегаева были получены въ Петербургѣ, повидимому, отъ Софіи Никитиной, изъ Дома Предварительнаго заключенія. Въ Одессѣ также накоплялись факты: какой-то пьяный жандармъ хвастался передъ полицейскимъ, что Дегаевъ не убѣжалъ отъ нихъ, а они сами его выпустили; при арестѣ офицеровъ Крайскаго и Стратоновича ихъ обвиняли въ укрывательствѣ бѣжавшаго Дегаева, что никому кромѣ нихъ не было извѣстно, и т. д.

время, вмѣстѣ со своимъ родственникомъ Судовскимъ, служившимъ въ охранномъ отдѣленіи. На квартирѣ ихъ ждали Конашевичъ, Стародворскій, и самъ Дегаевъ. Довѣріе Судейкина къ Дегаеву было такъ велико, что онъ, всегда крайне подозрительный, явился къ нему даже безъ револьвера. Послѣ того, какъ Судейкинъ упалъ мертвымъ, а Судовскій потерялъ сознаніе, всѣ трое успѣли удалиться незамѣченными, заперевъ на ключъ дверь квартиры.

Смерть Судейкина пріобрѣла значеніе важнаго государственнаго событія. Похороны его сопровождались особою офиціальною торжественностью. За гробомъ шли министры съ принцемъ Ольденбургскимъ во главѣ.

Что касается Сергѣя Дегаева, то ему была предоставлена возможность уѣхать навсегда изъ Россіи. Сначала онъ жилъ въ Лондонѣ, а потомъ уѣхалъ въ Америку, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находился подъ наблюденіемъ одного изъ революціонеровъ.

Дегаевская исторія заканчиваетъ собою первый періодъ послѣ-мартовскаго существованія народовольческой центральной организаціи. Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію, мы очень рады, что имѣемъ возможность познакомить читателя, въ болѣе живой и конкретной формѣ, съ дѣятельностью одной изъ мѣстныхъ революціонныхъ группъ того времени. Для этого мы воспользуемся выдержками изъ воспоминаній А. Н. Баха, дѣятельнаго члена кіевской мѣстной группы, работавшаго въ партіи съ 1882 по 1885 г. и принимавшаго близкое участіе въ той попыткѣ новаго объединенія всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ, ради котораго пріѣхали изъ заграницы въ началѣ 1884 года Лопатинъ, Салова и Сухомлинъ. Вся слѣдующая глава будетъ состоять, такимъ образомъ, изъ личныхъ воспоминаній Баха, которыя мы передаемъ въ большинствѣ случаевъ его собственными словами.

II

«Въ концѣ декабря 1881 г. я вернулся изъ ссылки и послѣ свиданія съ родными, въ началѣ января 1882 г., поѣхалъ въ Кіевъ, куда меня влекло желаніе принять немедленно активное участіе въ революціонныхъ дѣлахъ. Находясь въ ссылкѣ съ марта 1878 г. я имѣлъ достаточно времени, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ существовавшимъ тогда партіямъ и безъ колебанія принялъ программу партіи Народной Воли, хотя по вопросу о цѣлесообразности систематическаго террора я не чувствовалъ особенно твердой почвы подъ ногами....

«Черезъ родственника, который жилъ въ Кіевѣ и былъ

знакомъ съ однимъ изъ главныхъ кіевскихъ революціонныхъ дѣятелей, нелегальнымъ Левинскимъ, я зналъ, что послѣдній ждалъ моего пріѣзда, и даже незадолго до этого времени намѣренъ былъ устроить мнѣ побѣгъ изъ ссылки. Уже въ день своего пріѣзда я имѣлъ свиданіе съ Левинскимъ и узналъ отъ него о положеніи революціонныхъ дѣлъ въ Кіевѣ.»

Оказалось, что въ Кіевѣ были двѣ народовольческія группы, между которыми происходило нѣкоторое соперничество; во главѣ одной изъ нихъ стоялъ Г., какъ представитель Исполнительнаго Комитета; во главѣ другой стоялъ Левинскій, которому генеральство Г. было не по душѣ и который стремился войти самостоятельно въ сношенія съ Исп. Комитетомъ и добиться офиціальнаго признанія.

Левинскій предложилъ Баху вступить въ его группу; Бахъ отказался отъ офиціальнаго вступленія, но просилъ дать ему возможность работать. Къ группѣ Левинскаго примыкало нѣсколько кружковъ молодежи, отдѣльные члены которыхъ вели пропаганду среди рабочихъ. Были у Левинскаго также связи и съ военными (онъ самъ былъ бѣглый военный), и кромѣ того онъ готовился поставить типографію, для которой у него уже имѣлся шрифтъ. Бахъ сталъ понемногу сближаться и заниматься съ молодежью и рабочими.

Съ членами группы Г-аго онъ (вскорѣ послѣ пріѣзда Баха былъ арестованъ) Бахъ сношеній не имѣлъ, но встрѣчался случайно съ однимъ изъ ея членовъ, Росси,*) который ему очень понравился, хотя впрочемъ принялъ довольно холодно разговоръ о необходимости объединить всѣ революціонныя силы Кіева.

«Такъ шло время, когда въ одно непрекрасное апрѣльское утро я узналъ, что Левинскій и другой членъ группы, Б., были арестованы вмѣстѣ на квартирѣ послѣдняго, и что при нихъ былъ взятъ типографскій шрифтъ. Кромѣ Левинскаго и Б. были еще арестованы нѣсколько другихъ лицъ. Въ полномъ огорченіи я рѣшился привести въ извѣстность все, что уцѣлѣло отъ группы Левинскаго, главнымъ образомъ, чтобы не дать утеряться пріобрѣтеннымъ связямъ. Отъ знакомой молодежи я узналъ, что кто-то усердно розыскивалъ Кащея Безсмертнаго (это была моя кличка) по очень нужному дѣлу. Оказалось, что наканунѣ ареста, предчувствуя недоброе, Левинскій и Б. перенесли шрифтъ на квартиру одного студента съ указаніемъ обратиться въ случаѣ чего къ Кащею Безмертному; при нихъ же были взяты изъ шрифта только 81 точка, ко-

---

*) Впослѣдствіи былъ взятъ на похоронахъ Судейкина сыщиками, которые видѣли его съ Дегаевымъ; дальнѣйшая судьба его не извѣстна. Были слухи, что онъ погибъ въ Петропавловской крѣпости.

торыя нечаянно завалились въ щель сундука. Впослѣдствіи эти 81 точка послужили Б. темой для остроумной защитительной рѣчи на судѣ.

«При помощи знакомой молодежи мнѣ удалось спрятать шрифтъ въ надежное мѣсто и понемногу стянуть оставшіяся связи. Послѣ ареста Левинскаго*) исчезъ послѣдній поводъ къ разъединенію революціонныхъ силъ, и вскорѣ Росси, вызвавъ меня на свиданіе, въ свою очередь заговорилъ о необходимости объединиться. Я съ своей стороны могъ выразить только самую искреннюю готовность; молодежь, которая примыкала къ группѣ Левинскаго, тоже единогласно высказалась за объединеніе.

«Послѣ ареста Грачевскаго, Корбы и др. въ іюнѣ 1882 г., сношенія съ центромъ были прерваны. Это обстоятельство, а также и то, что многіе изъ кіевскихъ революціонеровъ по тѣмъ или другимъ причинамъ выѣхали на лѣто изъ города, задержало основаніе центральной организаціи. Но уже съ іюня 1882 г. практически началась совмѣстная работа остатковъ бывшихъ во враждѣ группъ. Такъ, Росси просилъ меня убрать въ надежное мѣсто шрифтъ, который былъ у него и который, вмѣстѣ со шрифтомъ Левинскаго, послужилъ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ постановкѣ типографіи.

«Къ этому же времени относится мое знакомство со Спандони, который тогда только что вернулся изъ ссылки и считался всѣми за очень способнаго революціонера. Дѣйствительно у него было много выдержанности, конспиративности и умѣнья отлично опредѣлять людей.

«Въ іюлѣ пріѣхала въ Кіевъ Софья Никитина, чистое, героическое существо, память котораго я чту до сихъ поръ. Дочь петербургскаго генерала, она очень молодой дѣвушкой везла транспортъ литературы на югъ и на станціи Бѣльскъ, Курской губ., встрѣтила поѣздъ, въ которомъ везли осужденныхъ на каторгу политическихъ. Она не могла удержаться, чтобы не послать имъ послѣдняго привѣта. Ее, конечно, немедленно арестовали, нашли при ней транспортъ и посадили въ Бѣльскую тюрьму, гдѣ продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно вообразить, сколько эта выросшая въ барской обстановкѣ дѣвушка вынесла, будучи неожиданно брошена въ ужасную обстановку провинціальной тюрьмы. Она мнѣ разсказывала, что тщательно прятала въ своей постели полѣно, которое похитила у истопника и которымъ думала воспользоваться, какъ орудіемъ защиты, въ случаѣ нападенія на нее сторожей.

«Благодаря хлопотамъ отца Никитиной, Лорисъ-Меликовъ — это было въ эпоху «диктатуры сердца»—согласился отпустить

*) Былъ осужденъ на 15 лѣтъ кат. работъ.

ее подъ надзоръ отца; ее привезли въ Петербургъ и сдали въ семью. Но она долго не выдержала и опять ушла въ «станъ погибающихъ», на этотъ разъ безвозвратно. Въ Кіевѣ она пробыла до конца февраля 1883 г. и была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ нашей организаціи. Арестованная съ Комарницкимъ въ Москвѣ и приговоренная къ административной ссылкѣ, Софья Никитина умерла по дорогѣ въ Сибирь.

«Приблизительно въ одно время съ Никитиной прибылъ въ Кіевъ Захаринъ, скрывшійся изъ Риги, гдѣ, кажется, онъ былъ студентомъ Политехническаго института. Это былъ тихій, серьезный человѣкъ, отлично знакомый съ революціонной практикой. Очень образованный, онъ не любилъ выставлять свои знанія на показъ и говорилъ только тогда, когда это было нужно. Люди этого типа являются въ организаціи тѣмъ цементомъ, который связываетъ элементы ея въ одно крѣпкое цѣлое. Безъ нихъ никакое общее дѣло невозможно.

«Въ августѣ стала съѣзжаться въ Кіевъ революціонная молодежь; сношенія съ центромъ были возстановлены черезъ посредство Вѣры Фигнеръ, которая была проѣздомъ въ Кіевѣ (я ея не видалъ этотъ разъ), и мы рѣшили создать сплоченную организацію и приняться за планомѣрную работу. И вотъ въ концѣ августа мы собрались и послѣ недолгихъ разговоровъ — говорено было достаточно раньше—признали себя «Кіевской организаціей партіи Народной Воли». Захаринъ прочелъ писанный уставъ, всѣ статьи котораго были выслушаны съ должнымъ вниманіемъ. Въ уставѣ этомъ опредѣлялись, съ одной стороны, отношеніе мѣстной организаціи къ партіи и ея центральному органу — Исполнительному Комитету, а съ другой — внутреннее устройство организаціи. Всѣхъ статей устава не помню. Помню, что такъ называемыя «обязательныя отношенія» къ центру сводились къ слѣдующему:

1) Исп. Комитетъ сносился съ мѣстной организаціей при посредствѣ агента, который назначался или изъ мѣстныхъ революціонеровъ, или же присылался изъ другого мѣста. Права этого агента ничѣмъ не отличались отъ правъ другихъ членовъ организаціи, и въ дѣлахъ голосъ его рѣшающаго значенія не имѣлъ.

2) Мѣстная организація должна была помогать по мѣрѣ возможности Комитету денежными средствами и признавала за послѣднимъ право вызывать отдѣльныхъ членовъ и перемѣщать ихъ въ другія организаціи.

3) Мѣстная организація не должна была предпринимать крупныя террористическія предпріятія безъ вѣдома и согласія комитета и не печатать отъ имени народовольческой организаціи ничего такого, что стояло бы въ противорѣчіи съ общей программой партіи.

«Таковы были обязательныя отношенія мѣстной организаціи

къ партіи. Во всемъ остальномъ мѣстная группа была вполнѣ автономна. Всѣ члены мѣстныхъ организацій признавались полноправными членами партіи, т. е. при переѣздѣ въ другой городъ, гдѣ имѣлась мѣстная организація, становились de jure членами ея.

«Внутреннее устройство нашей организаціи было таково: организація состояла изъ центральной группы и четырехъ подгруппъ. Членами центральной группы были: Спандони, Захаринъ (извѣстный подъ именемъ Бернаръ), Росси, Никитина, К—скій (недавно вернувшійся изъ ссылки), супруги К. и я. Всѣ члены группы были, для революціонеровъ, людьми сравнительно немолодыми (средній возрастъ достигалъ 25 лѣтъ) и вполнѣ сложившимися.

«Въ самой группѣ мы установили нѣкоторое раздѣленіе труда: такъ Никитина и Росси должны были вести сношенія съ «обществомъ» и военными, среди которыхъ у насъ были довольно серьезныя связи. Захаринъ взялъ на себя постановку типографіи. К—скій и я вели — посредственно и непосредственно — дѣло среди рабочихъ. Супруги К. оперировали среди студентовъ. Но провести абсолютное раздѣленіе труда было, конечно невозможно. Такъ, мнѣ пришлось заниматься съ нѣкоторыми студенческими кружками, между прочимъ съ кружкомъ Петра Дашкевича въ Духовной Академіи; велъ я также сношенія съ организованными группами народныхъ учителей въ Переяславскомъ и Пирятинскомъ уѣздахъ Полтавской губерніи и въ Подольской губ. На этихъ сношеніяхъ даже чуть было не покончилась преждевременно моя революціонная карьера. Въ общемъ однако дѣло пошло довольно стройно, по намѣченному плану.

«Въ непосредственной связи съ центральной группой стояли организованныя, вполнѣ независимыя другъ отъ друга подгруппы. Навербованы онѣ были изъ лучшихъ элементовъ молодежи, и числомъ ихъ было четыре. Одна изъ нихъ была техническая и, подъ руководствомъ Захарина, занялась исключительно постановкой типографіи. Наиболѣе выдающимися членами этой группы были студенты Лаппо и Коновальчикъ, которые несомнѣно сыграли-бы видную роль въ революціи, еслибы средняя продолжительность дѣятельности революціонера была хоть немного выше. Вторая и третья подгруппы занимались спеціально съ рабочими. Руководили ими К—скій и я. Самое лучшее воспоминаніе я сохранилъ о студентѣ Залкиндѣ, членѣ одной изъ этихъ подгруппъ и бывшемъ членѣ кружка Левинскаго. Обращалъ еще на себя вниманіе своей энергіею, преданностью дѣлу и даже отвагой другой членъ рабочей подгруппы, Елько, который впослѣдствіи однако сыгралъ въ дѣлѣ Лопатина позорную и жалкую роль злостнаго предателя.

«Четвертая подгруппа занималась исключительно студенческими дѣлами и велась супругами К.

«Въ числѣ статей Устава нашей организаціи значилось, что дѣла должны были рѣшаться по большинству голосовъ, а новые члены центральной группы избираться единогласно. До баллотировки впрочемъ дѣло ни разу не доходило.

«Присягать на кинжалахъ въ вѣрности Уставу мы не присягали, но выслушали, хотя безъ надлежащаго трепета, прочитанную Бернаромъ статью, по которой члену, выдавшему тайны организаціи, полагалась смертная казнь.

«Отпрaздновавъ скромнымъ чаепитіемъ основаніе нашей группы, мы разошлись по домамъ и на другой день принялись за дѣло.

«Мнѣ хотѣлось бы сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу распространенной легенды о томъ, что партія Народной Воли была исключительно террористической. Всякому сколько-нибудь знакомому съ исторіей Народной Воли извѣстно, что съ убійства Александра II и до лопатинскаго разгрома, который, можно сказать, былъ финаломъ партіи, т. е. за періодъ въ 3½ года, произошло только два террористическихъ факта: убійство Стрѣльникова въ апрѣлѣ 1882 г. и убійство Судейкина въ декабрѣ 83 г. Между тѣмъ, это прекращеніе террористическихъ предпріятій вовсе не было вызвано отсутствіемъ силъ. Вѣра Фигнеръ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ членовъ Исполн. Комитета, была арестована только въ февралѣ 1883 г. Осенью 1882 г. въ ея распоряженіи были въ Харьковѣ такіе рѣшительные люди, какъ Немоловскій (осужд. на каторгу по процессу В. Фигнеръ; умеръ въ Шлиссельбургѣ), Василій Ивановъ, которому въ августѣ того года былъ устроенъ побѣгъ изъ Кіевской тюрьмы (осужд. по процессу Фигнеръ, въ Шлюссельбургѣ), Сергѣй Ивановъ, бѣжавшій изъ Сибири (осужденъ по дѣлу Лопатина; въ Шлиссельбургѣ), Борисовъ, Панкратовъ и Антоновъ (по дѣлу Лопатина, въ Шлиссельб.). Въ денежныхъ средствахъ также недостатка особаго не ощущалось, потому что осенью того же года были получены 11 тысячъ р. изъ ..... денегъ. Что въ охотникахъ на исполненіе террористическихъ фактовъ недостатка не было, показываетъ, напр., слѣдующій фактъ. Въ августѣ 1882 г. одинъ изъ знакомыхъ молодыхъ революціонеровъ передалъ мнѣ, что какой-то бывшій народный учитель очень желалъ переговорить со мною по весьма важному дѣлу. Я назначилъ ему свиданіе. На другой день я увидѣлъ очень крѣпко сложеннаго молодого человѣка съ низкимъ лбомъ и очень мрачнымъ, темнымъ лицемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что былъ нѣсколько лѣтъ народнымъ учителемъ въ Черниговской губ., проводилъ революціонныя идеи въ народъ, но окончательно разочаровался въ этомъ дѣлѣ и хочетъ отдать свою жизнь на террористиче-

ское дѣло. Сколько я его не убѣждалъ, сколько не предлагалъ ему попробовать себя на другомъ революціонномъ дѣлѣ у насъ, онъ категорически, и не безъ нѣкоторой рѣзкости, стоялъ на своемъ. Въ концѣ концовъ я долженъ былъ сказать ему, что въ ближайшемъ будущемъ никакого террористическаго факта не предвидится, но въ случаѣ чего его желаніе будетъ принято къ свѣденію. Человѣкъ этотъ былъ Конашевичъ, который годъ съ лишнимъ спустя былъ черезъ посредство Росси вызванъ въ Петербургъ и тамъ вмѣстѣ со Стародворскимъ совершилъ убійство Судейкина. Осужденный по дѣлу Лопатина, онъ въ Шлиссельбургѣ сошелъ съ ума и былъ переведенъ въ казанскій домъ для умалишенныхъ, гдѣ и умеръ.

«Итакъ, если бы цѣлью партіи Народной Воли былъ только терроръ, то силъ для приведенія въ исполненіе какого-нибудь террористическаго предпріятія было въ 82 г. достаточно. А между тѣмъ Фигнеръ занималась исключительно организаціонными дѣлами и главное усиліе направила на постановку типографіи для печатанія 10 № «Народной Воли», который удалось выпустить только осенью 84 г., но зато одновременно въ двухъ изданіяхъ.

«Другой любимый конекъ въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ народовольцевъ, это — ихъ предполагаемое незнакомство съ экономической литературой и съ теоріей К. Маркса. Что членъ нашей группы Захаринъ былъ очень образованный человѣкъ—я уже упоминалъ выше.... Я лично съ перваго же раза началъ свои занятія съ рабочими по тому плану, который впослѣдствіи былъ изложенъ мною въ брошюрѣ «Царь Голодъ». И планъ этотъ я проводилъ не только въ своихъ непосредственныхъ занятіяхъ съ рабочими, но также въ занятіяхъ съ кружками, работавшими среди рабочихъ. Что принятая мною система была съ марксистской точки зрѣнія вполнѣ ортодоксальна—показываетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 80-хъ годовъ женевскіе социаль-демократы думали было переиздать «Царь Голодъ» на свой счетъ. Почему-то этотъ проэктъ не осуществился. Можетъ быть, народовольческое происхожденіе брошюры было здѣсь при чемъ-нибудь.

«Я глубоко убѣжденъ, что и въ другихъ мѣстахъ народовольцами велась среди рабочихъ чисто-соціалистическая пропаганда. Я лично встрѣчалъ рабочихъ, которые усвоили себѣ вполнѣ основныя начала, если не тонкости, марксизма. Да и съ чѣмъ было идти къ рабочимъ, какъ не съ пропагандой соціализма? Я всегда былъ того мнѣнія, что первымъ и единственно вѣрнымъ стремленіемъ революціонера, работающаго среди рабочихъ, должно было быть развитіе ихъ самосознанія; для этого необходимо было уяснить имъ ихъ положеніе въ обществѣ, какъ соціологическомъ цѣломъ. Что само-

сознаніе рабочихъ само собою становилось классовымъ — это было совершенно неизбѣжно, и говорить объ этомъ съ пѣною у рта вовсе не было никакой надобности.

«Возвращаюсь однако къ нашей организаціи. Въ концѣ октября Захаринъ объявилъ намъ, что типографія готова, и мы рѣшили выпустить прокламацію «Къ обществу». Составить прокламацію предложили мнѣ, и съ нѣкоторыми измѣненіями редакція моя была принята на собраніи центральной группы. Боюсь, что прокламація моя по содержанію своему носила довольно-таки шаблонный характеръ; но извѣстно, что въ этого рода литературныхъ произведеніяхъ не столько важно содержаніе, какъ самый фактъ ихъ появленія на свѣтъ, причемъ по степени типографскаго совершенства судится о силѣ организаціи*). А нашъ Бернаръ былъ мастеръ своего дѣла и человѣкъ съ самолюбіемъ, не пренебрегавшій никакими мелочами. Такъ что прокламація, на которой въ подобающемъ мѣстѣ красовалась печать «Кіевской Организаціи Партіи Народной Воли», съ технической стороны не оставляла желать ничего лучшаго и произвела переполохъ неописуемый. Для жандармовъ, которые хвастались, что въ Кіевѣ все благополучно, она была самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Они заметались, какъ шальные, но никакого конца не могли найти.

«Вслѣдъ затѣмъ вышли одна за другой прокламаціи «Къ рабочимъ», «Къ учащейся молодежи» и «Къ украинскому народу». Послѣдняя была написана мною на малорусскомъ нарѣчіи, которымъ я хорошо владѣю, и такъ понравилась украинофиламъ, центръ которыхъ былъ въ Кіевѣ, что они даже взялись распространять ее въ народѣ, несмотря на ея соціалистическое содержаніе. Особенно пришлась моя прокламація по вкусу народнымъ учителямъ, которые, по ихъ словамъ, нашли въ ней отличное оружіе для пропаганды.

«Работа въ подгруппахъ шла прекрасно по всей линіи. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ у насъ среди рабочихъ было нѣсколько кружковъ, прокламація «Къ рабочимъ» произвела отличное дѣйствіе. Ее читали на расхватъ. Намъ разсказывали, что когда передъ наклеенной на воротахъ мастерскихъ прокламаціей столпились раннимъ утромъ рабочіе, полицейскій говорилъ имъ: — читайте скорѣе, приказано срывать.

«Въ числѣ другихъ рабочихъ, у меня былъ довольно оригинальный кружекъ, состоявшій изъ хозяина слесарной мастерской, обрусѣвшаго финна и его пяти рабочихъ. Много часовъ провелъ я съ ними въ задушевныхъ бесѣдахъ. Они, повиди-

---

*) Это замѣчаніе относится, конечно, къ болѣе или менѣе раннимъ періодамъ движенія. Л. Ш.

мому, цѣнили мою простоту и отсутствія всякаго желанія подлаживаться къ нимъ. Иные, быть можетъ, пришли бы въ священное негодованіе отъ такого потрясенія незыблемыхъ основъ марксизма: какое ужъ тутъ классовое самосознаніе, когда и хозяинъ, и рабочіе состоятъ въ одномъ кружкѣ! Что жъ дѣлать! Хозяинъ, культурный финнъ, былъ искреннимъ соціалистомъ; рабочіе, всѣ холостые, очень любили его и находили вполнѣ естественнымъ, что часть ихъ прибавочной стоимости идетъ на прокормленіе многочисленной хозяйской семьи.

«Съ другими рабочими у меня тоже сложились простыя, хорошія отношенія, и видался я съ ними очень часто. Впослѣдствіи, по оговору одного рабочаго, который видѣлъ меня единственный разъ и который, будучи арестованъ, съ большой готовностью сталъ выдавать, жандармы шибко разыскивали нѣкоего Юрія Ивановича, личность котораго такъ и не была установлена.

«Чтобы закончить съ рабочими, сообщу еще одинъ фактъ, который показываетъ, что уже и въ тѣ далекія времена выдавались среди рабочихъ такія личности, которыя тщательно и бережно выращивали заброшенное въ нихъ революціонное сѣмя соціализма. Какъ то разъ одинъ изъ моихъ рабочихъ разсказываетъ мнѣ, что старый товарищъ его пріѣхалъ изъ Бахмача (гдѣ расположены громадныя желѣзнодорожныя мастерскія Кіево-курской ж. д.) и очень хотѣлъ-бы повидаться со мною. Я охотно согласился и на другой день встрѣтился со смуглымъ, крѣпкимъ рабочимъ лѣтъ 30-ти, который былъ представленъ мнѣ подъ его настоящей фамиліей, которую я забылъ, а по прозвищу «Ахметка», какъ говорилъ мнѣ знакомый,—«потому какъ очень похожъ на турка.» Ахметка этотъ въ 80-мъ году былъ въ сношеніяхъ съ кружкомъ Доллера*) и твердо усвоилъ себѣ положенія соціализма. Будучи заброшенъ въ Бахмачъ и потерявъ всякую связь съ революціонерами, онъ сталъ вести среди рабочихъ пропаганду на свой собственный страхъ и подобралъ два-три кружка. Мучило его главнымъ образомъ то, что онъ, какъ нѣмецъ верблюда, долженъ былъ все извлекать изъ глубины собственнаго духа, потому что литературы у него не было и слѣда. Тѣмъ не менѣе онъ бодрости не терялъ и въ теченіи двухъ слишкомъ лѣтъ велъ самостоятельно дѣло, какъ могъ. За то надо было видѣть, какъ онъ былъ обрадованъ свиданіемъ съ настоящимъ революціонеромъ и пачкой литературы, которую я ему преподнесъ. На будущее время онъ долженъ былъ сноситься съ Кіевомъ

*) Судился въ 1881 г. по дѣлу Щедрина, Е. Ковальской, Богомолецъ и др. Осужденъ на поселеніе; утонулъ въ рѣкѣ Ленѣ.

при посредствѣ своего товарища. Пробывъ въ Кіевѣ три дня. въ теченіи которыхъ я видѣлся съ нимъ два раза, Ахметка, обновленный духомъ, уѣхалъ въ Бахмачъ. На прощаніи мы съ нимъ братски расцѣловались.

«Кромѣ выпуска прокламацій, громадную сенсацію въ обществѣ и таковой же переполохъ въ администраціи произвелъ побѣгъ изъ тюрьмы Владиміра Бычкова, который сидѣлъ по обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и которому грозила каторга. Побѣгъ этотъ, которому предшествовалъ въ августѣ 1882 г. побѣгъ изъ той же тюрьмы Василія Иванова, привелъ окончательно въ замѣшательство всѣ власти. Побѣгъ Иванова онѣ объяснили тѣмъ, что, будучи сыномъ богатаго домовладѣльца, Ивановъ подкупилъ сторожей, которые благополучно выпустили его. Дѣйствительно, уголовные, у которыхъ на сторожей былъ зубъ, показали, что видѣли, какъ они выводили Иванова. Троихъ тюремщиковъ судили за это дѣло военнымъ судомъ и приговорили къ каторжнымъ работамъ отъ 8 до 15 лѣтъ. А между тѣмъ они были абсолютно невиновны. Побѣгъ былъ устроенъ при помощи революціонеровъ подпоручикомъ Тихоновичемъ, который принадлежалъ къ военному кружку и зналъ Иванова до ареста. Послѣ ареста Левинскаго, съ Тихоновичемъ меня познакомили студенты Фогель и еще одинъ, фамилію котораго я забылъ. Насколько припомню, иниціатива побѣга исходила отъ Тихоновича. Дѣло сдѣлалось просто. Въ день своего караула въ тюрьмѣ, Тихоновичъ насыпалъ опія въ пищу солдатъ, угостилъ папиросами и водкой, содержавшими опій, дежурнаго тюремщика и въ надлежащій моментъ взялъ ключи, вывелъ Иванова, опять заперъ камеру и повѣсилъ ключи на мѣсто. Первоначально предполагалось Иванову разобрать стѣнку печи въ камерѣ и пролѣзть черезъ топку въ корридоръ. Но отверзтіе оказалось тѣснымъ, и Тихоновичъ долженъ былъ отперетъ камеру. У воротъ тюрьмы Иванова ждали и отвезли въ надежное мѣсто. Черезъ два дня я видѣлъ Иванова въ квартирѣ Корніенко и вынесъ очень пріятное впечатлѣніе изъ разговора съ нимъ. Это былъ человѣкъ атлетическаго сложенія съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Я забылъ сказать, что въ тюрьмѣ онъ сидѣлъ по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ.

«Черезъ короткое время Ивановъ, переодѣтый рабочимъ, съ котомкой за плечами, спустился къ пароходной пристани на Подолѣ и сѣлъ на пароходъ, отъѣзжавшій въ Кременчугъ. Входя на пароходъ, онъ недостаточно быстро посторонился передъ какими-то хорошо одѣтыми господами, которые хотѣли опередить его. Жандармъ толкнулъ Иванова въ спину и крикнулъ:

— Чего лѣзешь, хамъ!

«Ивановъ послѣ разсказывалъ, что комплиментъ жандарма доставилъ ему истинное удовольствіе.

«Изъ Кременчуга Ивановъ поѣхалъ въ Харьковъ и тамъ былъ арестованъ въ февралѣ 1883 г. въ одно время съ Вѣрою Фигнеръ

«Жандармскій полковникъ Новицкій между прочимъ допросилъ подпоручика Тихоновича, который явился на допросъ съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ: онъ твердо былъ намѣренъ размозжить голову Новицкому, если бы послѣдній отдалъ приказъ объ его арестѣ. Къ счастью Новицкаго, его легендарный нюхъ направилъ его розыски въ сторону, гдѣ корней и нитей какъ разъ не было, и это спасло ему жизнь.

Для Тихоновича, однако, волненія на этомъ не покончились. Когда тюремщиковъ за побѣгъ Иванова осудили на каторгу, онъ сталъ страшно мучиться мыслью, что за совершенное имъ дѣло страдаютъ невиновные, и хотѣлъ отдаться въ руки Новицкаго, чтобы спасти послѣднихъ. Организаціи пришлось оказать на него все давленіе, на какое она была способна, чтобы предотвратить его отъ этого гибельнаго намѣренія. Мѣсяцевъ черезъ 7 Дегаевъ, который отъ Фигнеръ или Иванова узналъ всѣ подробности дѣла, выдалъ Тихоновича головою. Арестованный, онъ былъ приговоренъ къ смерти, помилованъ и умеръ въ Шлиссельбургѣ.

«Побѣгъ Бычкова, который состоялся въ началѣ декабря того же 1882 г., подготовлялся довольно долго и удался только благодаря смѣлости и присутствію духа самого Бычкова. Онъ былъ арестантскимъ старостой и долженъ былъ въ сумерки, когда тюремщики почти всѣ заняты въ камерахъ перекличкой, пробраться черезъ чердакъ на крышу и, совершивъ какой-то отчаянный прыжокъ, попасть на наружную стѣну тюрьмы, а съ послѣдней спуститься по запасенной у него веревкѣ. Все вышло какъ по писанному, съ той только могшей имѣть трагическія послѣдствія разницей, что Бычковъ улучилъ моментъ за два дня до уговора, такъ что наружи его никто не ждалъ. Но онъ не растерялся. Одѣтъ онъ былъ въ короткій бѣлый полушубокъ, который бросился бы въ глаза въ другое время, но въ декабрѣ, когда Кіевъ кишитъ рекрутами, былъ обычнымъ явленіемъ. Бычковъ смѣло пошелъ на квартиру одного знакомаго студента, который отвелъ его къ члену нашей группы К., а тотъ, растерявшись, противъ всѣхъ правилъ конспираціи, привалилъ съ нимъ ко мнѣ. Я жилъ тогда въ № 8 по Тарасовской улицѣ, въ маленькомъ флигелькѣ въ саду и занималъ квартиру въ двѣ комнаты. Квартира была чиста, и у меня часто собирались товарищи, особенно Никитина, Росси и Захаринъ, съ которыми я ближе сошелся, чѣмъ съ другими членами нашей организаціи. Мы вчетверомъ часто проводили вмѣстѣ вечера

въ уютной, порядочно меблированной квартиркѣ, при чемъ Никитина домовито распоряжалась чаемъ, а я по требованію Захарина игралъ на скрипкѣ. Особенно любилъ онъ элегію Эрнста и слушалъ всегда ее, мечтательно кивая въ тактъ головой. Вечера эти были нашимъ отдыхомъ и нашей наградой за труды. Я до сихъ поръ вспоминаю о нихъ съ теплымъ чувствомъ.

«Возвращаюсь къ Бычкову. Такъ какъ было около 7 часовъ вечера и прислуживавшій мнѣ отъ хозяевъ отставной солдатъ Андрей — продувная бестія, который не былъ еще шпіономъ, потому что не представилось подходящаго случая — долженъ былъ принести самоваръ, я попросилъ К. сейчасъ же уйти, а Бычкова уложилъ въ свою постель въ спальнѣ, въ разсчетѣ, что Андрей не зайдетъ туда. Какъ только Андрей принесъ самоваръ, пришла Никитина и принесла хорошія печенія и закуски, не предвидя, что они пойдутъ на угощеніе хорошему гостю. Она вся засвѣтилась радостью, когда узнала, что побѣгъ Бычкова удался, и что онъ тутъ рядомъ отдыхаетъ отъ треволненій дня. Мы спокойно напились чаю и, когда Андрей убралъ самоваръ, Никитина ушла, а я, надѣвъ полушубокъ Бычкова подъ пальто и давъ гостю свою шубу (полушубокъ не долженъ былъ оставаться у меня на квартирѣ, чтобы не попасться на глаза Андрею) отвелъ Бычкова къ одному пріятелю, котораго мы звали «сиротою статскаго совѣтника». Этотъ пріятель былъ прекрасный человѣкъ, революціонеръ, но отличался слабымъ характеромъ и пилъ ужасно. Только поэтому онъ, оказывавшій намъ съ полною готовностью всевозможныя, иногда очень опасныя услуги, не былъ поставленъ въ обязательныя отношенія къ нашей группѣ. Я оставилъ Бычкова у пріятеля, а самъ поѣхалъ въ Духовную академію къ Дашкевичу въ надеждѣ устроить у него Бычкова. Это удалось самымъ простымъ образомъ, и въ послѣдствіи, вплоть до ареста Дашкевича въ 1884 г., Духовная академія была сущимъ пріютомъ для нелегальныхъ революціонеровъ.

«Въ декабрѣ 1882 г. до насъ дошла вѣсть объ арестѣ въ Одессѣ большой типографіи, въ которой долженъ былъ быть напечатанъ давно ожидаемый 10-й номеръ «Народной Воли». Вмѣстѣ съ типографіей былъ арестованъ Спандони, который отъ насъ уѣхалъ еще въ октябрѣ и былъ назначенъ Вѣрой Фигнеръ для сношенія съ типографіей. Хозяиномъ квартиры, гдѣ помѣщалась типографія, былъ зловѣщей памяти штабсъ-капитанъ Сергѣй Дегаевъ. Вскорѣ мы узнали, что Дегаеву удалось бѣжать съ вокзала, бросивъ нюхательнаго табаку въ глаза сопровождавшимъ его жандармамъ, и добраться благополучно до Харькова. Этотъ успѣхъ нѣсколько смягчилъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ взятіемъ типо-

графіи, но онъ не могъ возмѣстить понесенную партіей потерю.

«Такъ закончился первый годъ моей революціонной дѣятельности. Я былъ доволенъ ходомъ работы, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ товарищами, троихъ изъ которыхъ — Никитину, Росси и Захарина — я крѣпко любилъ, и чувствовалъ нравственное удовлетвореніе. Новый годъ вся наша группа встрѣчала у меня на квартирѣ. Всѣ мы были веселы, оживлены и не думали, что меньше, чѣмъ черезъ годъ, только одинъ изъ насъ останется въ рядахъ.

Въ серединѣ января 1883 г. я ѣздилъ по дѣламъ организаціи въ Харьковъ для свиданія съ Вѣрою Фигнеръ. Въ чемъ состояли эти дѣла—я теперь не припомню. Важнаго во всякомъ случаѣ ничего не было. Помню только, что товарищи настаивали на моей поѣздкѣ. А Росси полушутя, полусерьезно, говорилъ, что надо же мнѣ представиться «матери-командиршѣ» (какъ онъ называлъ Вѣру Фигнеръ), которая меня еще не видѣла. Когда въ Харьковѣ, пройдя по всѣмъ явкамъ и давши требуемые пароли, я очутился передъ самой «матерью-командиршей», я увидѣлъ молодую женщину лѣтъ 28-ми, съ очень свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ прекрасными черными глазами, въ которыхъ поражало выраженіе большой проницательности и вмѣстѣ съ тѣмъ какой то внутренней усталости. Разговоръ между нами завязался сразу, безъ всякой натяжки. Вѣра Николаевна разспрашивала про наши дѣла, я разсказывалъ. Ее, повидимому, очень заинтересовала наша организація, и она внимательно выслушивала то, что я говорилъ. Весь нашъ разговоръ касался исключительно вопросовъ организаціи и пропаганды; о террорѣ даже рѣчи не заходило. На мой вопросъ В. Н. сказала мнѣ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ серьезныхъ организацій нѣтъ. Затѣмъ она сказала, что поставлена новая типографія, которая выпуститъ вскорѣ 10-й номеръ «Народной Воли», и выразила надежду, что выходъ номера оживитъ и укрѣпитъ духъ партіи. Разсказывала она еще о томъ, какъ была счастлива, когда неожиданно къ ней явился Дегаевъ. Посидѣвъ съ В. Н. около часу, я распрощался съ нею, унося съ собою на всю жизнь неизгладимое воспоминаніе объ этой энергичной и выдающейся личности.

«Вернувшись въ Кіевъ, я засталъ все въ благополучномъ состояніи, и все пошло опять по заведенному порядку. Но наше благополучіе должно было скоро прекратиться. Разъ вечеромъ—дѣло было въ послѣднихъ числахъ января — Росси и Захаринъ пришли ко мнѣ по обычаю повидаться и засидѣлись часовъ до 11-ти. Уходя, Захаринъ захватилъ съ собою для передачи въ складъ нѣсколько пачекъ прокламацій и другой литературы, которая мнѣ была доставлена дня два тому назадъ. И такъ какъ Захаринъ дѣлалъ все методически, то онъ и комодъ мой очистилъ фундаментально отъ всякой не-

легальщины. По уходѣ товарищей я легъ спать, но не успѣлъ еще заснуть, какъ услышалъ необычный и сдержанный шумъ, и въ дверь мою постучались».

Затѣмъ авторъ воспоминаній описываетъ обыскъ, произведенный у него. Поводомъ къ обыску послужилъ адресъ, данный имъ для сношенія группы народныхъ учителей Гадячскаго уѣзда. Учителя провалились, адресъ былъ найденъ у нихъ, а лицо, согласившееся дать свой адресъ, не задумываясь, указало на Баха.

На этотъ разъ Баху удалось, однако, благодаря хладнокровію и умѣнью владѣть собой, благополучно отдѣлаться отъ Новицкаго. Нахожденіе адреса у учителей онъ объяснилъ какою-то случайностью и послѣ длинныхъ разговоровъ съ жандармами былъ освобожденъ.

Но «искушать дальше судьбу» у Баха не было ни малѣйшаго желанія; а потому онъ рѣшилъ перейти на нелегальное положеніе и уѣхать изъ Кіева. Поработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Ярославлѣ и въ Казани (гдѣ между прочимъ имъ была написана брошюра «Царь-Голодъ» въ ея первоначальномъ видѣ), онъ получилъ въ декабрѣ 1883 года порученіе поставить типографію для напечатанія 10-го номера «Народной Воли», который все еще не выходилъ, такъ какъ харьковская типографія была выдана Дегаевымъ вмѣстѣ съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ. Пріѣхавъ въ Харьковъ и убѣдившись въ трудности поставить тамъ типографію, Бахъ рѣшилъ отправиться съ этою цѣлью въ Ростовъ, гдѣ, благодаря дѣятельности Сергѣя Пешекерова (сосланнаго въ декабрѣ 1883 г. въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ) создалась въ 1882-83 гг. очень солидная группа, обратившая особое вниманіе на пропаганду среди рабочихъ. «Вообще въ Ростовѣ» — говоритъ авторъ воспоминаній — «еще со временъ Земли и Воли и даже раньше, не прекращались дѣятельныя сношенія съ рабочими. Изъ среды ростовскихъ рабочихъ вышли такія крупныя революціонныя личности, какъ Антоновъ, Панкратовъ, Борисовъ. Но послѣ ареста и ссылки Пешекерова, дѣла группы пошли плохо, особенно сверху». Пріѣхавъ въ Ростовъ, Бахъ занялся организаціей имѣвшихся тамъ революціонныхъ силъ и постановкой типографіи вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановымъ, который также пріѣхалъ туда. Этотъ періодъ революціонной жизни автора воспоминаній уже сливается съ той новой попыткой возстановить центральную организацію Народной Воли, которая была сдѣлана послѣ ликвидаціи дегаевской исторіи. Поэтому мы заканчиваемъ здѣсь выдержки изъ воспоминаній А. Н. Баха, имѣвшія цѣлью дать картину революціонной дѣятельности въ мѣстныхъ народовольческихъ группахъ, и переходимъ къ дальнѣйшему изложенію послѣдняго періода народовольческаго движенія.

III

Послѣ ликвидаціи дегаевской исторіи, выступилъ на перрый планъ вопросъ о возстановленіи организаціи. Эту организацію приходилось, можно сказать, строить сызнова, такъ какъ отъ стараго Исполнительнаго Комитета уцѣлѣли только два человѣка, Оловенникова и Тихомировъ, причемъ послѣдній уже видимо потерялъ тогда вѣру въ возможность продолжать борьбу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Оловенниковой, изъ Женевы въ Парижъ, онъ говоритъ, по поводу ея желанія вернуться въ Россію: «...Но тѣмъ менѣе я могу одобрить твою тенденцію.... При настоящихъ условіяхъ, при теперешнемъ безпорядкѣ тамъ можно только «погибнуть на своемъ посту». Это очень благородно, но вполнѣ безполезно. Примѣровъ исполненія долга, героизма и т. д. мы имѣемъ болѣе, чѣмъ нужно на 10 революцій; но утилизировать этотъ нравственный капиталъ не умѣемъ...»

Но не смотря на всѣ понесенныя партіей неисчислимыя потери, силы революціоннаго движенія все-таки еще не были исчерпаны совершенно. Та огромная масса энергіи и героизма, которую внесла въ русскую общественную жизнь организація Народной Воли, глубоко затронула сознаніе множества людей, и эта революціонная волна, разлившаяся тогда по огромному пространству, не могла затихнуть сразу. Остававшіеся революціонные кружки были разсыпаны главнымъ образомъ по провинціальнымъ городамъ; существовали народовольческія группы или, по крайней мѣрѣ, элементы возможныхъ организованныхъ группъ въ Кіевѣ, Харьковѣ, Ростовѣ, Воронежѣ, Ярославлѣ, Казани, Нижнемъ, Саратовѣ; въ Москвѣ и Петербургѣ также уже накоплялась снова революціонная молодежь; наконецъ, имѣлся еще небольшой контингентъ нелегальныхъ, уцѣлѣвшихъ послѣ ареста В. Фигнеръ: Сергѣй Ивановъ, Бахъ, Панкратовъ, Борисовъ, Антоновъ, Елько (до своего ареста проявлявшій много преданности и революціонной энергіи), Стародворскій, Мих. Овчинниковъ.

Въ январѣ 1884г. въ Парижѣ съѣхались, кромѣ эмигрантовъ (Оловенникова, Тихомировъ, Чернявская, Серебряковъ, Лопатинъ), делегаты отъ нѣсколькихъ мѣстныхъ группъ (Карауловъ, Сухомлинъ, и др.). На этомъ съѣздѣ рѣшено было избрать «распорядительную комисію» изъ трехъ лицъ, которой поручалось ѣхать въ Россію и стать во главѣ новой организаціи. На этомъ же съѣздѣ была намѣчена также «центральная группа», состоявшая отчасти изъ революціонеровъ, по-

павшихъ послѣ дегаевской исторіи заграницу и намѣревавшихся вернуться въ Россію, а отчасти изъ нѣсколькихъ невыѣхавшихъ заграницу революціонеровъ (въ числѣ нихъ были М. Овчинниковъ, Сергѣй Ивановъ, Степуринъ и др.) Всего въ центральной группѣ насчитывалось 17 человѣкъ. Въ распорядительную комиссію были выбраны Г. Лопатинъ, Н. Салова и В. Сухомлинъ; главная роль принадлежала въ ней Г. Лопатину, уже старому революціонеру, пользовавшемуся громкою извѣстностью.

Революціонная карьера Германа Александровича Лопатина ведетъ свое начало еще съ каракозовскихъ временъ. Въ то время ему было 21 годъ. Онъ только что окончилъ Петербургскій университетъ, по естественному факультету, и обратилъ на себя вниманіе блестящей диссертаціей. Ему было предложено остаться при университетѣ; но онъ отказался. Въ каракозовскомъ дѣлѣ онъ прямаго участія не принималъ, но былъ знакомъ съ большинствомъ его участниковъ.

Во время повальныхъ обысковъ и всеобщей паники, послѣдовавшихъ за выстрѣломъ 4-го апрѣля 1866 г. онъ, одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ тогда, оказалъ большія услуги нѣкоторымъ изъ арестованныхъ и скомпрометированныхъ лицъ, помогая очищать квартиры и извѣщая кого было надо о грозившей опасности. Здѣсь впервые обнаружились его выдающіяся смѣлость, находчивость и энергія. Онъ былъ даже арестованъ самъ, но, какъ это случалось съ нимъ много разъ послѣ, сумѣлъ совершено одурачить жандармовъ и былъ скоро освобожденъ.

Въ 1867 г. онъ, вмѣстѣ съ Ф. Волховскимъ, былъ снова арестованъ по дѣлу о такъ называемомъ «рублевомъ обществѣ»; цѣлью своею это общество ставило просвѣтительную дѣятельность въ народѣ, для чего были установлены рублевые взносы.

Просидѣвъ въ тюрьмѣ больше восьми мѣсяцевъ, сначала при III отдѣленіи, а потомъ въ Петропавловской крѣпости, Лопатинъ былъ высланъ затѣмъ административно въ Ставрополь, гдѣ скоро занялъ очень вліятельное положеніе при губернаторѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Но служба его продолжалась не долго; въ 1869 г., онъ былъ снова арестованъ, вслѣдствіе одного перехваченнаго жандармами письма, въ которомъ онъ говорилъ, что ему надоѣло находиться во «ввѣренной ему губерніи» и что онъ собирается выѣхать заграницу. Будучи посаженъ въ Ставрополѣ-же на гауптвахту, онъ въ началѣ 1869 г. бѣжалъ оттуда*) и послѣ короткаго пребыванія въ Петербургѣ уѣхалъ заграницу.

---

*) При помощи чиновника губернскаго правленія Сидоренко, который въ 1872 г. способствовалъ также побѣгу Н. В. Соколова изъ Краснаго Яра.

Заграницей Лопатинъ вступилъ въ одну изъ секцій Интернаціонала и познакомился съ Бакунинымъ, Марксомъ и Энгельсомъ.*) На этотъ разъ впрочемъ онъ не долго оставался заграницей. Въ 1871 г. онъ поѣхалъ въ Россію съ цѣлью освободить Чернышевскаго. Повидавшись и познакомившись съ русской эмиграціей, Лопатинъ пришелъ къ заключенію, что ей не доставало авторитетнаго руководителя, подъ вліяніемъ котораго исчезли бы кружковыя распри. Такимъ авторитетнымъ руководителемъ и могъ быть, въ его глазахъ, Чернышевскій.

Переѣхавъ благополучно границу, Лопатинъ направился въ Иркутскъ съ планомъ, напоминавшимъ позднѣйшій планъ Мышкина.. Но въ Иркутскѣ, къ его пріѣзду, уже была получена изъ Женевы телеграмма, предупреждавшая начальство о намѣреніяхъ загадочнаго путешественника. Лопатинъ былъ арестованъ и посаженъ въ Иркутскій острогъ, гдѣ просидѣлъ почти 3 года. Здѣсь онъ снова обнаружилъ свою неистощимую энергію и свои разностороннія способности. Въ иркутскомъ острогѣ, въ 1878 г., когда тамъ временно останавливались партіи изъ осужденныхъ по процессу 193, среди уголовныхъ арестантовъ ходили легендарные разсказы о необычайной физической силѣ Лопатина и о его необычайномъ умѣніи подчинять своему вліянію начальство. Имъ между прочимъ чрезвычайно заинтересовался бывшій тогда иркутскимъ генералъ-губернаторомъ извѣстный Синельниковъ, который даже хлопоталъ въ Петербургѣ объ освобожденіи Лопатина, надѣясь сдѣлать его своимъ ближайшимъ помощникомъ по реформаторской дѣятельности въ Сибири.

Лопатинъ три раза убѣгалъ изъ иркутскаго острога. Въ первый разъ онъ самъ сдался караульнымъ, чтобы не быть убитымъ ими; второй разъ онъ уже добрался до Томска, но былъ узнанъ тамъ однимъ полицейскимъ чиновникомъ. Наконецъ въ третій разъ онъ доѣхалъ благополучно до Петербурга, осенью 1873 г., и вслѣдъ затѣмъ перешелъ границу.

Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіи шести лѣтъ жилъ постоянно заграницей, въ Парижѣ или въ Лондонѣ, не примыкая ни къ одной изъ русскихъ революціонныхъ организацій, но помогая совѣтомъ и дѣломъ революціонному движенію. Онъ былъ

---

*) Лавровъ разсказываетъ въ своей біографической замѣткѣ, приложенной къ «Процессу 21» (женевское изданіе 1888 года),что Лопатинъ очень близко сошелся съ Марксомъ и его семьей. По словамъ Лаврова, Марксъ говорилъ лично ему о своей большой симпатіи къ Лопатину и о своемъ уваженіи къ его уму. «Мало кто понималъ такъ хорошо» — говорилъ Марксъ—«то, что я сдѣлалъ и что намѣренъ былъ выполнить въ послѣдующихъ томахъ моего труда».

очень друженъ съ П. Л. Лавровымъ и помѣстилъ нѣсколько своихъ статей во «Впередъ». Время отъ времени онъ предпринималъ однако поѣздки въ Россію, чтобы повидаться съ пріятелями и не потерять пониманія русской общественной жизни. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ 1879 г., онъ былъ арестованъ въ Петербургѣ, благодаря своей собственной опрометчивости. Онъ былъ убѣжденъ въ полной преданности ему нѣкоего Вороновича, «глупаго и безобразнаго кутилы», по выраженію Лаврова, — и безъ всякой нужды сообщилъ ему свой петербургскій адресъ; между тѣмъ субъектъ этотъ оказался шпіономъ. Такого рода опрометчивость была вообще свойственна Лопатину; она вытекала изъ его необычайной смѣлости и увѣренности въ себѣ. Необычайная смѣлость и увѣренность въ себѣ составляли одновременно сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ слабую сторону Лопатина. Онѣ позволяли ему успѣшно выполнять самыя рискованныя предпріятія, но онѣ-же именно постоянно вредили ему и, какъ увидимъ ниже, способствовали его огромному провалу въ 1884 г.

Что касается ареста въ 1879 г., то на этотъ разъ Лопатинъ отдѣлался сравнительно благополучно; онъ былъ сосланъ административно въ Ташкентъ, а потомъ переведенъ въ Вологду, откуда бѣжалъ заграницу въ февралѣ 1883 г.

Вернувшись заграницу, онъ сталъ принимать болѣе прямое участіе въ революціонныхъ дѣлахъ, хотя сначала все еще не присоединялся формально къ организаціи Народной Воли, оставаясь — какъ онъ любилъ говорить — не человѣкомъ партіи, а «партизаномъ». Мы уже видѣли, что онъ взялъ на себя очень отвѣтственную роль въ развязкѣ дегаевской исторіи. Послѣ второго пріѣзда Дегаева заграницу, Лопатину именно было поручено сопровождать его обратно въ Россію и наблюдать за выполненіемъ взятаго имъ на себя обязательства, причемъ — какъ писалъ тогда Лопатинъ — ему приходилось столько же, если не болѣе, опасаться Дегаева, какъ и самаго Судейкина.

Послѣ парижскаго съѣзда и избранія Распорядительной Комиссіи, Лопатинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, въ мартѣ 1883 г. Прежде всего ему надо было тогда позаботиться о возможномъ объединеніи всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ. Нѣкоторымъ препятствіемъ къ этому служило возникновеніе незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ группы «молодой Народной Воли». Во главѣ ея стоялъ молодой писатель и поэтъ П. Якубовичъ. Эта группа составляла какъ-бы оппозицію старому направленію; она заявляла о необходимости обновленія программы въ смыслѣ поворота въ сторону массоваго рабочаго движенія, причемъ настаивала особенно на введеніе въ программу «фабричнаго и аграрнаго террора». Кромѣ небольшаго петербургскаго кружка (Мануйловъ, Лаговскій, М. Овчинниковъ,

Стародворскій и другіе), новое направленіе имѣло своихъ сторонниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ группахъ (какъ напр. Шебалина въ Кіевѣ); но, вообще говоря, начинавшійся расколъ не имѣлъ серьезныхъ основаній, такъ какъ сама по себѣ дѣятельность въ рабочей средѣ и безъ того всегда занимала выдающееся мѣсто въ народовольческой программѣ; введеніе-же въ нее фабричнаго и аграрнаго террора не могло быть поддержано никакими серьезными аргументами. Другой поводъ недовольства со стороны членовъ «молодой Народной Воли» вытекалъ изъ ихъ нежеланія подчиниться авторитету Исполнительнаго Комитета, фактически уже не существовавшаго тогда. Отсюда вытекло требованіе замѣнить въ организаціи Исполнительный Комитетъ періодическими съѣздами делегатовъ мѣстныхъ группъ. Такъ какъ и это требованіе не встрѣтило принципіальнаго возраженія, то Лопатину легко было парализовать начавшуюся оппозицію и устранить разногласія, которыя уже стали было принимать довольно рѣзкій характеръ. Въ апрѣлѣ 1884 г. въ Петербургѣ состоялось совѣщаніе, на которомъ было выработано заявленіе «молодой партіи», напечатанное потомъ въ № 10 «Народной Воли»; въ немъ говорилось, что ближайшее ознакомленіе со взглядами Исполн. Комитета устранило необходимость разрыва, крайне нежелательнаго въ то время, и устранило тѣмъ легче, что со стороны Исполн. Комитета было обнаружено «искреннее желаніе предоставить возможно широкій просторъ личнымъ мнѣніямъ и взглядамъ съ цѣлью лучшаго выясненія многихъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь революціонной практикой».

Тогда же въ Петербургѣ на небольшомъ съѣздѣ представителей нѣкоторыхъ мѣстныхъ группъ намѣчены были ближайшія задачи партіи. Первою стоявшею па очереди было устройство типографіи для напечатанія № 10; затѣмъ признано было необходимымъ возстановить террористическую борьбу, при чемъ предполагалось прежде всего устранить безгранично господствовавшаго тогда министра внутренн. дѣлъ Д. Толстого.

Достигнувъ соглашенія въ Петербургѣ, Лопатинъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ у Распорядительной Коммиссіи были кое-какія связи. Тамъ ему удалось организовать, главнымъ образомъ среди студентовъ Петровской Академіи, кружокъ, во главѣ котораго стояли Михаилъ Поповъ, Миноръ, Филипповъ и Контст. Ершовъ. Затѣмъ были подготовлены также организаціи въ Кіевѣ и въ Одессѣ. Значительную помощь оказали Лопатину на первыхъ шагахъ Бахъ и Сергѣй Ивановъ, такъ какъ они передали въ распоряженіе центральной организаціи свои связи съ группами юго-восточныхъ городовъ. Изъ этихъ группъ самая большая была тогда въ Ростовѣ; въ ней насчи-

тывалось до семидесяти челов. интеллигентовъ и рабочихъ*).

Такимъ образомъ, когда Лопатинъ, во время своего объѣзда всѣхъ революціонныхъ пунктовъ, пріѣхалъ въ концѣ лѣта въ Ростовъ, то онъ увезъ оттуда съ собой не только уже отпечатанный первый листъ № 10 и нѣсколько готовыхъ разрывныхъ снарядовъ, но также и нѣкоторую сумму денегъ.

№ 10 «Народной Воли» — который ожидался съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ помимо объясненія дегаевской исторіи въ немъ долженъ былъ появиться призывъ партіи «къ новому энергичному наступленію» и болѣе обстоятельное выясненіе ближайшихъ задачъ — печатался одновременно въ двухъ типографіяхъ: кромѣ ростовской типографіи была организована еще другая въ Дерптѣ, куда уѣхалъ Якубовичъ наблюдать за печатаніемъ. Вышелъ этотъ номеръ въ концѣ сентября 1884; въ немъ были помѣщены: заявленіе Исполнительнаго Комитета по поводу казни Судейкина; передовая статья; очень интересная программная статья о задачахъ дѣятельности въ народѣ (эта статья перепечатана въ № 5 «Былого»); программа польской соціалистической партіи «Пролетаріатъ»; федеративный договоръ этой партіи съ Народной Волей и, наконецъ, внутреннее обозрѣніе.

Кромѣ партійнаго органа, печатавшагося въ Россіи, заграницей выходилъ тогда довольно большими книжками партійный журналъ «Вѣстникъ Народной Воли»; редакторами его были Лавровъ и Тихомировъ; журналъ этотъ далъ рядъ теоретическихъ статей въ духѣ научнаго соціализма, какъ понималъ его Марксъ и съ тѣми поправками, какія онъ вносилъ въ нѣкоторые свои выводы, относившіеся къ Россіи. Серьезный научный характеръ этого журнала уже достаточно обезпечивался редакторствомъ Лаврова и тѣмъ близкимъ участіемъ, которое принималъ въ немъ Лопатинъ, находившійся

*) Такъ Баху и Иванову удалось при содѣйствіи нѣсколькихъ нелегальныхъ (Антонова, Кранцфельда, «Михайла», Елько, Добрускиной) поставить типографію и напечатать 10 № «Народной Воли». Изъ Луганскаго завода были доставлены въ Ростовъ въ іюлѣ 1884 года нѣсколько разрывныхъ снарядовъ, которые были изготовлены для Распорядительной Коммиссіи и должны были быть перевезены въ Петербургъ. Черезъ посредство одного изъ членовъ ростовской группы Бахъ вошелъ въ сношенія съ однимъ богатымъ молодымъ человѣкомъ, который рѣшился принять активное участіе въ дѣлахъ партіи и предоставить въ ея распоряженіе свое состояніе. Ростовская группа не имѣла никакой связи съ Луганскимъ заводомъ. О существованіи же типографіи изъ членовъ группы знала только одна Добрускина. См. обвинительн. актъ по дѣлу Лопатина и др.

въ постоянномъ общеніи съ Марксомъ и Энгельсомъ.*) Кромѣ того, журналъ печаталъ очень хорошо составленныя внутреннія обозрѣнія и обстоятельную хронику революціонной борьбы и политическихъ процессовъ. Тѣ пять книжекъ «Вѣстника Народной Воли», которыя успѣли выйти въ свѣтъ,**) сохраняютъ до сихъ поръ большой интересъ и даютъ богатый матеріалъ для исторіи нашего революціоннаго движенія.

Такимъ образомъ новая попытка оживить революціонное движеніе, предпринятая въ 1884 г., началась, повидимому, при очень хорошихъ условіяхъ. Произошло объединеніе всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ; организація имѣла двѣ своихъ типографіи и не нуждалась въ деньгахъ. Уѣзжая въ сентябрѣ изъ Ростова, Лопатинъ разстался съ Бахомъ съ самыми свѣтлыми надеждами.

Но трудность поставить тогда непосредственную и активную революціонную борьбу на прочную ногу обнаружилась очень скоро. Революціонное движеніе еще не поддерживалось тогда рабочими массами, вслѣдствіе чего потери, которыя оно несло, недостаточно пополнялись притокомъ новыхъ силъ. Желябовъ хорошо понималъ это, когда говорилъ, что «мы живемъ на капиталъ». Какъ ни былъ великъ въ Россіи этотъ капиталъ революціоннаго энтузіазма и самоотверженности, но при отсутствіи массового движенія, его все-таки оказалось недостаточнымъ. Опытныхъ и выдающихся революціонеровъ оставалось уже мало къ концу 1884 г., вслѣдствіе чего слишкомъ большая и непосильная работа лежала на плечахъ немногихъ людей. Какъ это часто бываетъ, неустойчивость положенія какъ бы нашла тогда свое выраженіе въ свойствахъ того человѣка, которому привелось играть руководящую роль. Своею обычною смѣлостью и самоувѣренностью Лопатинъ хотѣлъ замѣнить тогда отсутствіе крѣпкой и сильной центральной организаціи. Ему на каждомъ шагу приходилось усиленно рисковать; онъ всюду вербовалъ помощниковъ и сталкивался со всякаго рода людьми. Въ Москвѣ, напримѣръ, его заинтересовалъ нѣкій Белино-Бжозовскій, оказавшійся ловкимъ шпіономъ-провокаторомъ. Лопатинъ имѣлъ неосторожность назначать ему свиданіе и такимъ образомъ далъ возможность выслѣдить себя.

7 октября 1884 г. онъ былъ арестованъ среди бѣлаго дня на Невскомъ проспектѣ; при немъ были захвачены 11 листковъ

---

*) Въ печатныхъ извѣщеніяхъ о предполагавшемся изданіи «Вѣстника Народной Воли», распространявшихся въ Москвѣ еще въ концѣ 1882 года, въ числѣ сотрудникоъ упоминался Марксъ.

**) Первая книжка вышла въ ноябрѣ 1883 года; вторая и третья въ 1884 г.; четвертая—въ 1885 и пятая—въ 1886.

тонкой бумаги съ адрессами и разными конспиративными замѣтками. Лопатинъ разсчитывалъ на свою силу и ловкость; онъ былъ увѣренъ, что успѣетъ въ критическую минуту проглотить эти листки тонкой бумаги; но нападеніе было слишкомъ неожиданно. Онъ два раза вырывался изъ рукъ полицейскихъ, но каждый разъ оставался побѣжденнымъ. Въ третій разъ, уже въ жандармскомъ правленіи, онъ снова вырвался, вытащилъ записки и сунулъ ихъ въ ротъ; но его схватили за горло и такъ сдавили, что онъ потерялъ сознаніе...

Этимъ арестомъ, вызвавшимъ повсемѣстный разгромъ только что начавшихъ свою работу организацій, закончилась и эта попытка возстановить организованную революціонную борьбу по программѣ Народной Воли. Вслѣдъ за Лопатинымъ были арестованы Салова, Сухомлинъ, позднѣе Якубовичъ, Добрускина и множество другихъ лицъ; всего было арестовано тогда въ разныхъ мѣстахъ до 500 человѣкъ.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы этотъ разгромъ народовольческой организаціи 1884 года означалъ собою хотя-бы и временное, но болѣе или менѣе полное исчезновеніе всѣхъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи и, хотя-бы и временное, но болѣе или менѣе полное прекращеніе революціоннаго движенія. Однимъ изъ главныхъ результатовъ народовольческаго періода было именно гораздо большее, по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, распространеніе самой идеи о необходимости революціоннаго движенія въ Россіи, какъ единственно возможной для нея формы общественной жизни. Полная остановка революціоннаго движенія означала бы тогда для нея ни болѣе не менѣе, какъ исчезновеніе всякой сколько-нибудь серьезной общественной инипіативы, всякаго серьезнаго участія къ общественному дѣлу; а такого результата нельзя было добиться, конечно, никакими массовыми арестами. Пораженіе потерпѣла въ 1884 году лишь начавшая было возникать тогда новая центральная революціонная организація, имѣвшая въ виду снова сосредоточить подъ своимъ руководствомъ все революціонное движеніе и придать ему извѣстную опредѣленную форму. Для такого руководства не оказалось тогда достаточнаго количества выдающихся революціонныхъ силъ, да и самая программа той наступательной и централизованной революціонной борьбы, которая составляла въ моментъ возникновенія Народной Воли ея наиболѣе сильную сторону, уже перестала теперь отвѣчать измѣнившемуся настроенію въ самой революціонной средѣ. Это настроеніе уже значительно понизилось тогда. Какъ неизбѣжный результатъ понесенныхъ потерь, въ революціонной средѣ произошла тогда потеря той вѣры въ непосредственную побѣду, въ достиженіе непосредственныхъ революціонныхъ результа-

товъ, какою несомнѣнно сопровождалось народовольческое движенiе въ его лучшую пору. Теперь наступалъ перiодъ реакцiи и разочарованiя по отношенiю къ той части народовольческой программы, которая касалась непосредственной революцiонной борьбы. За перiодомъ «траты революцiоннаго капитала» наступалъ перiодъ органическаго роста и накопленiя революцiонныхъ силъ, при чемъ, какъ это всегда бываетъ, понизившееся революцiонное настроенiе отразилось на теоретическихъ взглядахъ и на революцiонной программѣ; фактически положенiе данной минуты было возведено въ теорiю; въ революцiонной литературѣ сталъ проводиться тогда взглядъ, придававшiй всякому революцiонному движенiю характеръ историческаго процесса и отрицавшiй *научность* революцiонной борьбы, подобной той, которую вела Народная Воля, т. е. борьбы съ далеко неравными силами. *Объективныя* условiя роста и развитiя соцiалистическаго движенiя смѣшивались въ этой теорiи съ тѣми *субъективными* данными, которыя вырабатываются въ самомъ этомъ процессѣ и въ извѣстный моментъ обусловливаютъ собой переходъ даже къ самой рискованной революцiонной борьбѣ. Такимъ образомъ въ этой новой теорiи революцiонная инициатива какъ бы уступала мѣсто безошибочному разсчету, основанному на непреложныхъ историческихъ законахъ и потому устранявшему такъ называемую непроизводительную трату революцiонныхъ силъ*).

Но такого именно рода теорiя какъ разъ соотвѣтствовала тогда значительно понизившемуся революцiонному настроенiю и потому имѣла въ данное время несомнѣнный успѣхъ, сопровождавшiйся временнымъ затишьемъ революцiонной борьбы. Но мы уже говорили, что это затишье было только кажущимся и вовсе не означало собой прекращенiя или даже уменьшенiя размѣровъ революцiоннаго движенiя въ Россiи; послѣднее только утратило тогда свой интенсивный, наступательный характеръ. Что же касалось собственно притока новыхъ революцiонныхъ силъ и возникновенiя повсюду новыхъ революцiонныхъ кружковъ, проникнутыхъ мыслью о необходимости революцiонной борьбы и мучительно вырабатывавшихъ новыя революцiонныя программы, то въ этомъ отношенiи соцiалистическое движенiе въ Россiи не только не прекратилось во второй половинѣ 80-хъ годовъ, но, напротивъ того, все болѣе и болѣе расширялось тогда и распространялось почти по всѣмъ провинцiальнымъ городамъ**).

---

*) Наибольшимъ влiянiемъ въ этомъ направленiи пользовалась тогда извѣстная книга Плеханова «Наши Разногласiя», вышедшая въ 1885 г.

**) Большое содѣйствiе оказывали этому непрекращавшiяся

Все болѣе и болѣе расширялась тогда также и соціалистическая пропаганда среди рабочихъ, — о чемъ мы уже упоминали въ предыдущей главѣ,—при чемъ рабочее движеніе уже начинало пріобрѣтать въ Россіи массовой характеръ. Въ январѣ 1885 г. въ Орѣховѣ-Зуевѣ, на огромныхъ морозовскихъ фабрикахъ произошла знаменитая стачка, носившая очень бурный характеръ и возникшая подъ вліянімъ распропагандированныхъ ранѣе рабочихъ (Мосѣенковъ и др.).

Такимъ образомъ, если народовольческое движеніе потерпѣло пораженіе въ качествѣ опредѣленной революціонной организаціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ израсходованныя ею силы дали значительный толчекъ дальнѣйшему росту и развитію революціоннаго соціализма въ Россіи. Даже въ періодъ лопатинской попытки народовольческая организація уже далеко не могла охватить собою всѣхъ революціонныхъ элементовъ. Такъ мы знаемъ, напр., что на ряду съ народовольческими группами, тогда возникали группы «соціалистовъ-народниковъ», отрицавшихъ политическій терроръ. Они имѣли свои организованные кружки въ Москвѣ и Харьковѣ. Въ Харьковѣ у нихъ была своя типографія, захваченная по оговору убитаго затѣмъ Антоновымъ Шкрябы; при этомъ были арестованы Манучаровъ, Іорданъ, Ослоновъ и Забалуевъ.*) Въ этой типографіи были перепечатаны нѣкоторыя народныя брошюры: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика» и др.

* * *

студенческія волненія, особенно въ Московскомъ и Петербургскомъ университетахъ, въ результатѣ которыхъ лучшая часть студентовъ сотнямѣ разсылалась по провинціальнымъ городамъ. Въ 1883 году были волненія въ Ново-Александровскомъ институтѣ сельскаго хозяйства, при чемъ было исключено 170 чел. и самый институтъ закрытъ. Въ 1884 г. — волненія въ Московскомъ унив., сопровождавшіяся демонстраціею на Страстномъ бульварѣ (передъ редакціей «Московскихъ Вѣд.»); арестовано 110 челов. Въ 1886 г. въ Петербургѣ демонстрація въ память Добролюбова (17 ноября): арестовано 150 челов. Въ 1887 г. въ Московскомъ ун. разыгралась такъ назыв. брызгаловская исторія (пощечина инспектору Брызгалову), при чемъ исключено было 27 челов. Въ томъ же году безпорядки въ Одесскомъ и Петербургскомъ университетахъ, при чемъ послѣдній былъ закрытъ. Въ 1890 г. — большіе безпорядки въ Петровской академіи и въ университетахъ Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, съ массою исключенныхъ и сосланныхъ студентовъ.

*) Манучаровъ и Іорданъ бѣжали изъ харьковской тюрьмы, но вскорѣ были снова арестованы; при второмъ арестѣ Манучаровъ оказалъ вооруженное сопротивленіе и былъ осуж-

Чтобы закончить эту краткую дополнительную главу о послѣднихъ проявленіяхъ народовольческаго движенія, намъ осталось еще разсказать въ нѣсколькихъ словахъ объ организаціонной попыткѣ Оржиха и Богораза въ 1885 году, а затѣмъ о террористической организаціи Ульянова, Генералова, Осипанова и др. въ 1887 г. Но ранѣе этого намъ необходимо еще упомянуть о польской соціалистической организаціи «Пролетаріатъ» и о ея федеративномъ союзѣ съ Народной Волей, — событіяхъ, относящихся къ періоду 1882—84 гг.

Организація «Пролетаріатъ» представляетъ собою чрезвычайно важное явленіе въ исторіи развитія польскаго соціалистическаго движенія. Этой именно организаціей было положено начало систематической революціонной пропаганды въ польской рабочей средѣ и тому организованному польскому соціалистическому движенію, которое разрослось теперь въ обширную рабочую партію. Но мы можемъ коснуться здѣсь исторіи «Пролетаріата» лишь въ той мѣрѣ, въ какой она связана съ исторіей народовольческаго движенія, т. е. коснемся лишь эпизода о заключеніи федеративнаго договора между Исполнительнымъ Комитетомъ Народной Воли и Центральнымъ Комитетомъ соціально-революціонной партіи «Пролетаріатъ».

Революціонное соціалистическое движеніе началось въ русской Польшѣ во второй половинѣ 70-хъ годовъ; ранѣе же того тамъ, подъ вліяніемъ гнетущихъ послѣдствій возстанія 1863 г., господствовало анти-революціонное настроеніе, выразившееся въ программѣ «органическаго развитія», призывавшей къ легальной работѣ на почвѣ культурнаго и промышленнаго прогресса. Скоро однако это культурническое теченіе смѣнилось революціоннымъ. Произошло это до извѣстной степени подъ вліяніемъ русскаго революціоннаго движенія. Многіе изъ будущихъ членовъ польской соціалистической организаціи провели студенческіе годы въ Петербургѣ и Москвѣ (Людвигъ Варынскій, Глазго, Яновичъ) и тамъ примыкали къ русскимъ революціоннымъ кружкамъ. Вернувшись въ Польшу, они положили начало соціалистической организаціи и соціалистической пропагандѣ среди польскихъ рабочихъ.

Такимъ образомъ въ 1882 г. возникла польская организація «Пролетаріатъ» съ программой, ставившей на первое мѣсто «распространеніе среди рабочихъ сознанія ихъ классовой обособленности, съ одной стороны — путемъ пропаганды соціализма, съ другой — путемъ агитаціи среди массъ на почвѣ насущныхъ будничныхъ интересовъ и путемъ организованной

денъ на 10 лѣтъ каторги (въ 1895 г. освобожденъ изъ Шлиссельбурга и переведенъ на Сахалинъ); Іорданъ и Забалуевъ умерли въ ссылкѣ, въ Сибири.

борьбы за нихъ съ привилегированными классами и правительствомъ, стоящимъ на сторонѣ этихъ классовъ, послѣдствіемъ чего должна быть дезорганизація существующаго государственнаго механизма».

Затѣмъ въ своей программѣ Центральный Комитетъ «Пролетаріата» заявлялъ, что «партія, принужденная политическими условіями къ тайной дѣятельности, не можетъ заняться массовой организаціей сознательныхъ соціалистовъ работниковъ, которые могли бы на другой день послѣ революціи взяться за перестройку стараго общества. Все, что она можетъ сдѣлать, это сгруппировать около одного центра то сравнительно небольшое количество соціалистовъ, которое ей удастся выработать путемъ пропаганды въ періодъ своей подготовительной дѣятельности; затѣмъ путемъ агитаціи — словомъ, печатью, дѣйствіемъ — стараться сдѣлать возможно популярнымъ свое знамя, свою организацію, такъ, чтобы массы въ ней дѣйствительно увидѣли своего защитника и на сдѣланный ею въ соотвѣтственную минуту призывъ пошли подъ ея знамя».

Легко видѣть, что такая постановка революціонной задачи совершенно совпадала съ программными заявленіями Народной Воли, въ которыхъ также говорилось, что «прежде всего мы должны создать нѣкоторые небольшіе, но испытанные революціонные кадры среди городскихъ рабочимъ съ тѣмъ, чтобы эти группы заранѣе обезпечили себя обширными связями съ остальною массою городскихъ рабочихъ и, разумѣется, съ крестьянствомъ, поскольку это возможно».

Подобное же совпаденіе во взглядахъ обѣихъ организацій обнаружилось и по вопросу о террорѣ: «Въ этой борьбѣ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ рукахъ партіи», — читаемъ мы въ заявленіи Центральнаго Комитета «Пролетаріата» — «является терроръ экономическій и связанный съ нимъ политическій, проявляющійся въ разныхъ формахъ».

Изъ этого совпаденія какъ основныхъ задачъ, такъ и способовъ борьбы естественно вытекала потребность въ федеративномъ объединеніи. И вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ томъ-же программномъ заявленіи Центральнаго Комитета, напечатанномъ въ № 10 «Народной Воли».

«Вышеизложенный взглядъ на задачи соціально-революціонной партіи въ Польшѣ опредѣляетъ и отношеніе ея къ русской соціально-революціонной партіи Народной Воли Въ своей дѣятельности на почвѣ экономическихъ условій, — состоящей въ приготовленіи рабочихъ классовъ къ будущей соціальной революціи путемъ пропаганды, агитаціи и организованной борьбы, — Центральный Комитетъ сохраняетъ полную независимость отъ Исп. Комитета и въ сферѣ своей дѣятельности обладаетъ исключительной въ этомъ отношеніи компетенціей. Съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что польскому про-

летаріату возможно вырвать власть изъ рукъ русскаго правительства только при помощи революціонныхъ силъ остальныхъ частей Россійской имперіи; 2) что эти силы успѣшнѣе всего группируются и организуются подъ знаменемъ «Народной Воли»; 3) что партія эта, необходимая для польскаго пролетаріата въ дѣлѣ низверженія существующаго правительства, задалась этой цѣлью ради достиженія соціалистическихъ реформъ; 4) что борьба съ деспотическимъ централизованнымъ правительствомъ должна быть приведена въ полное соотвѣтствіе и единство во всѣхъ проявленіяхъ и на всей территоріи, находящейся подъ его гнетомъ, — Центр. Ком. участвуетъ въ ней лишь по полному соглашенію съ Исп. Ком., какъ представителемъ соц. рев. партіи, дѣйствующей въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Принимая во вниманіе далѣе. что окончательная побѣда надъ правительствомъ возможна только въ томъ случаѣ, если оно одновременно будетъ парализовано во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ, Центр. Ком. приступитъ къ государственному перевороту не иначе, какъ по знаку, данному Исп. Ком. въ тотъ моментъ, когда этотъ послѣдній найдетъ возможнымъ начать его въ Россіи, послѣ чего, въ своихъ созидательныхъ работахъ, Центральный Комитетъ отдѣляется отъ Исполнительнаго Комитета, какъ самостоятельное цѣлое, и проводитъ въ районѣ своей дѣятельности возможныя реформы, согласуясь съ мѣстными условіями».

Одновременно съ этимъ заявленіемъ польской организаціи, въ № 10 «Народной Воли» былъ напечатанъ «Отвѣтъ Исполнительнаго Комитета», въ которомъ говорилось:

«Уважая самостоятельность и свободное развитіе каждаго народа, Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли не можетъ сверхъ того не признать, что развитіе соціальныхъ условій русскаго и польскаго народовъ не допускаютъ полнаго тождества въ пріемахъ подготовительной работы русскихъ и польскихъ соціалистовъ. Вслѣдствіи этого полное сліяніе партіи «Народная Воля» съ польской партіей «Пролетаріатъ» могло-бы скорѣе тормозить дѣятельность русскихъ и польскихъ соціалистовъ, стѣсняя свободу тѣхъ и другихъ въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ организаціи и борьбы. Съ этой точки зрѣнія, Исполнит. Комитетъ, вступая въ союзъ съ Центральнымъ Комитетомъ, признаетъ однако вполнѣ разумнымъ рѣшеніе послѣдняго сохранить за «Пролетаріатомъ» полную независимость и отвѣтственность въ веденіи всѣхъ дѣлъ своей партіи въ Польшѣ».

На этихъ основаніяхъ и былъ заключенъ федеративный союзъ между двумя организаціями. Тѣсная связь между ними поддерживалась, какъ мы уже говорили, близостью нѣкоторыхъ изъ выдающихся польскихъ революціонеровъ къ русскому движенію. Извѣстно, напримѣръ, что незадолго до своего ареста

(въ сентябрѣ 1883 г.) Людвигъ Варынскій собирался ѣхать въ Петербургъ, чтобы принять личное участіе въ русской организаціонной работѣ.

«Пролетаріатъ» издавалъ свой партійный органъ, того же названія, печатавшійся въ тайной типографіи въ Варшавѣ (вышло 5 нумеровъ). Имъ же было распространено нѣсколько прокламацій къ рабочимъ и къ крестьянамъ (по поводу рѣчи Александра III на коронаціи). Лѣтомъ 1884 г. въ Варшавѣ произошли аресты и организація «Пролетаріата» потерпѣла полный разгромъ. Въ 1885 г. произошелъ военный судъ, причемъ четверо изъ арестованныхъ были казнены (Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій), а 20 человѣкъ сосланы на каторгу (Варынскій, Яновичъ, Маньковскій, Рехневскій, Дулемба, Лури, Конъ и др.).

* * *

Переходимъ теперь къ разсказу о послѣднихъ проявленіяхъ народовольческаго движенія. Послѣ разгрома лопатинской организаціи, самую крупную попытку собрать остатки разбитой арміи представляла собою организація Сергѣя Иванова, Оржиха, Богораза и друг. Въ лицѣ Сергѣя Иванова, вскорѣ впрочемъ арестованнаго, эта организація была преемственно связана съ послѣднею центральною группою Народной Воли.

Значительная доля иниціативы въ созданіи этой организаціи принадлежала Борису Оржиху. Онъ объѣхалъ югъ Россіи и подготовилъ небольшой съѣздъ, который состоялся въ Екатеринославлѣ въ сентябрѣ 1885 г.; на немъ были представители одесской, харьковской, ростовской, екатеринославской группъ и четверо нелегальныхъ. Къ съѣзду былъ приготовленъ въ рукописи № 11-12 «Народной Воли» и здѣсь же окончательно проредактированъ. На этомъ же съѣздѣ было рѣшено поставить типографіи и завязать сношенія съ сѣверомъ. Типографія была поставлена въ Таганрогѣ, и тамъ былъ вскорѣ отпечатанъ послѣдній N «Народной Воли» и програмная брошюра «Борьба общественныхъ силъ». Какъ № 11-12 газеты «Народная Воля», такъ и брошюра являются попытками народовольцевъ «послѣдняго призыва» отстоять старыя позиціи отъ начавшихся уже нападеній, а также внести нѣкоторыя измѣненія въ старой программѣ. Общее направленіе этихъ измѣненій клонилось къ большему подчеркиванію роли массовой работы, къ отказу отъ стремленія къ захвату власти, къ надеждѣ на возможность путемъ террора добиться конституціонныхъ уступокъ. Но южная организація не ограничилась лишь литературной работой. Весь 1885 г. былъ посвященъ ею дѣятельной организаціонной работѣ и подготовленію къ новому нападенію на правительство. Была устроена динамитная мастерская, приготовившая нѣсколько снарядовъ; были завязаны связи съ сѣверными груп-

пами, въ которыхъ работали нѣкоторые выдающіеся революціонеры, какъ Коганъ-Бернштейнъ и Гаусманъ*). Въ Петербургѣ вновь налаживалась военная организація. Но разгромъ въ началѣ 1886 г. (арестъ Таганрогской типографіи въ квартирѣ Н. К. Сигиды**), гдѣ были взяты также и бомбы, арестъ Оржиха и другихъ, аресты на сѣверѣ) положилъ конецъ и этой кратковременной организаціи.

Еще менѣе успѣшна была попытка возобновить борьбу Народной Воли, сдѣланная однимъ изъ уцѣлѣвшихъ членовъ южной организаціи — Н. Богоразомъ. Онъ перенесъ свою дѣятельность на сѣверъ, преимущественно въ Москву, и поставилъ типографію въ Тулѣ, гдѣ были напечатаны № 3 «Листка Народной Воли», цѣлый рядъ брошюръ для рабочихъ и проч.

Но и эта организація была разбита ранѣе, чѣмъ могла приступить къ исполненію намѣченной ею боевой программы.

Весь этотъ періодъ характеризуется страстными программными исканіями, стремленіемъ выяснить корень прежнихъ ошибокъ и неудачъ, попытками найти новыя силы для борьбы. Усиливается работа среди городского пролетаріата, которой почти цѣликомъ посвящаютъ себя тогда мѣстныя группы; въ молодежи ведутся страстные дебаты о программѣ и тактикѣ. Наряду съ появленіемъ первыхъ соціалдемократовъ, пытавшихся осуществить программу заграничной группы «Освобожденія Труда», возникаетъ группа «милитаристовъ», возлагавшихъ всѣ надежды на пропаганду среди военныхъ (продолженіе прежней группы «немистовъ», сторонниковъ военнаго заговора); оживаютъ также кружки народниковъ (напр., въ Харьковѣ), рѣшившихъ возобновить дѣятельность въ крестьянской средѣ; появляются защитники чистаго терроризма, не задающихся никакой иной задачей, какъ повтореніемъ цареубійства. Но дѣятельность Богораза и его товарищей оставалась еще въ тѣхъ же самыхъ колеяхъ, какія были проложены предшествующимъ періодомъ Народной Воли. Они хотѣли только реформировать организаціонные пріемы борьбы. Вмѣсто централизаціи они предлагали федералистическій принципъ, развитіе мѣстной самодѣятельности, выборный Исполнительный Комитетъ.

Съ организаціей Богораза народовольческое движеніе прекращается не только фактически, но и формально. Новые кружки, какъ напримѣръ петербургская организація, подготовля-

*) Въ 1889 г. казнены въ г. Якутскѣ.

**) Умерла на Карѣ, послѣ того, какъ была подвергнута тѣлесному наказанію за пощечину, данную смотрителю тюрьмы. Это наказаніе вызвало массовое самоотравленіе политическихъ каторжанъ на Карѣ, причемъ умерли М. Ковалевская, М. Калюжная, братъ ея И. Калюжный и Сергѣй Бобоховъ.

вшая покушеніе 1-го марта 1887 г., возникаютъ почти совершенно независимо отъ прежнихъ дѣятелей и почти безъ всякой связи съ прежней программой.

Петербургская организація 1887 г. называла себя террористической фракціей «Народной Воли» и ограничивала свою задачу подготовленіемъ одного террористическаго акта. Покушеніе это, впрочемъ, не состоялось. 1 марта 1887 г. на Невскомъ проспектѣ были задержаны съ метательными снарядами въ рукахъ Вас. Денис. Генераловъ, П. Андреюшкинъ и Вас. Степ. Осипановъ; затѣмъ были арестованы Петръ Яковл. Шевыревъ и Александръ Ильичъ Ульяновъ. Всѣ они открыто заявили о своей принадлежности къ террористической фракціи. Ульяновъ произнесъ на судѣ сильную рѣчь, въ которой сказалъ, что ни онъ, ни его товарищи не боятся смерти. «Мое намѣреніе, продолжалъ онъ, было помочь освобожденію несчастнаго русскаго народа, и послѣ насъ явятся новыя сотни молодыхъ людей, которые пойдутъ по нашимъ слѣдамъ и достигнутъ перемѣны невозможной системы».

Всѣ пятеро были приговорены къ смертной казни и казнены 8 мая 1887 г. Кромѣ нихъ, І. Лукашевичъ и М. Новорусскій были приговорены къ вѣчной каторгѣ и заперты въ Шлиссельбургъ; Ананьина, Пильсудскій и др. приговорены къ разнымъ срокамъ каторжныхъ работъ.

Были и другія отдѣльныя попытки, оторванныя отъ общаго хода развитія нашего революціоннаго движенія. Такъ, самостоятельно возникла очень обширная организація офицеровъ и юнкеровъ, охватившая Петербургъ и нѣсколько провинціальныхъ городахъ, но разгромленная на самыхъ первыхъ шагахъ своей подготовительной работы; тогда было арестовано свыше 200 офицеровъ, изъ которыхъ около 20 были отданы подъ судъ (Шелгуновъ, Бруевичъ и друг.) — Почти въ то же время харьковскимъ кружкомъ Мейснера, Храповскаго и др. была сдѣлана неудачная попытка примѣнить терроръ къ нѣкоторымъ главарямъ сыска (дѣло закончилось присужденіемъ Мейснера и Храповскаго къ многолѣтней каторгѣ). Затѣмъ въ 1889 г. была арестована и заперта въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ она въ 1891 г. перерѣзала себѣ сонную артерію осколкомъ стакана, Софья Гинсбургъ, выдающаяся по уму и энергіи дѣвушка, пріѣхавшая изъ-за границы съ террористическими цѣлями.

Но это были уже послѣднія, замирающія волны движенія, когда-то захватившаго собою всю революціонную Россію. Наступила другая пора, и русское соціалистическое движеніе уже вступало въ новый фазисъ своего развитія.

ИЗДАНІЯ

Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ
и
Аграрно-Соціалистической Лиги.

(НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА)

			экз.
1.	Какъ министръ заботится о крестьянахъ. Изданіе 1-ое	1.000	„
	Изданіе 2-ое	3.000	„
2.	Какъ венгерскіе крестьяне боролись за свои права	1.000	„
3	Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 1-ое изд.	2.000	„
	„ „ „ „ 2-ое изд.	10.000	„
4.	Бесѣды о землѣ. 1-ое изданіе	2.000	„
	„ „ 2-ое изданіе	10.000	„
5.	Разсказы изъ русской исторіи, ч. 1. изд. 1.	2.000	„
	„ „ „ „ изд. 2.	5.000	„
6.	Долой полицію	4.000	„
7.	Воля царская и воля народная	4.000	„
8.	Голодъ и самодержавіе	4.000	„
9.	Царское правительство и рабочій народъ.	10.000	„
10.	За вѣру, царя и отечество. Разсказъ Ивана Вольнаго	10.000	„
11.	За Волю и Землю	10.000	„
12.	Сказаніе о несправедливомъ царѣ. Ф. Волховскаго	10.000	„
13.	Разсказы изъ русской исторіи. ч. II.	10.000	„
	Очередной вопросъ революціоннаго дѣла въ Россіи. Изданіе 1-ое и 2-ое по	1.000	„

По всѣмъ дѣламъ, касающимся Аграрно-Соціалистической Лиги просятъ обращаться по слѣдующимъ адресамъ: V. Schitlovsky, 35, Zieglerstrasse Bern, Suisse; E. Rouhanovitch, 50, rue Lhomond, Paris; F. Volkhovsky, 47, Tunley Road, Tooting, London W. S.; C. Terechkowitch, 74, rue de Jupille, Liége (Bressoux), Belgique.

Изданія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

1.	Реформа Ванновскаго	2.000	экз.
2.	19-ое февраля	2.000	„
3.	Вторая Воля	2.000	„
4.	Долой самодержавіе!	3.000	„
5.	Красное знамя (первомайскій сборникъ)	5.000	„
6.	О податяхъ и налогахъ	2.000	„
7.	Отчего студенты бунтуютъ	1.000	„
8.	Откуда пошло крестьянское раззоренье	500	„
9.	Царь-Голодъ	10.000	„
10.	Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи	5.000	„
11.	Неужели такъ надо?	2.000	„
12.	Ко всему русскому крестьянству. 1 и 2 изд. по	10.000	„
13.	Террористическій элементъ въ нашей программѣ (отдѣльный оттискъ изъ „Рев. Россіи“)	5.000	„
14.	Памяти С. В. Балмашева	5.000	„
15.	Народный герой (Ѳ. К. Качуръ)	15.000	„
16.	Батумское кровопролитіе	10.000	„
17.	Эволюція русской соціалистической мысли (отдѣльный оттискъ изъ Вѣстника Русской Революціи)	2.000	„
18.	Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости	1.000	„
19.	Несправедливое устройство русскаго государства. (Изд. Крест. Союза)	10.000	„
20.	Демонстранты передъ судомъ	5.000	„
21.	Солдатскій подвигъ. Разск. К. Миронова	10.000	„
22.	Помогайте вольной печати	3.000	„
23.	Къ крестьянскому вопросу. А. Рудина.	2.000	„
24.	С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. Л. Шишко	2.000	„
25.	Липочка-поповна, разск. І. Новокрещенскаго.	20.000	„
26.	Кризисъ и безработица	5.000	„
27.	На работѣ, разсказъ К. Миронова	5.000	„
28.	Новое крѣпостное право	5.000	„
29.	За хлѣбъ и землю!	5.000	„
30.	Ростовскія событія	2.000	„
31.	Хитрая механика.	10.000	„
32.	С. Л. Перовская.	5.000	„

